Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

Книга 2

Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

2

Ш

Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

ОТЧАЯНИЕ

Книга
2

Перевод с казахского
М. Симашко

АЛМА-АТА «ЖАЗУШЫ» 1986

84Каз7—44
Е 82

Есенберлин Ильяс.
Е 82 Кочевники: Историческая трилогия / Пер. с каз. М. Симашко.— Алма-Ата: Жазушы.
Кн. 2. Отчаяние. 1986. 224 с., ил.

Е $\frac{4702230200-063}{402(05)86}$ Без объявл.—86 84Каз7—44

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юго-востока Великую Казахскую степь высочайшие в мире горы. Они — естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Трудно проходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганным ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские равнины кровавые всеуничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища Аттилы, тумены Чингисхана, безликие полки великоханьских фангфуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде всего на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю казахскую степь, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие в степи устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить дорогу врагу...

Уже неделю шла страшная битва в Джунгарских воротах при урочище Сойкынсай между казахским ополчением и регулярным китайским войском. Как волки, резались люди, и кровавые цветы взошли в межгорье. С трудом уже лезли китайские солдаты через горы трупов, но равнодушный полководец с застывшим лицом, как обычно, все слал и слал их вперед не считая. Синей безликой массой выходили они из-за его спины, доходили до казахских батыров и валились подкошенные, как скудная зимняя трава. И все же на восьмой день к месту битвы в зеленом шелковом паланкине, несомом сорока рабами — кули, прибыл сам великий богдыхан Канси.

— Как идет битва?— спросил он у полководца, хоть хорошо знал от своих многочисленных лазутчиков положение дел.

И полководец, похожий лицом на старую женщину — без усов и бороды, склонился до земли:

— Битва проходит под знаком собаки, великий богдыхан!..

Это означало, что сражение проходит с переменным успехом, как у схватившихся из-за кости собак.

— Дурак...— Глаза высокого богдыхана были так же равнодушны, как и у полководца.— Битва проходит под знаком воды. Сколько ни рассекай ее мечом, волны все равно смыкаются... Триста лет династия Тан все тыкала мечом в эту степь, а потом вынуждена была отгородиться от нее стеной!..

Полководец пригнулся еще ниже, широко расставив пухлые руки. Это означало вопрос и полное повиновение.

— С тиграми воюют головой, а не руками...— Богдыхан говорил тихо, размеренно, и слова шелестели, как перья опахала.— Тигр перед тобой... Где ты видишь по соседству другого тигра?

Глаза полководца забегали по кисточкам паланкина.

— Он сейчас за спиной у тебя, этот тигр... Дикие, непокорные ойроты тревожат середину мира, где стоит наш трон. Древняя стена для них не помеха. Почему бы не выпустить их через эти ворота на другого тигра?..

Богдыхан сделал знак, и полководец поднял глаза.

— Брось ойротскому тигру кусок чужого мяса за этими горами. А сам приди тогда, когда они оба будут истерзаны и крови у них хватит только для того, чтобы доползти и лизнуть нашу руку!..

— На помощь одному тигру может прибежать другой, побольше. Я говорю о Луссии, великий богдыхан!..

Богдыхан посмотрел через головы сражающихся куда-то далеко на запад:

— Да, я помню о Луссии. Но пока она прибежит, этот степной тигр превратится в вола. А у вола большая шкура. Можно и поступиться частью ее для опоздавшего!..

— Повинуюсь, мой государь!— сказал полководец и дал знак к отступлению.

На следующий день многочисленное посольство с дарами было отправлено к ойротским контайчи...

I

Страна казахов была похожа на освежеванную жертву, приготовленную к кокпару — древнему празднику козлодрания. Враги с разных сторон уже готовились к этой кровавой игре, да и внутри страны многочисленные султаны-игроки не дремали. Кто окажется сильнее и с гиканьем и свистом, отобрав у другого, подомнет кровоточащую тушу под голень в седле и умчится к дымящемуся костру? А по дороге будут рвать жертву из-под ноги, отрывать куски мяса, ноги, голову...

И в предчувствии всей этой кровавой сумятицы кому-то нужно было присмотреться, разобраться, определить, как уцелеть целому народу на всех четырех ветрах истории. Народные опыт, мудрость, стойкость должны были сказать свое нелегкое веское слово. В том, откуда навалится первый, самый беспощадный игрок, сомнений не было...

И двухсот лет не просуществовало созданное Чингисханом Монгольское ханство. Уже с перенесением ханом Хубилаем сто-

лицы из Каракорума в Пекин оно, по существу, перестало быть монгольским. Зато последующие богдыханские, императорские династии, пользуясь этим, стали из века в век претендовать не только на древние монгольские земли, но и чуть ли не на все страны, завоеванные некогда рыжебородым «Потрясателем Вселенной». Их не смущало, что сам-то Пекин оказался под пятой завоевателя, который одно время раздумывал о том, не превратить ли ему всю Поднебесную империю в безлюдное пастбище для скота.

Нелегко пришлось многочисленным родам и племенам, входившим в великомонгольский племенной союз, когда распалась держава Чингисхана. Особенно трудно было западным родам ойрот, чорас, торгаут, тулеут и тулегут, вошедшим потом частично в Джунгарское и затем в Калмыцкое кочевые государства. Неустанно и беспощадно теснимые китайскими войсками, они теряли свои древние пастбища — джайляу и вынуждены были в поисках новых пастбищ двигаться на запад. Это в полной мере удовлетворяло китайских богдыханов (к какой бы династии они ни принадлежали), видевших в этих воинственных племенах как бы авангард своей экспансии в Казахскую степь, Сибирь и Среднюю Азию. Когда отдельные контайчи выходили из подчинения этой коварной политике и обращали оружие против китайских, а затем маньчжурских войск, они беспощадно уничтожались. Кочевники вырезались целыми аймаками — со стариками, женщинами и детьми.

Многие роды двинулись в Сибирь, Прииртышье и горы Тарбагатай, вытесняя местное население. Другие прошли дальше и, перейдя Казахскую степь, образовали за Волгой, у Астрахани, свой Калмыцкий аймак.

С 30-х годов XVI века ойротские контайчи, осевшие в горах Тарбагатая, в пойме реки Или и по берегам озера Зайсан, уже что ни год совершают кровавые набеги на казахские и киргизские кочевья. Положение еще больше ухудшилось, когда здесь образовалось большое Джунгарское ханство, объединившее вокруг себя некогда разрозненные племена и роды. Во главе его стал верховный контайчи Батур — сын Хара-Хулы. Свою ставку он расположил севернее озера Зайсан, в верховьях Иртыша. Ему удалось распространить свое влияние на многие западномонгольские племена, и Джунгарское ханство стало силой, всерьез обеспокоившей китайских политиков.

После смерти Батура, не раз сталкивавшегося с Тауекель-ханом, а затем и с ханом Есимом, Джунгарией стал править сначала один его сын — Сэнгэ, а затем другой — Галден. По приказу китайского императора он жестоко расправился с поднявшими восстание родственными восточномонгольскими племенами. Монголия обезлюдела после его кровавого карательного набега. Но потом Галден-контайчи сам огрызнулся в сторону Китая. Он перенес было свою ставку к китайским рубежам и захотел вернуть захваченные китайцами монгольские земли. Наголову разбитый во много раз превос-

ходящими силами Поднебесной империи, Галден-контайчи зарвался...

Но не менее строптивым оказался и захвативший власть в Джунгарии его племянник Сыбан Раптан. Не оставляя в покое казахские и восточнотуркестанские земли, в чем ему с радостью содействовали маньчжуро-китайские политики, он не раз нападал и на селившихся на бывших монгольских землях китайцев. А в 1714 году он вместе со своим сыном Галден-Цереном разграбил китайский город Хали. Вот тогда китайский император Канси из новой маньчжурской династии Цин, захватившей вместе с Китаем и основную Монголию, издал фалин — указ, по которому у джунгар отбирались все примыкающие к Китаю земли, а в возмещение джунгарскому контайчи совершенно явно предоставлялась свобода рук в Средней Азии и Казахстане. По требованию китайского императора должен был быть созван специальный джунгарский курултай. В случае отказа император пригрозил поголовным уничтожением джунгар. Контайчи ничего не оставалось делать, как пойти по намеченному богдыханом пути. Сыбан Раптан перенес назад свою ставку, а многочисленные джунгарские отряды затопили Семиречье и Казахскую степь...

Как только ослабло джунгарское давление на границах Китая, а острие джунгарских набегов повернулось в сторону Казахстана и Средней Азии, китайские арсеналы снова открылись для контайчи. В его разношерстных войсках опять появились маньчжуро-китайские военные советники, которые в то же время внимательно следили, не думает ли коварный Сыбан Раптан снова повернуть свою конницу против империи. Большую помощь в организации джунгарского войска оказал и, швед по происхождению, российский подданный унтер-офицер Ренат, попавший в плен во время истребления джунгарами российской экспедиции Бухгольца недалеко от Усть-Камня.

На огромное летнее пастбище была похожа к этому времени страна казахов, где без опытного табунщика брели табуны лошадей, и каждый жеребец был всевластным хозяином своего косяка, ревниво охраняя его неприкосновенность. Там, где этот вожак-жеребец оказывался более сильным и кусачим, косяк чувствовал себя в относительной безопасности, пасся вольно, не имел отбившихся. И степные волки обходят стороной такой косяк, зная, что здесь им не поживиться и жеребенком. Матерый жеребец обычно даже не подпускает волчью стаю к своему косяку, выносится с диким ржанием навстречу, бьет стальными копытами, кусает, давит могучей грудью...

С незапамятных времен родовые бии и батыры были такими всевластными хозяевами в степи. Они решали, куда перекочевать роду по весне или где зимовать, вершили суд и расправу. Они же организовывали сопротивление многочисленным барымтачам из соседних племен и родов, угонявшим скот. При случае приходили они на помощь кочующему рядом соседу, но и только. Перед большим

вражеским нашествием разрозненные родовые вожди были бессильны...

Правда, числился к этому времени ханом всех трех жузов — так называемой Большой Орды — третий сын хана Тауке и внук Есим-хана, Булат, но был он безвольным, вечно больным и не имел нужного авторитета в степи.

Фактическим ханом Среднего жуза был Самеке, его младший брат. Тем более не слушался хана Булата хан Младшего жуза Абулхаир. Старшим, или Большим, жузом в это время правил тоже не слишком авторитетный Жолбарс-султан, старший брат Абулхаира. Многочисленные ветви рода найман, хотя и входили в Средний жуз, жили обособленно, на границе Казахской степи с Джунгарией, и чувствовали себя почти отдельным ханством. Ими управляли внуки Шагая — своенравный султан Барак и султан Кучек.

Неплохо было пока и то, что еще существует Белая Орда, хоть и в таком расколотом виде. В этом была определенная заслуга предшествующего хана Тауке, которого не случайно прозвали в народе Азь-Тауке, что значит «Мудрый Тауке». Пожалуй, Тауке-хан первый всерьез понял опасность джунгарской угрозы и все коварство маньчжуро-китайской политики. Именно он осознал все преимущества сближения казахов с Россией, где в это время во всей своей широте проявлялся гений Петра Великого. Уже в 1702 году посылает он своего посла к русской крепости на берегу озера Ямыш, но тот попадает в засаду к ойротам и погибает. И вот в 1715 году в месяце кузтоксан, то есть в конце лета, большое посольство хана Тауке во главе с Тахмурым-бием прибывает в Уфу. От имени русского царя уфимский наместник шлет ответное мирное послание. Но хана Тауке оно уже не застает в живых.

Хоть и не был Тауке-хан таким влиятельным, как его предшественники, и власть его не распространялась на все казахские земли, но в трудные годы распада и дробления казахских земель он сделал все, что мог. Немало сражений провел он, дав отпор алчным устремлениям властителей Бухары, Хивы и Коканда. Но самой главной его заслугой являлось постоянное сдерживание в союзе с киргизскими родами действий джунгарских контайчи...

При нем был дан закономерный исторический толчок к сближению с Россией. И когда Азь-Тауке-хан ушел из жизни, его наследники уже по традиции продолжали вести ту же политику. Сменивший его дядя Каип немедленно дал ответ на письмо уфимского наместника, а вскоре направил послов к сибирскому губернатору князю Гагарину в Тобольск. Во главе посольства находились наиболее уважаемые люди Среднего жуза — Екеш-улы-бий и Бури-улы Байдаулет-аксакал, а в письме «белому царю» говорилось уже о практическом союзе: «Мы всей душой желаем быть с вами в вечной дружбе и согласии, а для совместных действий против джунгарского контайчи можем выделить немедленно отряд в дцадцать или трицать тысяч всадников...»

Да, уже не отдельные мудрые люди, а весь народ понимал,

что в борьбе со страшной угрозой с востока страна казахов могла найти реальную поддержку лишь со стороны России. В свою очередь, послы Каип-хана заверили губернатора, что те казахские родовые вожди и отдельные батыры, которые станут нападать на русские городки и караваны, будут караться смертью или передаваться для суда над ними в Тобольск. На пограничной линии должен был воцариться длительный и прочный мир.

Такие же письма были посланы в Казань и Уфу.

Князь Гагарин немедленно отправил послание казахского хана в Петербург. Сенат благосклонно отнесся к нему, одобрил его и лично царь Петр. Но, понимая, кто подталкивает джунгарских контайчи к столкновению с казахами и на чью мельницу льется при этом вода, он призвал казахского хана к осторожности. В это же время российские посланники прощупывали почву у самого контайчи, намереваясь помешать назревающей провокации. «Киргиз-кайсацкая орда должна жить в дружбе не только с нами, но и избегать военных столкновений с дружественными или подчиненными нам державами»,— таково было указание царя Петра...

Но в том, что рано или поздно следует ждать неминуемого нападения из Джунгарии, никто не сомневался. Князь Гагарин направил к Каип-хану в Туркестан посольство во главе с боярским сыном Никитой Белоусовым. Задача его заключалась в ознакомлении со страной казахов, изучении их хозяйства и потребностей на случай предстоящей войны. Целый год пробыл Никита Белоусов при ханской ставке и в казахских кочевьях. В своих письмах он настойчиво предлагал всячески поддерживать казахского хана в его противодействии джунгарскому контайчи.

Исторически неотвратимое сближение с Россией вплоть до принятия российского подданства закономерно стало политикой Каип-хана и хана Абулхаира. И как бы в подтверждение правильности этой политики в 1717 году произошло кровавое столкновение в районе Аягуза — напротив Джунгарских ворот, когда передовая часть войск Сыбан Раптана напала на объединенное казахское войско. Все понимали, что это такая же разведка боем, которую перед большим нашествием обычно предпринимал Чингисхан, заповеди которого из века в век помнили его разноплеменные последователи...

А в конце 1717 года по приказу царя Петра было снаряжено специальное полномочное посольство в Казахскую степь во главе с Борисом Брянцевым. Двадцать первого числа второго месяца кузтоксан, или в 1718 году по российскому исчислению, посольство вошло в пределы казахских владений, а пятого числа месяца кокек, соответствующего приблизительно месяцу маю, произошла официальная встреча Брянцева с ханом Младшего жуза Абулхаиром. Получив от него военное сопровождение, посольство направилось в глубь степи и двадцать пятого числа месяца оказтоксан прибыло в Туркестан — ставку Каип-хана...

Посольство убедилось в поистине неограниченных возможностях торговли и развитии отношений с Казахской степью. Здесь проходили пути в сказочные страны Азии, и прежде всего в Индию,

которая манила впечатлительную душу Петра Великого. Широкий выход на традиционные азиатские рынки сразу выдвигал Россию в первые ряды европейских держав. Происходящие мирные смещения в ту или иную сторону отражались на многих втянувшихся в это движение странах и народах.

То, что посольство было отправлено и без всяких осложнений достигло Туркестана, показывает, как далеко зашли дружественные отношения России с казахскими ханствами. Ведь только накануне, за несколько месяцев перед этим, в соседней Хиве по приказу хана был коварно вырезан русский полутысячный отряд князя Давлет-Киздена-мурзы, или Александра Бековича Черкасского, как назывался он на русской военной службе.

Однако вскоре после отбытия посольства Брянцева неизвестная рука устранила Каип-хана. До сих пор неясны обстоятельства его смерти, но по дальнейшим событиям становится очевидно, кому она была выгодна. Сменивший Каип-хана безвольный и недалекий хан Булат погряз в межродовых спорах Среднего жуза. Другие жузы теперь даже номинально не подчинялись ему. Некому стало теперь говорить с Россией от имени всей страны казахов. А в Джунгарских воротах уже стояла готовая к бою семидесятитысячная боевая конница Сыбан Раптана с несколькими пушками, за спиной которой явственно вырисовывались на горизонте очертания китайского императорского дракона...

Во много раз больше могла выставить Казахская степь смелых и отважных воинов, но кто соберет их вместе, кто поведет в битву за общие интересы? Как стадо своего пастуха, держались они своих родовых биев, аксакалов, батыров. А те, в свою очередь, не хотели никому подчиняться. Большая политика была вне их понимания. Не находилось уже среди многочисленных султанов человека, который бы осмелился претендовать на всеобщую власть. Родовых вождей устраивали слабовольные и послушные ханы собственных жузов. Это была закономерная логика родового строя.

А царское правительство с необычайной осторожностью и осмотрительностью относилось к центральноазиатским делам, предполагая, что рано или поздно ему придется налаживать отношения со всеми участниками назревающей трагедии. Одновременно с посольствами в Казахскую степь направлялись посольства и в Джунгарию. После неожиданной смерти Каип-хана оно заняло выжидательную позицию, надеясь извлечь как можно больше выгод из создавшегося положения.

Тактика волчьей стаи, готовящейся к охоте на оленей, всегда была присуща таким войнам, к которой готовился контайчи Сыбан Раптан. Общее руководство джунгарским войском взял на себя младший брат контайчи Шуно-Дабо-багадур. Вторжение должно было идти с востока двумя крыльями. Одно крыло — через горы Каратау и поймы рек Чу и Талас. Другое — в район реки Чирчик. Для этого джунгарское войско было разделено на семь частей, и каждая

выполняла свое дело. Одни должны были пугать свою жертву, другие — гнать ее в сторону приготовившейся засады, третьи — загнать до изнеможения, четвертые — впиться в горло...

Семь десятитысячных отрядов контайчи, под общим командованием его брата Шуно-Дабо, заняли исходные позиции для нашествия на казахские земли у истоков реки на склонах гор. Разрисованные драконами хвостатые знамена были воткнуты в землю возле каждой ставки. Первый тумен занял позицию на склонах Алатау, недалеко от озера Балхаш. Им командовал сын контайчи — Галден-Церен. Второй тумен сосредоточился между реками Коктал и Коктерек, севернее реки Или в межгорье Алтын-Эмеля и Койбына, и командовал им брат контайчи — Хорен-батыр. Третьим туменом, закрепившимся на восточном берегу реки Нарын, командовал семнадцатилетний внук контайчи Амурсама. Восемнадцатилетний сын Галден-Церена — Сыбан-Доржи командовал четвертым туменом — у истоков реки Челек. На берегу Иссык-Куля, в междуречье Аксу и Койсу, водрузил свое знамя второй сын Галден-Церена — Лама-Доржи, командующий пятым туменом. При впадении реки Большая Кебень в Чу расположился шестой тумен под командованием нойона Дода-Доржи из рода меркит. Седьмым туменом командовал сам контайчи Сыбан Раптан, и главное знамя Джунгарии развевалось над его золоченым шатром у стен города Кульджа...

И время для нашествия джунгарский контайчи выбрал самое удобное — весну. Он хорошо знал, что в это время казахские скотоводы проводят кастрацию коней-двухлеток, и половина табунов в течение двух недель не в состоянии передвигаться на большие расстояния. Трудно двигаться в это время и овечьим отарам с только что родившимся молодняком. К тому же весной вздуваются при половодье многочисленные степные реки, которые не могут служить серьезной преградой для боевой конницы, но препятствуют перегону мирных стад.

Был первый теплый весенний день. И так же, как овцы, коровы, собаки и другие животные накануне землетрясения, чувствовали себя в этот день люди в степи. Тяжкое предчувствие вселенской беды навалилось на степь. Ветер со стороны гор Алатау приносил пряные запахи распустившихся раньше времени цветов. И еще, казалось, пахло в степи свежей кровью... А тут еще в один день распространился по степи слух о чудовищном убийстве в Туркестане. Что-то страшное предвещало оно...

Из рода алтын-хан, древнего и почтенного, была Нурбике, одна из жен хана Тауке. Когда-то давно она с двухлетним сыном Аблаем поехала погостить к далеким родичам и там умерла. «Мы потеряли единственную дочь,— писали родители хану в Туркестан.— Иссяк светлый ручеек, утоляющий нашу жажду, погасла единственная лучинка, освещавшая нам путь во мраке жизни. Но пусть хоть будет утешением нам на старости лет ее семя, пусть сын твой Аблай останется с нами до своего совершеннолетия. У тебя есть другие дети, а мы будем беречь его как зеницу собственного ока. Когда же он подрастет, то сам найдет дорогу к отчему дому!..»

Тауке-хан не стал их обижать и согласился оставить им на воспитание двухлетнего Аблая. Когда через пятнадцать лет султан Аблай появился в доме отца, Тауке-хан невольно вздрогнул. Сын его был смугл, скуласт, с большими, навыкате, овечьими глазами, в которых явственно читалось что-то нечеловеческое. Они не мигали и смотрели тускло, как у мертвого. Словно могильным тленом повеяло на отца. Он вспомнил, что, по рассказам, у Шагай-хана был такой же странный взгляд...

Однако хан Тауке не придал значения своим впечатлениям и вскоре женил сына на пятнадцатилетней красавице Зерен — младшей дочери своего старого друга — влиятельного киргизского манапа Тиеса. Он выделил сыну несметные табуны лошадей, поставил неподалеку от себя белоснежную юрту с целым аулом челяди. Через год красавица Зерен родила двух прекрасных сыновей-близнецов. Им дали имена Валий и Балхи.

И в день пира по случаю рождения внуков хан Тауке стал свидетелем непонятной жестокости сына. Любой казах-кочевник способен без ненужных волнений зарезать овцу или заколоть кобылу к празднику. Но никто не напрашивается на это из любви к убийству. Тем более ханский сын, которому вообще не к лицу заниматься этим.

Но сын его Аблай сам напросился. Он чуть ли не силой отобрал нож у туленгута и самолично порезал неисчислимое количество скота. Кровь текла у него с обеих рук, а тусклые глаза разгорелись и пылали каким-то мучительным пламенем. Люди с ужасом смотрели на него, а старики шептали молитвы.

Поначалу хан Тауке отнес эту особенность сына к наследственным достоинствам чингизидов, для которых кровь человеческая была дешевле воды. Но нет, самые жестокие из них были просто равнодушны к проливаемой крови. Одни любят песни, другие охоту, третьи женщин, а вот такие — проливать кровь...

«Почему он такой,— размышлял наедине сам с собой Тауке-хан.— А может быть, алтынханцы попросту подсунули мне вместо моего сына этого кровожадного юношу? Или это наказание божье за мои грехи?..» Потом несчастный хан вспомнил рассказы о кукушках, которые подкладывают свои яйца в чужие гнезда, и решил, что природа наказала и его каким-то своим, неведомым ему путем. До самой своей смерти он боялся оставлять Аблая с другими своими детьми и, хоть вынужден был допускать его во дворец, всегда беспокоился о том, чтобы тот не оставался на ночь.

Но мудрый Азь-Тауке не знал, что именно потомкам этого кровожадного сына будет суждено прославить его род. Внук этого Аблая, сын Валия, Абулмансур в восемнадцатилетнем возрасте в одном из боев с джунгарами повел казахские войска с кличем: «Аблай!» — и ему присвоили имя кровожадного деда. Он стал впоследствии легендарным ханом Аблаем. Это произошло спустя почти шестьдесят лет, а пока собственный сын хана Азь-Тауке славился одной лишь жестокостью...

После смерти отца он не преминул оправдать все его опасения. Спасаясь от этого чудовища, один из его братьев бежал в Сайрам, другие — в Ташкент, третьи — куда глаза глядят. Если в доме угнездилась змея, кто может там оставаться спокойным?

Туркестан почти обезлюдел. Опасаясь Аблая, хан Булат перенес свою ставку в северные роды Среднего жуза, и в бывшей столице ханства никого не осталось. Большинство домов стояли пустыми, и караваны стороной обходили город, где жило это чудовище. «Кровавым Аблаем» называли его даже самые близкие к нему люди.

Одним из таких людей, оставшихся еще в Туркестане, был хаким города, всеми уважаемый Кудайберды-багадур. В эту ночь телохранители Аблая — специально подобранные им в различных зинданах преступники — прокрались вместе со своим хозяином во дворец почтенного хакима, чтобы зарезать его. Но его и след простыл. Какая-то добрая душа предупредила хакима о готовящемся убийстве, и он накануне вечером бежал в Сайрам. Во дворце осталась лишь Сулуайым-бике — жена хакима с грудным ребенком. Древние степные предания почти не упоминают о случаях убийства женщин с детьми даже в отместку врагу. На этот же раз произошло неслыханное. Пришедшие наутро к своей госпоже слуги увидели лишь мелко изрубленные тела матери и младенца. По всему двору валялись части их тел. В народе говорили шепотом, что кровь выступила в это утро на камнях мавзолея святого Ходжи Ахмеда Яссави...

А султан Аблай утром, напившись чаю, с просветленными глазами прошел во дворец хакима, делая вид, что ничего не знает о происшедшем. Приказав никого не пускать во дворец, он уселся на место правителя, подогнув ноги и размазывая левой рукой по пушистому ковру несмытую кровь.

— С сегодняшнего дня я здесь хан и бог!— сказал он угрюмо.

— Да, ты наш хан и бог!— зашумели со всех сторон его сообщники и телохранители.

— А вы... вы — мои верные нукеры!

— Да, мы твои верные нукеры... Посылай нас хоть с иблисами сражаться, мы пойдем за тобой, наш повелитель-хан!..

— А если я захочу вас умертвить?

— Скажешь: умрите, и мы умрем, наш повелитель-хан!

— Тогда слушайте мое первое ханское распоряжение!

— Слушаем и повинуемся, наш великий хан!

— Сегодня состоится великий пир...— Аблай улыбнулся, и в глазах его зажглось поистине дьявольское пламя.— Но какой пир для нас без запаха вражьей крови. Подлый Кудайберды-багадур не захотел остаться с нами, поэтому мы приправим свой сегодняшний обед кровью его людей!..

— Смерть им!— завопили, завизжали палачи.

Но не состоялось кровавое пиршество в этот день. Ибо дверь распахнулась от мощного пинка, и во дворец ворвался огромный батыр с четырьмя повисшими на нем охранниками:

— Враг идет, султан Аблай!..

Ни один мускул не дрогнул в лице кровавого Аблая.

— Какой враг?— спросил он равнодушным голосом.

— Контайчи Сыбан Рантан... С семи сторон — с семьюдесятью тысячами воинов!..

— Многовато...— Аблай притворно вздохнул и развел руками.— А у меня всего-то семьдесят нукеров. Что я могу с ними сделать против славного Сыбан Раптана?

— Но во все времена десять тысяч всадников выставлял в один день славный Туркестан!— закричал батыр.

— Нет у нас людей,— сказал Аблай и осклабился.— Не осталось... О-о, скоро много крови прольется на земле. Мало останется живых людей!.. Много крови прольется... Много!..

Батыр Кара-Керей Кабанбай из рода найман с изумлением смотрел на султана Аблая. Губы у того вспухли, почернели, и большой рот казался в крови. Глаза султана горели огнем безумия. Рука знаменитого батыра невольно сжала рукоять сабли, чтобы одним-единственным движением снести голову этому вурдалаку. Но он вспомнил о скачущих через степь полчищах джунгарских контайчи, о дыме над аулами — и опустил руку. Этот страшный человек, сидящий перед ним, все же из рода торе-чингизидов, а именно торе должны, по правилам, возглавить отпор врагу. На то им и почет из века в век...

— Как же вы, султан, думаете защищать славный город Туркестан?— вскричал Кабанбай-батыр.

— А кто сказал тебе, что я собираюсь защищать эту груду опустевших развалин?.. Ты же сам говоришь, батыр, что у контайчи семь туменов войска...

— Что же вы думаете предпринять?

— Уйду куда-нибудь с верными людьми. Пусть подлый народ сам защищает себя!..

Батыр, который не принадлежал к главенствующей касте торе и не имел права распоряжаться в Туркестане, схватился за голову руками... Да, вот таким торе всегда было наплевать на других людей. Сколько раз приходилось расплачиваться простонародью за слепую веру в торе! Нет, не торе спасут город и страну. В каждом ауле есть храбрые молодцы из народа, есть неродовитые батыры. Да и простые пастухи становятся львами, когда выходят на защиту своего кочевья!.. Надо немедленно бить тревогу по всей степи и прежде всего послать гонцов в другие жузы, оповестить Абулхаира, Самеке-хана...

Аблай медленно встал с подушек, выпрямился во весь свой рост.

— Кому же вы оставляете город?— спросил батыр.

— Сыну своему Валию...

В голосе Аблая появились усталость и безразличие. Глаза потускнели и приняли сонное выражение, как у наевшейся мертвечины гиены.

— Защиту города поручаю моему внуку Абулмансуру!— и пошел к выходу.

С изумлением посмотрел ему вслед батыр. Ханскому внуку Абулмансуру едва исполнилось четырнадцать лет...

...Кабанбай-батыр с несколькими джигитами ехал через степь, когда до него дошла весть о нашествии. Ближе всего из крупных казахских городов был Туркестан, и он поскакал сюда со своими джигитами, загоняя подменных лошадей. Не думал и не гадал он, что город находится в таком положении и что даже некому возглавить его защиту...

Кабанбай-батыр поскакал в сторону майдана — большой площади перед мавзолеем Ходжи Ахмеда Яссави. Там обычно собирался народ, объявлялись ханские указы, стояли виселицы для приговоренных к смерти...

Оказалось, что и без него, непонятно как, народ уже все знал о надвигающейся беде. Трех коней загнал батыр, чтобы сообщить эту весть, и никто не мог опередить его. Таково уж, очевидно, народное чутье. Об этом и подумал батыр Кабанбай, увидев молча стоящих горожан. И еще удивился он великой многолюдности Туркестана. Это только поначалу казалось, что город вымер. Едва услышав о нашествии врага, они все пришли сюда, люди города: из ближайших плавней, из степных аулов, из пригородов и других близлежащих городков, где спасались от гнусностей султана Аблая и его палачей. Все были здесь, пришли даже старики и старухи, женщины и дети. Могущие держать в руках оружие сидели на конях с копьями, дубинами и старинными секирами. Много было и пеших мужчин с простыми рогатинами. Многочисленные дервиши, ученые мюриды, ученики и мелкие духовные прислужники тоже вооружились длинными ножами, не полагаясь на одну лишь божью помощь. Весь тридцатитысячный Туркестан стоял здесь.

— Где же хаким Кудайберды-багадур?— спросил батыр Кабанбай, подъехав, у аксакала, стоящего впереди толпы перед мечетью.

— Убежал!

— От джунгар?

— Нет, от брата своего, жаждущего человечьей крови...

Кабанбай-батыр обернулся в сторону только что оставленного им дворца хакима:

— А где же Аблай?

— Уже ускакал!

Кабанбай-батыр опустил голову, раздумывая, как ему поступить. До него долетали из толпы обрывки разговоров:

— Говорят, питающийся кровью Аблай оставил за себя султана Валия, своего сына...

— Лишь молиться умеет Валий, а не драться с шуршутами!

— Да били мы этих шуршутов, и не раз!

— Теперь их семь туменов идет на нас. Семь огнедышащих гор, закрытых кровавыми тучами...

— Шуршутов — неисчислимое множество. Видно, конец пришел славной стране казахов!..

Шуршуты — насмешливое название китайских вояк, не раз являвшихся завоевателями в эти края. Всякий раз им приходилось потом бежать отсюда. Теперь и джунгар называли в народе шуршутами, понимая, кто сзади подталкивает джунгарского контайчи.

Кабанбай-батыр бросил поводья коня одному из своих джигитов, твердым шагом взошел на возвышение перед мечетью.

— О народ мой! — Он широко раскинул обе руки, словно стремясь обнять ими всю площадь, всю степь до самого горизонта. — Не из вашего я края, но к одному корню принадлежим мы все, большие и малые, рыжие и черные, кочующие и пашущие землю. Я — батыр Кабанбай из рода кара-керей, слышали ли вы обо мне?..

— Слышали... Знаем тебя, славный Кабанбай-батыр!

— Веди нас на проклятых шуршутов!

— Слава батыру Кабанбаю!

Кабанбай-батыр резко опустил правую руку.

— Страшная, невиданная опасность надвигается на нас. Ветер войны задул с Востока. Никогда этот ветер не приносил радости в наши города и аулы. Контайчи лишь слуга императора шуршутов и идет к нам, чтобы стереть с лица земли страну казахов. В единении и стойкости наша сила. Но для того, чтобы с успехом обороняться от такого страшного врага, следует иметь вождя. Меня ждут в другом месте, ибо семью огненными головами выполз в нашу степь шуршутский дракон. Но я от всей души рекомендую вам воина, которого видел уже в бою. Не смотрите, что он не из знатного рода и молод. Знатность подлинного воина проверяется в бою, а молодость — залог успеха!..

В едином порыве закричал весь майдан:

— Скажи нам его имя, батыр!

— Мы слушаем тебя, Кабанбай-батыр!

Кабанбай-батыр поднял руку и указал на громадного батыра, стоящего в стороне от толпы:

— Вот он — Елчибек, которого вы сами прозвали когда-то «Балапалуан»!..

Да, его знали в городе, хоть он только наезжал сюда время от времени из Чирчика. Елчибек-батыр был похож на молодого барса — высокий, подтянутый, перепоясанный широким ремнем. С пятнадцати лет принимал он участие во всех состязаниях и всегда оказывался первым среди джигитов. За это и получил он свое прозвище «Мальчик-богатырь». Хоть было ему немногим больше двадцати, он уже несколько раз участвовал в сражениях с джунгарами и получил звание сотника. Все понимали, что только незнатное происхождение помешало стать ему темником в ханском войске. Из уст в уста передавались рассказы о том, как он с двумя сотнями джигитов разгромил полутысячный отряд, состоящий из джунгар и хунхузов, отобрав у них всю захваченную в мирных аулах добычу...

— Веди нас, Елчибек-батыр!

— Спасибо тебе за добрый совет, батыр Кабанбай!..

Елчибек-батыр вышел вперед и молча поклонился народу. Ничего нельзя было прочесть на его суровом лице воина. Все понимали, какая нелегкая задача — защищать этот брошенный всеми начальниками город от грозного джунгарского контайчи. Защищать без регулярного войска, без необходимых боеприпасов и без надежды на чью-либо помощь...

В глубине майдана послышались крики:

— Эй, дорогу!..

— Освободите дорогу султану Валию, нашему защитнику!..

— Сюда, мой султан!..

На возвышение поднялся человек лет тридцати, с очень бледным лицом, на котором выделялись черные усы вразлет. На нем были парчовая шуба и соболья высокая шапка. Умные темные глаза обежали толпу, рука с книгой в черном переплете слегка дрожала.

— Жители города Туркестана!— начал он тихо, и площадь сразу замолкла.— Отец оставил меня с четырнадцатилетним сыном Абулмансуром, чтобы мы руководили защитой города. Но все вы знаете, что я никогда еще не держал пики в руках. У меня другая страсть — наука. С великой радостью услышал я слова славного батыра Кабанбая о том, чтобы мой друг Елчибек-оглан возглавил ополчение в этот трудный час. По мере своих скромных сил обещаю быть ему верным помощником...

И султан Валий, известный своей ученостью, протянул руку простому джигиту, с которым он давно дружил. Гром приветствий прокатился по площади. И лишь на правой стороне от возвышения, где стояли знатные и богатые люди, кто-то недовольно крикнул:

— Не к лицу торе уступать власть какому-то безродному палуану!..

— Когда шуршуты поднимут на пику твою отделенную от тела глупую голову, то крикнешь тогда славу всем торе, бросившим нас на произвол судьбы!— насмешливо ответили ему из толпы.

— Те, кто хочет и может сражаться с врагом, останьтесь. Остальные уйдите с майдана!— громким властным голосом приказал Елчибек-батыр, и люди, теснясь, начали разделяться на воинов и тех, кто при обороне должен играть вспомогательную роль. Ибо не нашлось ни одного простого человека в городе Туркестане, кто бежал бы из него в минуту опасности.

На следующее утро славный батыр Кабанбай уезжал со своими джигитами из Туркестана. Когда он подошел к коновязи, его слегка тронули за рукав. Он обернулся и увидел стройную девушку с длинными светлыми косами. Ее нельзя было назвать красивой, но что-то необыкновенно милое было в тонком носике и диковатых карих глазах. Ей очень шла каратауская соболья шапочка, оттеняющая высокий чистый лоб.

— Дайте я провожу вас по традиции, наш батыр!— сказала она и смело взялась за повод знаменитого боевого коня по кличке Кок-Даул —«Синяя Буря». Он и впрямь был с синеватым отливом, этот воспетый в сотнях песен конь, и, казалось, ударом одного лишь тяжелого копыта мог превратить девушку в прах. Но конь спокойно дался ей в руки, и это поразило батыра.— Прими повод, батыр Кабанбай!— сказала девушка.

Батыр принял у нее повод, и она придержала ему стремя, когда он садился в седло.

— Как зовут тебя, девушка?— спросил он, прямо посмотрев ей в глаза.

— Меня зовут Гаухар, что значит «жемчужина». Я сестра Малайсары-батыра из рода басентиин.— Она протянула батыру узкую белую руку.— Пусть будет удачен ваш путь... Да сохранит вас бог в битвах. И пусть... пусть поможет он нам встретиться вновь!..

— Да исполнится наше желание, Гаухар!— серьезно сказал Кабанбай-батыр и пришпорил коня.

Вихрем вынеслись боевые кони из Туркестана, прогрохотали тяжелыми копытами по деревянному мосту через ров. Только на пригорке батыр Кабанбай оглянулся. Маленькая фигурка все стояла у хорошо видной отсюда дворцовой коновязи. Вот она подняла руку с белым платком. Батыр поднял свою в тяжелой черной кольчуге.

— До встречи, Гаухар! Жемчужина!— закричал он что было силы, но ветер подхватил его слова и унес куда-то в степь.

А Гаухар все стояла и смотрела в пустую степь...

В три-четыре дня узнала вся страна казахов — от Семиречья и Алтая до Жаика и Едиля — о страшном нашествии. Но что могла она сделать, не имея единого и постоянного войска! Как нож в масло вошли семь голов джунгарского дракона в тело страны. Пылали застигнутые врасплох города и аулы Семиречья, Прибалхашья, Туркестана. Вороны беспрепятственно клевали трупы на пепелищах. С тех пор и пошла страшная поговорка о размокшей от людской крови земле...

Лишь немногие аулы казахов и киргизов спаслись тем, что, покинув основной скот, успели уйти высоко в горы, куда не смогла добраться джунгарская конница. А основную массу населения постигла страшная судьба. Молодых женщин джунгары угоняли в свои стойбища, привязывая их попарно косами друг к другу, чтобы не убежали. Всех способных держать оружие убивали на месте, а стариков, старух и беспомощных детей загоняли бичами в безводные места, где они погибали от жажды. При налете на аул расправа начиналась с того, что джунгары с диким хохотом поднимали на пики всех детей до семилетнего возраста. Потом начиналось поголовное насилие на глазах у родственников. Родители рвали на себе волосы, сходили с ума, и только это спасало их самих, ибо единственные люди, которых не убивали солдаты контайчи, были сумасшедшие. Их, отмеченных богом, нельзя было трогать, по древней монгольской традиции. Тысячами бродили по степи эти сумасшедшие, и, казалось, вся она наполнилась дикими воплями и стонами...

За месяц, пройдя древним методом облавы половину степи, отряды контайчи вышли к северотуркестанским городам. Что могли поделать плохо вооруженные и оставшиеся без предводителей защитники? Сделанные по китайским чертежам стенобитные машины крушили одряхлевшие стены, а когда это не помогало, вступали пушки.

Нескончаемыми вереницами, словно отставшие от своих стай перелетные птицы, тянулись через степь караваны беглецов. Чудом уцелевшие люди бежали из Семиречья, от берегов Чу и Таласа, с подножия гор Казыкурт, Караспан и Каратау куда глаза глядят. Северотуркестанцы, отбившись от наседавшей конницы контайчи,

уходили к верховьям Сейхундарьи и к Аралу; беженцы Большого и Среднего жузов, огибая город Сауран и через поймы озера Алакуль,— в сторону Ферганы, Андижана и Самарканда, а беженцы Младшего жуза — к Хиве и Бухаре.

В знаменитой поэме «Калкаман — Мамыр» описывается трагическая любовь юноши Калкамана и девушки Мамыр из рода тобыкты. Престарелый предводитель аргынов — девяностопятилетний Анет, прадед, справедливейший наставник и судья Среднего жуза, обвиняет юного батыра Калкамана в том, что тот полюбил красавицу Мамыр, приходящуюся ему родственницей. Калкаману предстоит, по приговору справедливого Анета, промчаться на своем скакуне сквозь строй лучников, которые будут пускать в него смертоносные стрелы. Если ни одна стрела не заденет его,— значит, он невиновен и оправдан. Иначе говоря, ни один из мужчин рода не считает его виновным. Жизнь и смерть его в руках людей...

Калкаман мчится через строй лучников, тучи стрел выпускаются в его сторону, но ни одна не коснулась его. Однако, обиженный приговором Анета-баба, лихой батыр Калкаман, не сбавляя шага своего коня, уносится в далекое Семиречье. Род тобыкты готовит самых лучших скакунов, чтобы отправиться за своим батыром, и в этот год как раз происходит нашествие джунгарского контайчи. Песня-хроника повествует об этом в следующих выражениях:

В том же неудачном году
Случилось сражение с джунгарами...
Сыбан Раптан, искусный в военном деле,
Был их военачальником.
Стеной стояли казахи и джунгары,
Проверяя, сколько трусов в каждом войске,
Пятеро сыновей Анета-прадеда погибли от стрел.
И дрогнули казахи...
Троих из каждой пятерки
Потеряли они в этой страшной сече!
И тогда побежали они в Сарыарку,
Оставив прибрежные тучные пастбища...
Так и остался не разысканным своими родичами
Калкаман,
Ибо поздно было его искать.
И остался на пути бегства старый Анет-баба,
Умирать остался, брошенный на голых холмах!..

В поэме «Калкаман — Мамыр» поется о том, что джунгары уничтожили три пятых казахского населения, и это близко к истине. Такой катастрофы не переживал еще казахский народ. Даже Джучи в своих знаменитых походах в Сарыарку и пойму Сейхундарьи смог уничтожить только треть местного кочевого населения. Дело в том, что Джучи нуждался в воинах-союзниках для своих войн, а джунгарские контайчи, теснимые маньчжуро-китайскими войсками, нуждались лишь в пастбищах и скоте. В этом всегда состоял весь ужас шуршутских нашествий с Востока на земли Казахстана и Средней Азии.

Китайские чиновники загодя подсчитали, что казахов было около

двух миллионов. Это значит, что свыше миллиона людей было уничтожено при джунгарском нашествии. Если уж знатного Анета-баба оставили умирать одного в степи, то что говорить о простых, незнатных людях! До сих пор находят в степи скопища человеческих скелетов на путях бегства. Оставшиеся без скота кочевники были обречены. Они ели траву, пили весенний березовый сок, искали степные грибы и в конце концов собирались вместе у какого-нибудь холма и вместе умирали. Так началась эта четвертьвековая народная трагедия, получившая в народе название «Актабан шубырынды, Алкаколь сулама», то есть: «Время, когда весь народ со стершимися от бегства подошвами лежит, обессиленный, вокруг озера скорби».

Именно в эти годы родилась великая и неутешная в своей человеческой горести песня «Елим-ай» — «О мой многострадальный народ»:

Караваны горя спускаются с гор Каратау,
И возле каждого каравана уныло плетется
Сиротинушка-верблюжонок.
О, как тяжко лишиться родины,
Крупные слезы мешают смотреть на мир...
О, что за время пришло — время страданий!
Птица счастья покинула нашу горькую степь.
Люди бегут из родных мест, как развеянные бурей птицы,
Холоднее лютых буранов зимних оставляемый ими белый след.
О, что за время пришло — время скорби великой!
И нет просвета в безбрежности времен...
Как одинокое дерево, оставшееся от родного леса,
Купаю свои ветви в озере горьких слез.
О, как тверда черная земля, когда спишь на ней голым телом!
Откуда этот безбрежный поток горя и страданий?
Тяжко ступать ногам по этой земле...
Где ж наши быстрые кони, о господи?!
О, что за время пришло — время разлуки,
Дети на земле остались без родителей...
Ничего нет тяжелее прощания,
Когда не знаешь, встретишься ли вновь!..

Широкой волной катилось через степь семиглавое джунгарское войско. И так же, как волна в океане, завертелось, закружилось оно вокруг Туркестана, словно нарвавшись на каменный утес. Несколько дней оборонялся город. По нескольку раз на дню посылал остервеневший контайчи свою конницу на штурм невысокого земляного вала, опоясывавшего в те времена Туркестан. С диким воем летела на штурм конная лава и всякий раз откатывалась, наткнувшись на яростное сопротивление горожан. За день до прихода джунгар были отправлены из города семьи защитников, и каждый день задержки контайчи под стенами города отдалял погоню за ними...

Накануне падения города началась жестокая песчаная буря. Все колодцы города засыпал песок. В двух шагах ничего не было видно. И, пользуясь этим, вырвалась и ушла в степь небольшая группа всадников во главе с Елчибек-батыром.

На следующий день солнце светило ярче обычного. Так всегда бывает после бури. Ворвавшиеся в город солдаты контайчи увидели

только мертвых. Разъяренный Сыбан Раптан приказал стереть город с лица земли. И с городом поступили точно так, как за пятьсот лет до этого поступил с ним рыжебородый пращур контайчи. Много дней еще курился прах над мертвым Туркестаном.

II

«Как могла случиться с нами такая беда? Куда делось наше могущество, которое было двести лет назад?»

Кто ответит на этот вопрос?..

Большой открытый лоб известного всей степи мудреца и поэта Бухара-жырау прорезала морщина сомнения. Его бородка клинышком то и дело поворачивалась в сторону сидящего пониже юноши лет четырнадцати — пятнадцати. Возраст юноши можно было определить лишь по бледному лицу, которое не знало бритвенного лезвия. Плечи у него были широкие, мужские, да и рост, пожалуй, вровень с крупом породистого текинского коня. Обращали на себя внимание глаза — большие, серые, немигающие. Во всем облике, в движениях юноши было что-то горделивое, не присущее простым скотоводам. Он явно не родился в такой вот черной лачуге, где сидели они. Уж глаза поэта ничто не обманет...

Вместе с ханом Младшего жуза Абулхаиром вещий певец Бухар-жырау попал в эту дымную черную юрту пастухов совершенно случайно. Во время одного похода против джунгар хан, пригласив Бухара-жырау, решил сам идти в разведку. Оба прекрасные наездники, они оторвались от ханских джигитов, два дня искали дорогу в солончаках, пока не наткнулись на чабанское стойбище в тугаях Сейхундарьи, как раз на границе с Большим жузом. Абулхаир, высокий, статный мужчина лет тридцати, со строгим, красиво очерченным лицом и ухоженными черными усами, так и не посмотрел ни разу в сторону чабанов...

Их было всего двое пастухов в этой юрте. Второй — сутуловатый пожилой великан, с окладистой бородой и задубевшим от солнца и ветра лицом, явно был простолюдином. Бухар-жырау все время думал о том, что могло свести этого юношу из знатной семьи и простого раба. Зоркий взгляд поэта давно уже заметил рабскую метку на руке великана...

Поэт не ошибся. Сероглазый юноша был сыном правителя Туркестана Валия-султана, а великан Ораз — его рабом. Во время осады Туркестана оба они попали в плен. Четырнадцатилетний сын султана Абулмансур, на которого его дед Аблай-Кровопийца оставил Туркестан, чтобы не вышло худшей беды, скрыл свое происхождение, и их, скованных одной цепью, привезли для продажи на невольничий рынок в Хиву. Оттуда они бежали вместе и, благодаря ловкости и опытности старого раба, сумели скрыться в кочевьях у Сейхундарьи. Уже второй месяц поджидая удобного случая, чтобы добраться до султанских родственников, они выдавали себя за простых чабанов и пасли верблюдов, принадлежавших бию Большого жуза Толе.

Поведение обоих выдавало их с головой. Младший, по существу еще мальчик, сидел неподвижно, а старик хлопотал по хозяйству. Даже приезд столь знатных гостей не смутил юношу. Бухар-жырау, как простолюдин, тоже оставил своего хозяина-хана и вышел вслед за старым рабом якобы с целью помочь ему. Потом они вернулись вместе, принесли в миске шубат и казан с мясом молодого барашка. Все четверо сели за еду.

Абулмансур сообщил гостям о том, что давно уже пасет верблюдов, и сразу же перевел разговор на другое. Уже дважды его немигающий взгляд сталкивался со взглядом проницательного жырау. И Бухар-жырау понял, что юноша обо всем догадался. Да, так оно и было: когда они выходили вместе из юрты, раб Ораз, узнав в своем общительном госте знаменитого народного певца, рассказал ему про все. Юный султан был обязан жизнью своему верному рабу. Сейчас жырау стало почему-то тревожно за судьбу этого старого человека. Слишком уж необычный взгляд был у юноши...

Молодой султан вдруг показал на сидящего у самого входа в юрту Ораза:

— Он мне почти отец, этот человек. Не будь его, я не остался бы в живых!

Так искренне это было сказано, что даже многоопытный жырау поверил в добрые чувства юноши.

— Знаю!

Он кивнул головой и в тот же миг понял, что невольно обрек раба на смерть. Ему ведь приходилось уже видеть этот немигающий взгляд чингизидов. Знал он и Аблая-Кровопийцу. Как же он мог поддаться на удочку этого юнца!

А Абулмансур задумчиво посмотрел на ничего не подозревающего старика у входа и отвернулся. Нужно было спасать положение, и жырау тронул рукав рваного халата, наброшенного на плечи Абулмансура:

— Да, мой мальчик, раб рассказал мне обо всех ваших мытарствах и муках в плену. Иметь такого верного человека — большое счастье в наши дни. Такие люди верны и в горе и в радости, что встречается еще реже!..

Вещий жырау говорил и с каждым словом все больше убеждался, что это напрасно и участь бедного раба решена.

Юный табунщик смотрел ему прямо в лицо своими немигающими глазами. По спине у жырау невольно пробежал холодок. «Какие все-таки у него глаза: как у змеи! — подумал он. — Так же блестят и то же бесстрастие. Откуда это? Наверно, от вампира-деда, которого не называют иначе, как Аблай-Кровопийца. И конечно же не преминет он ужалить этого доброго человека, спасшего ему жизнь. Одна из мудростей чингизидов в том, чтобы не оставлять в живых свидетелей собственного позора или бесславия, а то и просто людей, много знающих о них. О боже, как спасти этого несчастного человека?..»

Его раздумья прервал хан Абулхаир. Он-то и задал этот вопрос, который никому не давал покоя в степи:

— Как же случилось, мой жырау, что докатились мы до такой

беды? Почему, словно сайгаки, побежали наши племена и роды перед джунгарами? Где наша былая сила?..

Нелегкий был этот вопрос, и жырау только угрюмо покачал головой. Но хан Абулхаир не отставал:

— Тебя называют хранителем нашего прошлого, жырау. Слава о твоей мудрости идет по всей степи. Скажи же, почему все это происходит? Неужели после Касым-хана не родилось в нашем народе ни одного человека, который мог бы предвидеть такую беду и заставил бы людей подготовиться к отпору врагу!..

— Почему же, были такие люди!..— Бухар-жырау махнул рукой.— Но одно дело — желание, другое — умение управлять людьми в степи. Кочевники мы, и всякий, коль не по нраву ему что-нибудь, садится на коня и едет на все четыре стороны. Сам Касым-хан не смог до конца справиться со своеволием родовых старшин. Разве не погиб он от рук тех же ногайлинских биев, которых хотел сплотить в одно ханство? И туркестанские города, за которые воевал он всю жизнь, разве не переходили потом из рук в руки? Пока сам народ не поймет, что в единстве его спасение, никому не под силу справиться с этим делом!..

— Так ли это?!

Сам хан Абулхаир, не обращавший до сих пор внимания на хозяев юрты, с удивлением обернулся. Этот вопрос тихим, но твердым голосом задал юноша-табунщик. И тогда, чтобы отвлечь от него внимание, быстро заговорил жырау:

— Да, это так. И в доказательство, если позволит мой хан, я расскажу вам историю Хакназара, который пошел дорогой своего отца Касыма, но споткнулся и погиб в самом конце пути...

— Да, конечно, поведай нам про это, жырау!— сказал Абулхаир, отворачиваясь от странного юноши-табунщика, осмелившегося говорить на равных с благородными гостями.

— Тогда слушайте!

Бухар-жырау опустил руки на колено, смежил веки и замер, словно пытаясь увидеть что-то сквозь толщу лет. И когда он начал говорить, то сразу раздвинулись прокопченные стены бедной чабанской юрты, и все присутствующие тоже увидели живые, зримые образы минувшего...

— Что в этом бренном мире горше раскаяния? Смерти подобно, когда, уступив превосходящей силе противника, ты изведаешь горечь поражения. Невыносимо это чувство для сердца,— начал Бухар-жырау.— Но еще горше, еще невыносимей, когда, ослепленный сознанием собственного могущества, ты поддаешься презренному великодушию и возвращаешь свободу врагу. А враг этот, облагодетельствованный тобой, вонзает тебе в спину нож, и тогда ты плачешь не от боли, а от позора за недостойное мягкосердие!..

Ни шутки и прибаутки, ни звонкий молодой смех, которым наполнена была до краев огромная двенадцатикрылая юрта, не могли рассеять мрачные мысли хана Хакназара. Самые красивые девушки

и самые лихие и веселые джигиты собрались у него. Это всегда помогало в таких случаях, словно пропитывая все вокруг вечной, быстро забывающей горе юностью. Но на этот раз рана оказались слишком глубокой.

Он хмуро молчал, лишь порою рассеянно смотрел на огромный кувшин выше человеческого роста, где на древнетюркском языке было написано:

Этот кувшин должен наполниться золотом.
Или чистым звонким серебром.
Или сладким густым вином.
Если не ими, то горькими человеческими слезами.

Хан оставался нем даже к милому щебетанию своей будущей свояченицы, всеми избалованной красавицы Акбалы, которая, нежно навалившись на его правое колено, нашептывала ему прямо в ухо безобидные колкости.

— О мой правящий зять!— Залившись смехом, она больно ущипнула его за бедро сквозь расшитые золотом бархатные штаны.— Хоть улыбнулись бы, великий хан, хоть пару слов подарили бы нам. А то собрали гостей и сидите подобно Кульмес-хану, который за всю жизнь ни разу не улыбнулся людям!

Шаловливая родственница, по всем степным законам, имеет на это право, но он должен ответить в том же духе, чтобы не испортить проходящие сейчас свадебные торжества. И он тоже легонько притянул к себе за талию свояченицу. Но в глазах его стояла ночь, а в груди словно были насыпаны красные жаркие угли. Мысли неумолимо возвращались к тому известию, которое привез гонец-шабарман. Времени, равного одной кобыльей дойке, еще не прошло с тех пор...

Снова где-то под ухом звонко засмеялась неугомонная Акбала, подергала его за рукав:

— Про вас говорили, что вы бесстрашнее тигра в бою, а испугались девушек Сарайчика... Не бойтесь, мы не питаемся мрачными властителями!..

И тут только хан Хакназар вспомнил, где сейчас находится и как должен себя вести... Да, он в Сарайчике!

На руинах Золотой Орды поднялись три ханства: Казанское, Крымское и Астраханское. А великий Сарай на Едиле, куда сходились торговые дороги, куда со всех сторон земли шли караваны с неслыханными богатствами и откуда полмира ждало ханского приказа, погиб. Вместо него теперь Сарайчик — небольшой городок на берегу Жаика. Запущенными выглядят белокаменные караван-сараи, поблекли и потрескались голубые купола мечетей и дворцов, где обитают сейчас астраханские и ногайлинские бии и мурзы. В крепостях вокруг города осели стены, обвалились башни. И все же жизнь не замерла здесь. По-прежнему идут через город караваны, полнятся верующими мечети и блестят при солнце и луне золоченые полуме-

сяцы. Чего же не хватает этому городу, чтобы вернуть себе былую мощь?..

Ногайлинские бии, в основном из главенствующего рода мангит, сделали после падения Золотой Орды Сарайчик своей столицей. Потом к Ногайлинскому ханству присоединились многочисленные казахские племена и роды, кочевавшие вдоль Едиля и Жаика, и Сарайчик стал центром большой разноплеменной страны. Передравшиеся между собой ногайлинские вожди вместе со своими подданными постепенно разошлись в разные стороны: одни в Казань, другие в Астрахань, некоторые в Синюю Орду, но многие остались и смешались с казахами в единую Белую Орду, а от некогда могущественного Ногайлинского ханства осталось лишь древнее название да этот город — Сарайчик. Так обстоит дело теперь, когда он, хан казахской Белой Орды, Хакназар, прибыл сюда из своей восточной столицы Сыгнака с большим войском, имея тайную цель, которой ни с кем не делился...

Его отец, хан Касым, отобрал у потомков Абулхаира и Хромого Тимура древние казахские земли по нижнему течению Сейхундарьи, зеленые поймы Каратала, Сайрама, Таласа и Чу, прихватив попутно и часть киргизских, каракалпакских и ногайлинских владений, которые остались без сильных покровителей. И хоть сам хан Касым обычно сидел в неказистом Каратале, его конница могла в короткий срок пересечь казахскую степь в любом направлении и обрушиться на непокорных или тех, кто зарился на подвластные ему области. Подобно своему пращуру Чингисхану, он раздал подвластные земли своим сыновьям, близким родственникам и приближенным, не позволив никому до конца его дней нарушить ханскую волю. И все же погиб хан Касым в междоусобной борьбе, когда во главе большого войска прибыл сюда, в ногайлинские пределы, усмирять непокорных, которые захотели переметнуться из-под власти сурового хана к астраханскому владыке.

После этого в 1537 году узбекский хан Абдуллах и хан Моголистана Абдрашит объединились, вторглись в казахские земли и поделили их значительную часть между собой. Большинство казахов откочевало тогда на еще свободные земли Сарыарки.

Но вечен народ, как и сказочный алмазный меч. И разве упрячешь его в котомку? Прошел всего лишь год нашествия, и в глубине Казахской степи, у подножия древней горы Улытау, оставшиеся племена и роды подняли на белой кошме тридцатилетнего Хакназара — младшего сына хана Касыма...

Да, так ничего и не смог сделать Абдуллах-хан. В собственном войске его назревало брожение, и опасно было посылать узбекских ополченцев в глубь степи на борьбу с родственным народом. Лишь часть Семиречья, заселенная киргизско-казахскими племенами, осталась под властью Абдуллах-хана, да и то до крепости Жадан. Оставшуюся часть взял себе в качестве платы за помощь моголистанский хан Абдрашит.

Не обошлось и без предательства, наглядно показавшего, что очень часто узкофеодальные интересы властителей становятся вы-

ше общегосударственных и народных. В то время, когда казахские роды и племена находились на грани уничтожения, Шагай-султан, сын старшего сына Касым-хана Жадика, снюхался с завоевателями и, отделив от завещанного отцом ханства часть Туркестана, провозгласил себя самостоятельным правителем. Ясно было всем, что самостоятельность его была лишь видимой...

Да, немало лет прошло с тех пор, но как один большой и трудный день кажутся они сейчас хану Хакназару. И на триста лет хватило бы многим другим, укрытым горами или защищенным морями, государствам того, что случилось за эти три десятка лет с незащищенным никакими границами степным ханством. Как отец его и дед, как все другие степные властители до него, молодой хан сразу же настойчиво взялся за объединение разрозненных казахских родов и племен. Казалось, что после страшного разгрома все придется начинать с самого начала. Однако он радовался и тому, что вечные враги — китайские богдыханы, занятые междоусобицами, оставили на время казахский народ в покое. Но ничто в истории не проходит бесследно. Не прошла напрасно и та вековая работа по объединению народа, которую провели до него наиболее дальновидные деятели. Остались в памяти народной те песни, зовущие к объединению, которые пели великие народные певцы. Зерно уже было брошено. Хоть земля, куда оно упало, была жесткой и слежавшейся казахской целиной, доброе зерно проросло, как только пролились в степи новые дожди!..

Так или иначе, снова пришлось ему собирать под единое знамя казахские и родственные им киргизские и каракалпакские роды и племена. Жестокая борьба с самовластными степными биями и султанами, бесчисленные кровавые стычки и большие войны — все это пришлось пережить на пути к поставленной цели. Особенно больших жертв потребовала борьба за освобождение древних казахских городов по Сейхундарье, захваченных в свое время шейбанидскими ханами. После смерти грозного Мухаммеда-Шейбани его ханство было ослаблено внутренними раздорами и не решалось тревожить казахские земли, страшась стремительной конницы Касым-хана. Но к началу ханствования Хакназара золотой трон в Бухаре занял Абдуллах-султан — прямой потомок Абулхаира. Этот молодой барс был внешне похож на могучего прадеда и во всем старался подражать ему, в том числе и в набегах на степь. Заручившись поддержкой своего старшего брата Убайдуллы-султана, он стал совершать поход за походом, считая своими все земли, завоеванные некогда грозным Абулхаиром и Мухаммедом-Шейбани. Но бодливой корове бог рог не дает: тяжелым грузом повисли у него на руках многочисленные двоюродные и троюродные братья, которые также хотели славы и власти. Распри, которые считались уже нормальным явлением, превратились в самую настоящую войну. Она стала еще острее, когда в нее вмешались казахские ханы и султаны. Это бывало всегда, когда возникала война в древних земледельческих оазисах, так случилось и на этот раз...

Захвативший часть Туркестана и отделившийся от основного

казахского ханства Шагай-султан поддерживал в этой борьбе Абулхаирова потомка Абдуллах-хана. Хакназар, снова объединяющий казахов, взял сторону его врага — Баба-султана, тоже из рода Абулхаира, но связанного близким родством также и с тимуридами. И чем ожесточеннее шла борьба между Баба-султаном и Абдуллахом, тем больше укреплялся в степи Хакназар.

Ядовитой занозой в теле возрождающегося государства сидел в своих отделившихся землях Шагай-султан. Это были наиболее развитые районы ханства, где производились столь необходимые кочевникам товары, осуществлялись торговля и культурные связи с южными соседями. Мешали полному объединению и непрерывные раздоры между присоединившимися к ханству киргизскими и каракалпакскими племенными вождями. И тогда, по примеру предыдущих ханов-объединителей, Хакназар ушел в глубь степи, к Улытау и Аргынаты. Роды и племена, населяющие эти места, а также долины рек Есиля, Иртыша, Тобола и Нуры, прибрежные земли Голубого моря — Балхаша, стали, как и в давние времена, костяком объединения. Однако у них явно не хватало сил для предстоящей длительной и тяжелой борьбы с потомками Абулхаира — шейбанидами, не говоря уже о никогда не прекращающейся джунгаро-китайской угрозе. Как только наступало ослабление степи, сразу же, по подсказке великоханьских советников, усиливали свои набеги на казахские аулы со стороны Джунгарии и Алтая ойротские контайчи. Где-то там, на северо-западе, за широким Едилем, возникали очертания великой русской державы, и хан Хакназар все чаще поворачивал голову в ту сторону. Когда правишь в открытой степи, нужно иметь тонкий нюх и предвидеть все на многие годы вперед. Кто знает, чего ждать с той стороны: нового врага или опору в битве со всеми барсами, волками и тиграми, которые рычат с трех сторон на обескровленное ханство?..

Вот тогда и решил двинуться к Едилю со всем своим войском хан Хакназар. Прежде чем вступить в решительную схватку с потомками Абулхаира — шейбанидскими ханами — за города Сейхундарьи, следовало навести порядок здесь, а заодно выяснить, чего можно ожидать в ближайшее время от нового могучего соседа. Казанское и Астраханское ханства находятся между Русью и его ханством, но то, что новая грозная сила появилась на Едиле, можно было заметить по неожиданной мягкости и сговорчивости казанских и астраханских властителей, по нервозности крымских Гиреев...

Повод всегда найдется, были бы войска, которые можно привести с собой. А войск хан Хакназар взял тогда с собой на берега Жаика немало. Вся пойма реки в обе стороны от Сарайчика до самого горизонта дымилась кострами. Люди смотрели на скачущих всадников в полном боевом снаряжении и молчали. Что же, великий хан Белой Орды в кои веки прибыл помолиться над прахом своего отца — грозного Касым-хана. И не приличествует ему разъезжать по степи одному. Чем больше всадников с ним, тем

большее уважение вызывает он у подданных и соседей. Таковы законы степи...

Но разве бог не услышит шепот, как говорят в степи. Кочующие в пойме Жаика и Едиля роды и племена мангит, алшин, байулы, алимулы, жагалбайлы прекрасно понимали, что ханская набожность всегда связана с земными интересами. Вечерами в кочевьях гадали, что влечет за собой для их аулов прибытие хана. Наиболее недальновидные и горячие головы считали себя свободными от любого подчинения и думали прожить в таком неспокойном краю сами по себе, без чьей бы то ни было помощи и поддержки. Другие считали себя подданными астраханских ханов, которые, впрочем, сами числились в подданстве Белой Орды. Но в самом Астраханском ханстве после смерти Тимур-бия уже десять лет происходили смуты и волнения...

Свое веское слово произнес тогда знаменитый народный певец Шалкииз.

— Как бы по-разному ни думали все мы, ближе всего нам по духу и родству Белая Орда!— сказал мудрый жырау.— Встретим же как близкого родственника Хакназара и послушаем, что он скажет нам...

Хана и сопровождающих его людей поселили в главном дворце ногайлинских биев, быстро приведя его в порядок. Прямо на берегу Жаика, кроме того, были разбиты белые юрты, потому что не привыкли степные властители к каменным стенам и чувствовали себя лучше в привычной обстановке. Огромные табуны коней, тысячные отары овец пригнали для пропитания войска. И, как всегда, устроили состязания джигитов с последующими празднествами, где соревновались уже певцы и сказители. А пока все это отвлекало внимание, в тишине велись переговоры с местными биями и султанами...

Издревле в стране казахов подобные переговоры начинают мудрые бии. Где бы это ни происходило: в Сарыарке, в Семиречье-Джетысу или в присырдарьинских кочевьях, первым берет слово тобе-бий, то есть верховный бий. И сидит он в соответствии со своим положением на возвышенном месте. За ним начинают говорить толе-бий, то есть его помощники. То же самое происходило и здесь, на берегах Жаика, только главный бий назывался в этих краях бас-бием или казык-бием, а помощники его — урымтал-бием и ушымды-бием. В задачу урымтал-бия входило примечать слабости в позиции другой договаривающейся стороны и острым словом выделять их из общего строя переговоров. Стремительный ушымды-бий должен был немедленно подхватывать мысль напарника и развивать ее в выгодном направлении.

Так как престарелый Шалкииз-жырау к этому времени уже не участвовал в таких советах, его место занял главный столбовой бий Ногайлинского края — по имени Койсары-бий из рода алшин.

— Окунешься в пучину мыслей, и сразу сжимается сердце от душевных страданий, теряется сон и есть не хочется. Окунешься в море веселья, и сердце расправляется, спишь спокойно и ешь с радостью!..— так начал этот непревзойденный мастер слова свою

речь.— Вот уже много лет мы живем в дружбе и радости с вами, дорогой хан Хакназар. Дружны наши пастухи на джайляу, дружны наши караванщики в дальних странствиях. Вот почему мы не спрашиваем действительную причину твоего появления в наших краях с таким большим войском. Я не хочу начинать свою речь с вопросов дорогому гостю. К тому же мои старые уши уловили людскую молву, что пришел ты сюда с достойной целью помолиться на отцовской могиле и построить над ней мавзолей с куполами, как это приличествует высокому хану...

Все присутствующие бии из местных родов согласно закивали головами:

— Все правильно, наш высокий бий!..

— Хорошо сказал наш златоуст!..

— Да, если был тебе отцом великий Касым-хан, то мы чтили его и как покровителя страны Ногайлы. Посмотри, мы не дали потускнеть полумесяцу на его могиле!— Койсары-бий протянул руку в ту сторону, где покоились ханы и мудрецы ногайлинцев, тонко намекнув таким образом гостю, что ради украшения отцовской могилы не стоило бы приводить с собой такое большое войско.— К нашему несчастью, мы не смогли когда-то уберечь его. Но разве быстротечное время и ненасытная земля щадят кого-нибудь? Мало ли поглотила она великих людей, с тех пор, как стоит мир? Каков бы ни был длинен путь, вперди все равно смерть!..

Грустно завздыхали, закачали головами бии и аксакалы. А Койсары-бий, выждав положенное время, приступил к следующему колену своей речи.

— Не будем же говорить о прошлом, о всех неприятностях и тяжбах, которые случались между нами. Пора подумать о грядущем. Вся наша надежда на будущее. И мы думаем: именно для того, чтобы поговорить о будущем над старыми могилами, проделали такой длинный и тяжкий путь через всю степь наши братья. Благословим же их приход!..

И все знатные и уважаемые люди из местных родов и племен коснулись руками бород, зашептали божье благословение.

Потом слово взял тобе-бий Белой Орды Аксопы-бий:

— Очень удачно начал ты свою речь, Койсары-бий, напомнив о минувших временах. Мы знаем, что некоторым недалеким людям показалось, что растаяло в тумане времен единое Казахское ханство, за которое проливали кровь наши и ваши предки. Но когда превращается в бурелом могучий бор, то разве не остаются от него черенки? И разве не зазеленеет он с первыми дождями? Будет это, и на вершине самого могучего дуба, как и прежде, угнездится степной орел с сильными неутомимыми крыльями... А если иссякло море, то только слепец не видит того родника, который остался и шумит, предвещая в будущем могучие волны!.. Умирает аргамак, но остается тонконогий жеребенок, который растет и скачет все дальше и дальше в степь!..

Разве не по тем же законам живем мы, казахи?.. Почил вечным сном в этой земле орел Белой Орды Касым-хан, но оседлал

его коня Хакназар-оглан. Родные мои казахи — с севера и юга, с востока и запада, все вы видели, как свирепый ураган ломал стойки юрты нашей Белой Орды, которую ставили Джаныбек, Керей и Касым-хан. Стены уже начали разверзаться, и черный вихрь подхватил белое войлочное покрытие, чтобы унести его в небо. И тогда, в самую трудную минуту, достойный сын Касым-хана взялся сильной рукой за остов, поставил твердую подпорку к накренившемуся вбок решетчатому куполу, и уцелел наш общий дом...

Немало лет прошло с тех пор. И не успели мы еще наложить заплаты на прорванные стены, как новые свирепые ветры зарождаются по границам степи. Много желающих поживиться обломками нашей юрты, растащить по косточкам, развеять над степью прах наших кочевий. А первый среди них — шейбанид Абдуллах-хан Бухарский, сумевший взять верх над другими владыками в своих землях и уже грозящий нашим кочевьям на востоке полным порабощением. С ним идут не только хищные потомки хана Абулхаира и многие тимуриды, но и наш брат Шагай-султан. Вы можете сказать, что наши дома и пастбища далеки от этого коварного и беспощадного врага. Но и Улытау также далек от нас. А кто из вас не понимает, аксакалы, что если на протяжении столетия не уничтожили здесь нас могущественные враги, то только потому, что в глубине степи всегда наготове была грозная конница Белой Орды. И они знали, наши здешние враги, что эта конница в ту же минуту двинется к нам на выручку, считая нас частью единого Казахского ханства!.. Я спрашиваю вас, бии и аксакалы, что станет завтра с нами, если падет там, в Сарыарке, наше общее знамя под ударами хищных шейбанидов?!

Наступило молчание. Бии и аксакалы ногайлинских кочевий думали. И вдруг раздался относительно молодой голос:

— Все хорошо ты сказал, мудрый Аксопы-бий. Но зачем для того, чтобы сказать нам это, они привели с собой такое большое войско?

Осуждающе качнулись головы у аксакалов. Все они прекрасно понимали, что от века в степи не имели силы самые мудрые слова и добрые пожелания, если не стояло за ними войско. И теперь кто-то из них проявил свою глупость, выразив сомнение в этом непреложном правиле.

— О нет, дорогой бий...— Тонкая улыбка появилась на губах у Аксопы-бия, когда тот повернулся к спросившему.— Если мы пришли сюда с войском, то это не для того, чтобы напугать вас, а лишь для того, чтобы обрадовать своих братьев нашей силой и могуществом!

И все головы одобрительно склонились, приветствуя такой мудрый и вежливый ответ.

— Мы безмерно рады вашему прибытию!— сказал Койсары-бий и широко повел рукой, показывая тем самым, что местные роды и племена готовы восстановить тот союз, который существовал между ними и Белой Ордой в предшествующее столетие.

После него говорили бии, выступая по старшинству, за ними пришла очередь простых аксакалов и батыров. Три дня еще продол-

жались эти разговоры, ибо по-настоящему не обговоренное дело считалось необязательным. Лишь в конце произнес свою речь сам Хакназар.

— Хивинские и бухарские владыки хотят навсегда растоптать наше ханство,— сказал он, указывая на юг.— От наших колен происходят все они, ибо из нашей степи пришли туда Абулхаир и Хромой Тимур. Но такие дети всегда полны неблагодарности, и нечего ждать нам от них пощады. Другая жизнь у них и другие интересы. Нам же некуда уходить из своей степи!

Так была улажена старая распря, связанная со смертью Касым-хана, который погиб когда-то именно здесь от рук ногайлинских казахов. Десять тысяч всадников обязались выделить здешние кочевья для борьбы за присырдарьинские земли и города с Абдуллах-ханом. Принятое решение как бы подтверждало воссоединение этих земель с Казахским ханством. А в знак верности и незыблемости союза самый богатый и родовитый человек Карасай из рода жагалбайлы согласился выдать свою дочь за Хакназар-хана. Так повелось от предков...

От знатных башкирских родов были жагалбайлы, и девушки из этого рода всегда отличались неотразимой красотой. Но дочери Карасая — Акторгын и Акбала, казалось, затмили все слухи и легенды. Такие тонкие талии, такие ниспадавшие до пят толщиной в руку косы, такой жгучий румянец на щеках и огромные лучистые глаза были у обеих, что невольно вспоминались древние сказания о небесных девах, разивших могучих батыров одним своим видом...

Одну из них, старшую, черноокую Акторгын, ногайлинцы решили отдать за хана Белой Орды как выкуп за некогда убитого его отца...

Но почему же столь озабочен сейчас хан Белой Орды?.. Исполнилось то, ради чего двинулся он сюда со всем своим войском. Страна Ногайлы, населенная разнородными степными племенами, снова признала свое подданство Белой Орде и выставляет десять тысяч воинов для общего дела. И произошло это без обычного кровопролития, а по доброму согласию. Во всяком случае, хан увидел, что наиболее дальновидные и мудрые люди здесь отлично понимают важность сохранения единого Казахского ханства для всех без исключения степных родов и племен.

Сегодня утром начались свадебные торжества. Как растревоженный улей выглядел Сарайчик. На невиданные цветы были похожи разодетые в шелка девушки и джигиты. Из всех караван-сараев и подворий неслись звуки труб и барабанов. А на свободных площадках уже происходили состязания борцов, неизменные конные игры с козлодранием, стрельбы из лука по мешочкам с золотом и серебром.

В полдень к главному дворцу, где находились уже хан Хакназар, старец Шалкииз, ведущие бии обеих сторон Койсары и Аксопы, а также Карасай-бий со своими родственниками, стали съезжаться высокородные влиятельные люди — люди «белой кости» — от всех

родов и племен страны Ногайлы. А Хакназар направился в юрту невесты.

По старинному обычаю, жениху следовало еще исполнить шутовскую роль в игре «тюйебас» — «верблюжья голова». И хан исполнил бы ее, чтобы показать свою простоту и вежливость возвратившимся под его знамя родам, но женщины сами не позволили ему сделать это. Они лишь усадили его опять на шелковые подушки и ограничились скромными шутками. Хан повернул голову направо и тут только увидел свою будущую седьмую жену. Она полностью оправдывала свое имя Акторгын, что значит «Белая кисея». В белоснежной накидке и поддевке с золотым позументом, она едва слышно перебирала струны маленькой домбры, и целая охапка перьев филина мягко колыхалась на ее круглой шапке в такт звукам. Да еще тихо вздрагивали длинные ресницы, прикрывающие большие черные глаза...

— Ах, забыли мы задернуть полог!— Молодая и красивая тетушка невесты вскочила и плавным движением белой руки скрыла девушку от мужских взоров.— Раньше вознаградите меня, дорогой зятек, за такое удовольствие!..

Все засмеялись. Теперь и у хана Хакназара повеселели глаза. Морщины на его суровом лице разгладились, и сразу стало видно, что он еще относительно молод. Глаза его невольно стрельнули в сторону задернутой занавески. И в этот момент в юрту вбежал шабарман — гонец. По одежде его можно было сразу догадаться, что он из присырдарьинских родов, а по слою пыли на ней — что он скакал без отдыха день и ночь, чтобы доставить хану важное известие. Прищуренным взглядом окинув присутствующих, шабарман склонился перед ханом:

— Мой хан-государь, срочная весть!..

Хан впился в него взглядом, припоминая:

— О, ты не Кияк-батыр?!

— Да, это я, мой повелитель-хан!

Молча поклонившись прекрасной родственнице, хан Хакназар вышел с гонцом в сад. Присутствующие зашептались. Откуда-то стало известно, что Кияк-батыр прискакал из далекого Каратала. Но какую весть привез он, никто не знал. Вскоре хан вернулся, а гонец, сменив взмыленного коня, тут же поскакал назад в Белую Орду...

— Обычное донесение, так что не нарушайте торжества!— сказал вполголоса хан, и все продолжалось в принятом порядке.

Глубоко задумался Хакназар...

Бухар-жырау прервал свой рассказ. Как раз в этот момент раб Ораз пошел вторично готовить еду для гостей. Он сгреб кочергой угли табылги в одну горстку, и в юрте стало светлее. Юный Абулмансур не мигая смотрел на огонь. Вдруг он сказал:

— Хан Хакназар зря доверился рабу.

— Почему?— удивленно спросил Бухар-жырау.

— Кияк-батыр из рабов, а раб, знающий сокровенные мысли хозяина, подобен змее за пазухой.

Снова холодок пробежал по спине жырау. Неужели этот юноша и впрямь лишен человеческого сердца? Он не ошибся в своих предчувствиях — над головой того, кто готовит им сейчас пищу, повис топор!..

Вернулся Ораз с кувшином и тазом для омовения рук. Бухар-жырау продолжал наблюдать за Абулмансуром. Если тот выдает себя за младшего табунщика, то ему не мешало бы быть поскромней. Только слепой не заметит, что в то время, когда старший хлопочет возле заблудившихся на охоте путников, подросток ведет себя со знатными гостями как равный. Вместе с ними подошел он к тазу, и раб предупредительно полил ему на руки воду...

Они молча поели, передохнули после еды. Ханские туленгуты не появлялись, и жырау продолжил свой рассказ о прошлом...

— Хану Белой Орды Хакназару было над чем подумать... Давно уже испортились отношения между ханом Хакназаром и султаном Шагаем. А когда Шагай положил начало расколу Белой Орды, совсем еще юный Хакназар объявил его вне закона. Воспользовавшись малолетством Хакназара и безмерным деспотизмом Тахир-хана, Шагай в то время отделил от Казахского ханства большую часть Туркестана и в нарушение всех законов степи провозгласил себя самостоятельным правителем.

Но и с этим можно было бы смириться и образовать хотя бы общий союз родственных стран. Однако самозванец пошел дальше в своем вероломстве, заключив соглашение с самыми лютыми врагами Казахского ханства — шейбанидами, потомками кровавого Абулхаира. Простить это было уже невозможно. Так и случилось, что сыновья Касыма и Жадика — прямые отпрыски хана Джаныбека — превратились в кровных врагов.

И вот, как-то возвращаясь из очередного набега, султан Шагай остановился передохнуть в ауле одного бывшего абулхаировского батыра из рода конрад. Был он в скромной одежде, и никто не узнал его. В степи не принято расспрашивать остановившегося на ночлег человека, кто он и откуда.

Ночевал Шагай-султан в юрте аксакала Абулькасыма — правнука Урчи-батыра. И случилось так, что юная дочь хозяина юрты влюбилась в статного горбоносого путника, хоть Шагаю перевалило уже к тому времени за сорок. Он тоже не остался равнодушным и ночью побывал на ее ложе. Так пришелся ему по сердцу этот нераскрывшийся бутон, что, возвратившись к себе на родину, султан сдержал данное в ослеплении страстью слово и послал к аксакалу Абулькасыму сватов, а также причитающиеся в счет калыма подарки...

Но аксакал Абулькасым был глубоко предан Казахскому ханству и держал в междоусобном споре сторону Хакназара. Узнав, что у него гостил ненавистный Шагай-султан, который вдобавок хочет породниться с ним, он наотрез отказал сватам. Аксакал к тому же боялся, что, узнав про все это, хан Хакназар может подумать что-нибудь недоброе о нем самом. И в тот же день он отправил письмо отцу

нареченного жениха своей дочери — правителю Созака Сулейменуходже: «В нашем саду дозревает обещанный вам плод. Пора снимать урожай, пока не польстились на него перелетные птицы...»

Не прошло и недели, как была сыграна свадьба, а распаленному страстью Шагаю пришлось кусать в ярости собственные локти. Он сердился на своих упитанных неповоротливых жен, ласки которых казались ему пресными при воспоминании о Куньсане. А через девять месяцев до него дошла весть, что невестка правителя Созака родила сына. Словно обломок ножа остался у него в сердце от всего этого.

Прошли годы, и, как залежавшееся без употребления серебро, стала тускнеть его неутоленная любовь к Куньсане. Но вот как-то из уст караванщика, прибывшего в Ташкент из Созака, Шагай услышал, что сын Сулеймена-ходжи умер от моровой язвы, а жену его Куньсану собираются по закону аменгерства — преемственности жен между родственниками — передать старшему сыну правителя Созака. И тогда потухающий огонь в груди Шагай-султана вспыхнул с новой силой. Желтая пелена ревности опустилась ему на глаза, и он уже ничего не видел и не представлял, кроме далекой чужой женщины, у которой побывал однажды на ложе...

В ту же ночь, переодевшись, по своему обыкновению, простолюдином, Шагай-султан с десятком верных телохранителей отправился в путь. Он знал, что по закону вдова пока что находится у Сулеймена-ходжи. Пробравшись в Созак, Шагай-султан бесшумно ворвался в дом правителя и, связав стражу, увез Куньсану вместе с четырехлетним Тауекелем, которого считал своим сыном. Лишь наутро весть о похищении женщины с ребенком распространилась по Созаку. Хаким — военный правитель города — организовал погоню, но разве можно догнать ветер в поле?!

И никто не знал в Созаке, что под утро весь отряд Шагай-султана попал в руки нукеров Хакназар-хана. Разъезды Белой Орды ежедневно объезжали южные рубежи ханства, охраняя подданных от набегов неспокойных соседей. Один из таких разъездов и наткнулся у водопоя на спешившихся джигитов Шагая и, заподозрив недоброе, окружил и связал их. К обеду следующего дня задержанные во главе с самим Шагай-султаном были доставлены в Сыгнак, к хану Хакназару.

Хакназар в первую минуту безмерно обрадовался тому, что самый непримиримый враг его попался к нему в руки. Но он был молод и не воспринял еще принятую в степи государственную мудрость. По неписаным законам, неприлично было расправляться с врагом, захваченным не на поле боя, а случайно. Будь на месте Хакназара более опытный властитель, он бы не стал этого делать. Просто проводил бы с почетом своего врага, как гостя, но по дороге тот бы случайно упал с лошади и сломал себе шею. Или поел бы гость что-нибудь не то за столом и вдруг умер. Все бы понимали, в чем дело, но никто не осудил бы такого властителя, ибо соблюдены были бы все необходимые правила.

К тому же хан Хакназар думал и о людском мнении. Что скажут и станут делать подданные, если братья ханской крови начнут таким

способом уничтожать друг друга! Нет, это недостойно и попросту неразумно. Мир между мужами — это мир между государствами! Так решил тогда хан Хакназар и теперь терзает себя...

Хан Белой Орды все же не мог удержаться от торжествующей улыбки, когда увидел ненавистного ему родича связанным, в порванной домотканой рубахе, которая под стать бродяге, но не султану. Увидев улыбку Хакназара, Шагай испугался не на шутку. Он представил себе, что сделал бы сам с попавшим впросак врагом. Но Хакназар встал тогда со своей расшитой золотом подушки и протянул навстречу Шагаю обе руки, как бы отдавая дань старшинству его рода.

— Благополучно ли доехали, Шагай-султан?— сказал он тогда, и молодой, дрогнувший от волнения голос навсегда остался в его собственных ушах.— Эй, вы, развяжите моего брата!

И те, кто привез Шагая связанным, послушно перерезали веревки. Единственное, что позволил себе по отношению к гостю хан, это назвать его только султаном. Но так оно и было по законам Белой Орды, завещанным отцами. Лишь один хан мог быть у казахов, и только тогда прекратятся свары и междоусобные войны...

Нукеры начали разрезать веревки и на захваченных телохранителях Шагая, и тут произошел случай, тоже запечатлевшийся в памяти хана Хакназара. Шагай, разминая руки, вытянул их вперед. Один из нукеров подумал что-то недоброе и подскочил тотчас к нему с обнаженной саблей. Шагай побледнел, пошатнулся и рухнул на пол. Именно в этот момент хан Хакназар увидел большие расширенные до предела глаза женщины. Она смотрела на Шагая, удивленная его трусостью. Рядом с этой необыкновенно красивой женщиной, которая была в одной нижней рубахе из самаркандского шелка, стоял мальчик лет четырех — с глазами матери.

— Женщину с ребенком отвезите в Созак, к ней домой!— приказал Хакназар.

Но женщина не сдвинулась с места.

— Никуда я не поеду!— сказала она тихо, глядя прямо в глаза хану.— Не забирайте меня у Шагай-султана. Это его ребенок, и я хочу быть с ним всю жизнь...

— Ты сказала, что хочешь быть с ним всю жизнь?..— Хан Белой Орды загадочно посмотрел на нее.— А если мы сейчас за разрушение единства казахов обречем его на смерть, подставишь под клинок свою голову вместе с ним, как велит обычай?

— Да!— твердо сказала она.

— Ну а что будет тогда с твоим сыном?

— Чем могу я помочь ему, если такова его судьба!

Он долго думал тогда, хан Хакназар, об этой женщине. То ли она очень уж обижена на родственников своего умершего мужа, что готова идти куда угодно, только бы не возвращаться в их семью, то ли действительно так самозабвенно любит этого человека с горбинкой на носу... Когда-то отец нарек хана лишь Акназаром, а уже в народе дали ему имя Хакназар, то есть «Справедливый Назар». И он тогда махнул рукой, отпуская вместе с Шагаем и женщину с ребенком...

— Султан, и бог и люди ожидают, о чем пойдет у нас с тобой разговор...— сказал он Шагаю.— Мы с тобой встретились неожиданно, давай придем к соглашению, которого ждут в нашей степи!

— Я слушаю тебя, хан!

— Так вот, султан... Я мог бы сказать тебе, что живым или мертвым ты должен быть с нами. Но я не хочу неволить в таком деле. Я отпускаю тебя, но прошу отойти от коварного эмира Абдуллаха. Уйди от врагов и возвратись к нам. Пусть снова станет единым Казахское ханство!..

Наверно, Шагай был искренен в тот момент, когда, полный радости и благодарности за дарованную жизнь, он повалился на колени и протянул руки к небу.

— Богом и хлебом клянусь, хан Хакназар, в верности Белой Орде и тебе, ее хану. Кровью смою я свою вину перед вами. И пусть глаза мои не увидят солнца, если отрекусь от этой клятвы!..

Хакназар вдруг увидел, что рядом с Шагаем встала на колени женщина с ребенком, и оба они подняли руки в знак общей клятвы с мужем и отцом...

Это и решило тогда судьбу султана Шагая, потому что даже без особого ханского приказа казахские джигиты могли бы его зарезать по пути домой. Но хан решил дать ему собственный конвой. Нельзя сказать, что хан не слышал о лукавстве и коварном характере Шагая. Но кто знает чужую душу. Хакназар поверил в его искренность.

Еще раз заколебался было хан Хакназар, когда перехватил взгляд поднявшейся с колен Куньсаны. Она смотрела на спасенного ею мужа с какой-то непонятной брезгливостью. Да и в глазах прощенных телохранителей читалось презрение к своему владыке. И тогда хан подумал, что поступил правильно, и не прибавит ему славы казнь этого человека. Гордость ударила в голову хану Хакназару, и он простил своего врага еще раз, ослепленный этим коварным чувством.

— До самой границы проводите высокого султана!— твердо приказал он начальнику своей стражи и повернулся к Шагаю.— А ты, мой брат и султан, возблагодари прежде всего моего брата и своего отца Жадика, именем которого судьба на этот раз благоволит к тебе. Но если не исполнишь клятвы, то не простит тебя никогда тень нашего прадеда Джаныбека, создателя государства казахов — Белой Орды!..

— Повинуюсь, мой хан!

Шагай низко склонил голову.

...А по приезде в Ташкент были немедленно казнены все десять телохранителей, видевших позор своего хана и запомнивших его клятву хлебом и богом. Ночь возвращения он пробыл с Куньсаной, а наутро приказал убить и ту, которая спасла ему жизнь.

Куньсана догадалась о намерениях супруга и перед его уходом бросилась на колени:

— О, мой торе, ради сына нашего Тауекеля помилуй меня!

Шагай-султан отвернулся.

Услышав во сне вопль зарезанной матери, беспокойно заворочал-

ся, заплакал в постели маленький Тауекель. Шагай-султан в то утро приказал отдать его на воспитание одному из своих верных людей.

Уже через две недели огромное войско, предоставленное изменнику его хозяином Абдуллах-ханом, вступило в пределы Белой Орды. Братья пошли на братьев, и горели юрты по всей степи, плакали осиротевшие дети, бежали куда глаза глядят оставшиеся в живых люди. И некому было защитить их, потому что сразу после поимки и прощения хан Хакназар вместе со всем своим войском двинулся сюда, к Сарайчику. И, не дойдя до Жаика, вынужден был повернуть назад. Тогда тоже догнал войско гонец, посланный оставленным на южной границе наместником.

— Сколько же юрт разгромлено?— спросил в тот раз у гонца хан.

— Пятнадцать тысяч, мой повелитель-хан!

Гонец смотрел прямо в глаза хану, и что-то необычное читалось в его взгляде. Это был один из множества мелких неродовитых батыров, которые со времен хана Джаныбека тысячами шли в конницу Белой Орды, не прося наград и золота за свою службу. У самых зажиточных из них была в лучшем случае юрта где-нибудь в бескрайней степи да десятка два-три баранов, которыми кормилась семья. Но Хакназар, несмотря на молодость, знал, что в таких людях его сила. Именно их юрты пострадали в первую очередь от набега Шагай-султана с Абдуллаховым войском, и они, бедные и незнатные, которых великое большинство, заинтересованы в первую очередь в силе государства.

— Что думаете ты и твои друзья, батыр?

В глазах гонца появилось удивление. Не привыкли в степи ханы обращаться к простым людям с такими вопросами. Но хан ждал, и гонец посмотрел ему прямо в глаза:

— Люди говорят, мой повелитель-хан, что растащат бесчисленные султаны-наследники нашу степь, как волки загнанного оленя!

— Значит, по душе моя державная рука?

— Даже львиная лапа легче, чем зубы бесчисленных волков!

— Ты хорошо сказал, батыр... А теперь поезжай и передай наместнику, чтобы поднимал ополчение и усилил охрану путей, ведущих в степь. Пусть оставшиеся аулы откочуют от границ Туркестана. Вряд ли двинется сейчас за ними Шагай со своим войском...

— Что передать ему о вас, мой повелитель-хан?

— Что на этот раз не придется побывать мне на берегах Жаика.

Да, тогда из-за Шагаевых козней так и не удалось ему укрепить Казахское ханство на западной его границе. Джаныбек, Керей, Касым — все ханы-объединители в первую очередь стремились к этому, ибо понимали, что без ногайлинских кочевий на западе нельзя считать Белую Орду настоящим ханством. Без твердой опоры на них нельзя и ему начинать борьбу в Туркестане за древние казахские города. За спиной изменника Шагая немедленно вырастает его покровитель Абдуллах с несметным наемным войском. А без выхода через туркестанские города на караванные пути Большого Востока некуда сбывать шерсть, кошмы, кожи, руду и соль, которыми богата степь.

Торговцы-перекупщики из Бухары, Коканда, Ташкента, Герата дают жалкие гроши, ссылаясь на трудности провоза и громадные пошлины, какими облагают караваны тот же Абдуллах и другие многочисленные владыки — потомки Абулхаира: шейбаниды, тимуриды, моголистанские мурзы. Получается замкнутый круг, который следует разрубить во что бы то ни стало...

И сейчас, через столько лет, когда, умудренный годами и опытом, он добрался наконец до Сарайчика и когда все складывается по-хорошему, снова гонец из тех же мест. И опять все потому, что много лет назад позволил он себе быть великодушным и простить подлого Шагая. Видно, ошибки молодости так и должны сидеть занозами в теле всю остальную жизнь. Не о Шагае уже теперь речь, а о его змеином отродье — Тауекеле, том самом мальчике, который стоял тогда вместе с отцом на коленях, клянясь в вечной верности. Что стоило тогда не отпустить этого мальчика вместе с несчастной матерью и клятвопреступником Шагаем. Все бы сейчас, наверное, было по-другому!..

Все повторяется. Нынешний правитель Туркестанского вилайета — потомок Абулхаира Баба-султан, известный своим непостоянством, в зависимости от положения колебался между дружбой с Белой Ордой и все тем же Абдуллахом. Совсем еще недавно, когда грозная конница хана Хакназара стояла на границах с его вилайетом и могла в два перехода появиться под стенами города, он снова поклялся в вечной преданности. Больше того, Баба-султан согласился наконец возвратить Белой Орде принадлежавшие ей когда-то города Яссы и Сауран, но попросил дать время ему и некоторым купцам для вывоза их имущества. Сам же, едва дошла до него весть о готовящемся походе ханского войска к Жаику, послал письмо к Абдуллаху с просьбой простить ему вынужденную измену. В награду за свою верность Баба-султан требовал передать ему в управление часть Ферганской долины с городом Андижаном. Абдуллах, который в это время охотился в одном из своих бекств на Жейхундарье неподалеку от города Чарджоу, разъярился и приказал через гонца не входить ни в какие переговоры с казахским ханом до его возвращения. Получив это известие, Баба-султан в ту же минуту переметнулся опять к Хакназару и отдал ему просимые города. Себе он выторговал при этом помощь казахской конницы в предстоящей войне с Абдуллахом. Пока тот не возвратится с охоты, достойный Баба-султан вместе со своим родственником Бузахур-султаном решили предварить его и напасть на богатые бухарские и самаркандские оазисы...

Все это было на руку хану Хакназару, и он окончательно решился на поход к Жаику. Пока будут ссориться и разбираться между собой среднеазиатские султаны, он сможет укрепить запад своего ханства и с набранным там дополнительным войском придет обратно на погибель своим врагам. По всему было видно, что Баба-султан на этот раз всерьез поссорился с Абдуллахом, и в знак своего доверия казахский хан Хакназар прислал к нему на воспитание в Ташкент двух своих сыновей и двух сыновей своего родственника Жалим-султана. Так или иначе, но эти юноши остались у Баба-султана заложниками...

И вот теперь, когда он добился своего и празднует свадьбу в Сарайчике, олицетворяющую кровную связь с ногайлинскими казахами, снова гонец, как и много лет назад. Даже видом своим похож этот вестник несчастья на того, давнего, который не побоялся сказать ему правду об отношении простых степняков к самому хану и всей «белой кости». Да, это тот же Кияк-батыр, но повзрослевший, ставший шире в плечах...

Гонец говорил, как и подобает ему, по-степному скупо, рассказывая лишь то, что было поручено... Главный владыка шейбанидов, Абдуллах оказался не так прост, как предполагалось. Почуяв смертельную угрозу своему господству в Средней Азии, он прервал охоту и скорыми переходами двинулся от Жейхундарьи к Бухаре и Самарканду. Веером разлетелись от него гонцы в разные стороны с приказом собирать войско. А по дороге он отпустил с надежной охраной в Ташкент к Баба-султану его пятнадцатилетнюю красавицу дочь, которую накануне пригласил в Балх, собираясь сделать ее своей младшей женой. Это было, с одной стороны, поступком, говорившим, что великий эмир Абдуллах, блюститель веры и нравственности, настолько уважает своего туркестанского наместника Баба-султана, что не позволяет себе без согласия отца положить на свое ложе его дочь. С другой стороны, это служило предупреждением Баба-султану, что могут быть разорваны все отношения между ними...

Баба-султан снова заметался меж двух огней. Он бы, наверно, опять изменил хану Хакназару, но в стенах города уже стоял прибывший по его просьбе большой отряд казахской конницы. Да и отряды мятежных султанов, выступивших против Абдуллаха, что ни день прибывали в Туркестан. Особенно настроены были против эмира Абдуллаха многие тимуридские беки и султаны Самаркандского вилайета, издавна славящегося своими междоусобицами.

И вот, когда передовые разъезды огромного войска Абдуллаха приблизились к Ташкенту, Баба-султан попросту сбежал на север, в туркестанские крепости, надеясь на близость хана Хакназара.

Временным правителем города остался султан Тахир, который, по совету Абдуллахова посла Коскулак-бия, тут же выдал эмиру сподвижника Баба-султана — Шахсаид-оглана. По приказу Абдуллаха Шахсаид-оглану отсекли голову и послали ее в Яссы Баба-султану...

— Каково сейчас там положение?— спросил хан Хакназар гонца.

— Главное войско эмира продолжает стоять под Ташкентом, а часть конницы двинулась в Туркестан, к Яссам, Отрару и Сайраму.

— Вернулся ли от Баба-султана аксакал Жалим?

— Нет...— Гонец понимающе наклонил голову.— Его сыновья так же, как и ваши, находятся при Баба-султане, и он их никуда не отпускает от себя!

Словно чья-то холодная безжалостная рука стиснула сердце Хакназара. Он безмерно любил своих юных сыновей Хасена и Хусаина. Не меньше любил он и близнецов Жадигея и Адыгея — сыновей аксакала Жалима, которые выросли в его юрте. Может быть, уже добрался до них кровавый эмир Абдуллах. Крепостные стены туркестан-

ских городов ненадежны. А еще ненадежней там люди. Тот же Баба-султан может купить себе жизнь у эмира ценой жизни детей-заложников...

— Где находится сам эмир Абдуллах?— Лицо хана оставалось бесстрастным.— Остался ли он под Ташкентом или двинулся с конницей в наш Туркестан?

— Эмира Абдуллаха нет при войске.

— Где же он?

— В Джизаке.

— Кто ведет войско?

— Всем войском командует сын Шагай-султана багадур Тауекель!

На какой-то миг ханом овладело отчаяние, но он все так же прямо и холодно продолжал смотреть в лицо гонцу. О, если бы вернуть ту минуту, когда единым мановением руки мог он решить участь проклятого Шагай-султана и его отродья. Теперь этот тонкошеий мальчик, который неслышно пал когда-то на колени рядом с лукавым отцом, ведет вражье войско на земли отцов, а завтра, быть может, отрубит головы его детям!

Хан приказал оповестить степь, что возвращается со своим войском. Баба-султану было передано, чтобы выслал для встречи аксакала Жалима с его и ханскими сыновьями. Это была не просьба, а требование. Ослушавшись, Баба-султан становился в ряды его врагов...

И хоть змея беспокойства грызла ханское сердце, он должен был выдержать свадебные празднества до конца. Ни при каких условиях не должен выказывать волнение хан, и тогда спокойны и уверены будут подданные.

— Опять вы хмуритесь, мой хан!..— Капризно поджав губы, маленькая Акбала тянула его рукав.— Неужели, увидев мою сестру, вы потеряли дар речи!..

Хан Хакназар улыбнулся, как подобает на собственной свадьбе, и стал смотреть на веселящихся гостей.

Хан слушал песни, но перед глазами его вместо серебряных украшений на платьях девушек сверкали кривые мечи палачей эмира. Он явственно видел отрубленные головы своих сыновей, и не было муки горше этой...

Что же затмило ему тогда глаза, когда отпустил он живым и невредимым предателя Шагая?.. За эти годы Казахское ханство возвратило себе почти все принадлежащие ему во времена хана Касыма земли. И разве отдал бы тот же Баба-султан казахские города, если бы не возросшая сила Белой Орды. Созак, Сайрам, Сауран, Отрар, Яссы так или иначе служат степи, ее интересам.

Но снова тучи над Белой Ордой. Опять хотят разорвать ее на части многочисленные враги...

Нет, не бывать этому. «Касым ханнын каска жолы»—«Столбовой путь Касыма»— эта политика завещана степи на века, и не сойдет с нее хан Хакназар! Пусть сегодня, не дожидаясь конца свадьбы, двинутся обратно к Яссам — нынешней столице Белой Орды — передовые разъезды...

Невыразимо печальный, полный сладкой тоски голос ворвался вдруг в раздумья хана Хакназара. По обычаю, после окончания песен «жар-жар» девушка в сопровождении своих сверстниц и друзей обходит все дома аула и поет прощальную песню. Эта песня о потаенных девичьих мечтах, о несбывшихся грезах, о тайной любви, которая есть у каждой забираемой на чужую сторону невесты. Девушка высказывает свои жалобы и пожелания остающимся сородичам и родителям. В «сынсу»— лебединой песне — можно было также высказать намек на недовольство женихом и будущей родней, за что потом расплачиваться на чужой стороне всю жизнь. На такое решались крайне редко, а печаль свою выражали иносказательно, прежде всего голосом. Девичье остроумие, умение и мастерство служили залогом благополучного житья в мужниной семье.

Голос красавицы Акторгын славился на всю казахскую степь от Жаика до Голубого моря — Балхаша. Такие удачно исполненные песни остаются в памяти людей, передаваясь из века в век, от кочевья к кочевью. Вот почему хан Хакназар насторожился, когда запела его седьмая жена.

А Акторгын словно понимала его нынешнее состояние. Песня была томительной, грустной, но осторожной. Девушка избегала прямых укоров своему будущему мужу, хотя, пользуясь своим положением, могла себе позволить многое.

Тают, тают девичьи мечты, как мираж в степи.
Казалось мне, что лишь для соловья цветет в саду роза.
Болит, болит мое сердце о судьбе этой розы:
Вместо соловья прилетел к ней грозный орел...

Опять мысли хана Хакназара покинули свадьбу... Что говорил ему гонец — неродовитый батыр Кияк?.. Никак не разбогатеют люди в степи, и что ни зима — ожидает их голод. Но сегодня он сказал еще и о том, что у «лучших людей» большие табуны, как бы предлагая хану в первую очередь взимать налоги с них. Двадцать лет назад об этом еще не говорили...

Из них, простых джигитов, состоит его войско. И в них его сила. Не очень охотно идут они сейчас за своими биями, когда те пытаются оторваться от Орды. Разве не ушло сразу же от Шагая чуть ли не две трети его всадников, когда откололся он от Казахского ханства. Им, простолюдинам, нужнее всего единое ханство, потому что только у него, Хакназара, найдут они защиту от притеснений и беззакония своих родовых владык. И от внешнего врага их лучше защитит общее войско. Вся полоса южных кочевий, от Арала до Кашгарии, страдает от непрерывных набегов бесчисленных шейбанидских, тимуридских, моголистанских властителей. Казахские отряды отвечают им тем же, а каждую зиму черные тряпки голода вывешиваются на зимовьях по ту и по эту сторону. Нечего уже стало грабить друг у друга...

Да, путь хана Касыма! Сжать все пальцы в кулак, и тогда восстановятся закон и порядок. А потом, укрепив границы, можно будет заняться и перераспределением доходов. Чем виноват этот простой джигит, который сказал сегодня ему в глаза правду? Лишь тем, что

рожден от рабыни и, по древнему закону, не имеет всех тех прав и прибылей, которые имеют свободнорожденные. Многие старые законы придется ломать, чтобы стало сильным и непобедимым его ханство. А пока он правильно ответил этому джигиту-правдолюбцу. Пусть потерпит...

Дойдя до этого места, Бухар-жырау вдруг оборвал рассказ на полуслове и испытующе посмотрел на Абулмансура. Ему вспомнилось замечание юного султана о том, что хан Хакназар зря доверился рабу Кияк-батыру.

Абулмансур понял, почему остановился жырау, и, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

— Вот увидите, жырау, раб найдет способ ужалить хозяина!

«Нет, не уходит из головы этого юного султана мысль об убийстве,— подумал Бухар-жырау.— Несдобровать рабу, если останется он здесь. Нужно бы как-то предупредить его!»

Абулмансур ждал ответа, уставившись ему в лицо своими холодными немигающими глазами. Бухар-жырау потер виски, словно раздумывая:

— Не знаю, прав ли ты... Все же именно Кияк-батыр потом поможет сбившемуся с пути Тауекель-султану найти себя и свой народ. Разве это не так?

— Может быть, и так!— Юный султан посмотрел куда-то в пространство поверх головы жырау.— Но тайну он разболтает. К тому же не хан находит свой народ, а народ обязан покориться своему законному властителю!

— Но что властитель без народа!— горячо возразил жырау.— Целая сотня ханов не отстояла бы Белую Орду от разгрома без людей...

И вдруг зло рассмеялся Абулхаир.

— С каких это пор, мой жырау, ты меришь ханов сотнями?— сказал он.— Разве тело без головы — не простая падаль? Что же хан для народа, если не голова его!

— Есть головы, на которых виден только рот!— проворчал жырау.

— Лучше рассказывай... Что там и как было дальше с Хакназар-ханом...

Посмотрев на недвижного Абулмансура и тревожно оглянувшись на прикорнувшего у входа старого раба, Бухар-жырау продолжил свой рассказ...

— Все уже было заранее обговорено, и собрание аксакалов ногайлинских казахов лишь придавало соглашению права закона. Хан Хакназар поставил в известность ногайлинских старшин, что сразу же после свадьбы двинется обратно в степь. Выделенные к нему на службу ногайлинские боевые отряды выступят следом вместе с новой женой его Акторгын...

Как и повелось в серьезном деле, аксакальская беседа тянулась

до вечера. Когда багровое солнце коснулось линии горизонта, хан Хакназар в сопровождении аксакалов, которые теперь все вместе стали его родственниками, выехал из стен Сарайчика, направляясь к своей белокрылой юрте. Не успели отъехать и двухсот шагов, как кто-то из ханских джигитов издал тревожный возглас. Хан скосил глаза в сторону, и словно холодный нож вошел в его сердце...

Со стороны потемневшего востока во весь опор мчался всадник. Он был одет в черное, и конь под ним был вороной. Поэтому еще яснее выделялся белый плат горя на пике. Сделав знак следовать дальше, хан отстал, чтобы самому, без свидетелей, встретить гонца.

Это был брат-близнец того гонца, который ускакал накануне,— Туяк-батыр. Узнав в одиноко стоявшем человеке хана, он соскочил с коня, пал на колени и хотел уже было набросить себе на шею снятый ремень в знак смерти близких. Но хан взмахом руки остановил его:

— Не надо, Туяк... Ты не у себя дома. Не делай движений, которые бы могли заметить посторонние...

— Скорбная весть, мой повелитель-хан!..

— Я знаю...

— Ваших сыновей... Хасена с Хусаином...

— Знаю!

Туяк-батыр недоуменно смотрел на своего хана. Немыслимо было быстрее его довезти эту страшную весть, да и некому было сделать это.

— Чьих рук это дело?

— Баба-султана, мой хан...

Батыр рассказал о случившемся. Бежавший из Ясс человек по наущению людей эмира Абдуллаха якобы сообщил Баба-султану, что по приказу хана Хакназара его должны убить. Было представлено и соответствующее донесение с печатью Белой Орды, сработанное опытными руками, в котором утверждалось, что все готово к убийству наместника Туркестанского вилайета. Тогда рассвирепевший Баба-султан собрал тайком своих верных людей, подробно обговорил последующие действия.

Вместе с Жалим-султаном и четырьмя юношами-заложниками в ставке Баба-султана находился значительный отряд казахской конницы, прибывший для совместной борьбы с Абдуллахом. Накануне вечером Баба-султан съел вместе с Жалим-султаном и другими казахскими старшинами жертвенного барана во имя грядущей победы над общим врагом и пригласил их на следующее утро к себе для совета. Когда Жалим-султан со своими воспитанниками и сопровождающими джигитами подъехал к дому Баба-султана, тот сам принял повод его коня. Почуяв недоброе, престарелый Жалим-султан потянулся было к сабле, но голова его уже покатилась с плеч, срубленная сзади ятаганом. В то же мгновение четверо юношей — сыновья хана Хакназара и самого Жалим-султана — были подняты лашкарами Баба-султана на пики. Так же коварно был вырезан и весь отряд, и лишь нескольким джигитам удалось в сомкнутом строю прорваться к воротам и ускакать в Яссы. Уже много позже было сказано об этом в летопи-

си «Шараф-наме-йишахи»: «Степь была залита алой кровью, словно взошли на ней маки..»

Все горело внутри у хана Хакназара, будто выпил он тибетской горькой отравы. Но побелевшее лицо его было спокойно, а глаза холодно устремлены куда-то вдаль. Туяк-батыр с удивлением смотрел на своего хана. В таких случаях позволительно предаться горю, хоть для вида коснуться руками лица, глаз. Или, может быть, правда, что говорят некоторые среди людей о бездушии этого человека...

— Эмир Абдуллах уже в Ташкенте?— сухо спросил хан Хакназар.

— Нет, предав в руки кровавого эмира Шахсаид-оглана и не получив от Абдуллаха обещанной милости, султан Тахир укрепил город и не желает пускать туда эмира...

Вопрос за вопросом продолжал задавать хан Хакназар все тем же бесстрастным голосом. И батыр Туяк подробно рассказал обо всем, что происходило в эти тревожные дни на границах ханства. В день расправы над союзными казахами Баба-султан получил заранее подготовленное письмо от самого эмира с предложением покориться ему и выдать на расправу своего брата — Бузахур-султана. В крайнем случае эмир предложил выслать его отрубленную голову, а в награду снова утверждал Баба-султана в качестве своего наместника в Туркестанском вилайете. Баба-султан понял, что поспешил с казнью казахских султанов, но ему ничего больше не оставалось делать, как согласиться на все условия эмира Абдуллаха. Он заранее услал своего брата в степь, чтобы тот неожиданно напал на подходящего хана Хакназара. Однако теперь он послал вслед ему другой отряд с заданием отрубить голову самому Бузахур-султану. Тот же, проведав каким-то образом обо всем этом, свернул со своими джигитами в сторону Семиречья и по дороге грабит и угоняет стада из казахских и киргизских кочевий. Выполняя приказ эмира Абдуллаха, Баба-султан двинулся за ним следом, оставив Туркестан под опекой конницы эмира...

В общем, все на границе было как обычно. Султаны всех пород и кровей режутся друг с другом, как бешеные волки, потому что даже простые волки не бросаются почем зря на своих братьев. Путь в казахскую степь широко открыт наемной коннице эмира, а он, хан Белой Орды, безмятежно слушает здесь свадебные побасенки!..

— Много трупов сейчас в Туркестане,— задумчиво сказал хан Хакназар.— Где же старый шакал Шагай? Его всегда тянуло на запах крови!..

— По слухам, Шагай-султан где-то в Таласе... Ждет исхода схватки между братьями — Баба-султаном и Бузахур-султаном.

Хан Хакназар удовлетворенно кивнул головой:

— Я так и думал... Хитер же эмир Абдуллах. Ему главное — поссорить казахских султанов друг с другом, перессорить и своих султанов, нас натравливать на них, на киргизских вождей, тех — на нас... Неужели же мы окажемся глупей!

Туяк-батыр продолжал с удивлением смотреть на хана. Словно бы и не было у него никаких сыновей, так спокоен был его голос. Даже не спросил ничего о подробностях их страшной смерти.

— А где сейчас Тауекель-багадур?

— Он в Таласе, с Шагай-султаном. Так говорят.

— Ладно... Пусть никто не узнает о том, что ты мне поведал, батыр. Сейчас скачи в наш лагерь за реку!

«Камень не имеет жил, наполненных кровью, хан не имеет сердца». Это лишь подумал про себя Туяк-батыр отъезжая. И не мог представить он, что через две недели, оставшись один на могиле сыновей, хан Хакназар будет в смертной тоске царапать себе грудь и рыдать, как потерявшая детеныша белая верблюдица...

Еще не взошло солнце на следующее утро, а конное войско Белой Орды в полном походном порядке двинулось на восток. Проснувшись, жители Сарайчика с удивлением смотрели на опустевшие берега Жаика, где еще дымились костры. Вскоре и дым развеяло по реке...

Приданное хану ногайлинское войско было поднято среди ночи и ушло вместе с ним. Ногайлинские аксакалы задумчиво качали головами. Всякие слухи ходили среди людей.

— Отныне он — наш хан, и ему самому решать, что делать для нашей общей пользы!— твердо сказал старец Шалкииз-жырау, когда рассказали ему про это.

Через тринадцать дней прибыл хан Хакназар в Яссы. Здесь он узнал о происшедшем столкновении армий Баба-султана и Бузахур-султана в Таласской долине. Разбитому Бузахур-султану удалось бежать, и разгневанный эмир Абдуллах послал Баба-султану черную метку, означавшую смерть. Свежее войско Шагая под общим командованием Тауекель-багадура обрушилось на обескровленную армию Баба-султана. Но Баба-султан и на этот раз спасся, своевременно отступив. Это и позволило хану Хакназару беспрепятственно возвратиться в Яссы. По всему было видно, что, пока эмир Абдуллах не справится с бежавшими под защиту союзников обоими султанами и не подавит других своих многочисленных врагов, он не двинется на завоевание городов, а тем более не углубится в степь.

Всю жизнь не поддавался чувствам хан Хакназар, и осталась в народе память о нем как о справедливом, но твердом как камень человеке. И все же это было не так. Один раз в жизни поддался он человеческому чувству. Это случилось глухой ночью на могиле сыновей. В ту ночь, вопреки интересам ханства, он двинул конницу на восток. Там, у кашгарского правителя — хана Абдулатифа, находился Баба-султан — убийца его сыновей...

Этим хан Хакназар лишь усиливал своего главного врага — эмира Абдуллаха, против которого готовился воевать беглый султан. От Баба-султана уже приехали люди с покаянием и рассказами о невиновности введенного в заблуждение султана. Предлагался новый союз против Абдуллаха. Но чувства у хана Хакназара затмили рассудок. Вот почему спустя трое суток скакал хан Хакназар во главе казахско-киргизской конницы к Аксу. Немало грехов было на совести у Абдулатиф-хана по отношению к Белой Орде, но теперь это был бы

хороший союзник против грозного Абдуллаха... Ночью с четырех сторон ворвались джигиты хана Хакназара в ничего не подозревающий город. И, ослепленный отцовской тоской, хан Хакназар собственноручно разрубил надвое не успевшего одеться Абдулатиф-хана...

Услыхав об этом, поднял руки к вискам и застонал от великой скорби брат Абдулатиф-хана — могучий правитель Восточной Кашгарии и Джаркента Абдрашит-хан. Собрав все свои силы, бросился он в погоню и возле Жасыл-коля, в урочище Артыш, дал бой уставшему войску Белой Орды. Оно было неполное и плохо подготовленное к такому сражению, это войско. Несколько дней длилась сеча. Прорвав наконец последнее кольцо ханских батыров-телохранителей, кашгарская конница изрубила в куски всех находившихся там, в том числе и хана Хакназара...

Так, один лишь раз не проявив осторожности и поддавшись обычной человеческой слабости, покинул этот бренный мир последний могучий хан Белой Орды, сумевший на недолгий срок снова объединить неспокойные казахские племена и роды и почти восстановивший Казахское ханство в тех границах, которые были при Касым-хане.

Оставшиеся в живых казахские и киргизские батыры увезли его тело и похоронили в мавзолее Ходжи Ахмеда Яссави, поставив там камень из белого гранита с соответствующей надписью. А страна казахов, как расколотое стекло, треснула сразу по всем родам и племенам, превратившись в острые ненадежные осколки. Впереди было отчаяние...

— Вот тебе ответ на твой вопрос, мой хан...— сказал Бухар-жырау.— Даже могучий Хакназар, сын Касым-хана, не смог объединить наш разрозненный народ. Кому из нынешних ханов это под силу? Все же хан и народ редко идут в одном направлении!..

Абулхаир молчал, стиснув зубы. Все чаще расходился он во взглядах с вещим жырау. Молчал и Бухар-жырау. Кто-то тронул его за руку. Он оглянулся. Это был все тот же юноша с немигающими глазами.

— Ты еще не поведал, жырау, о тайне Тауекеля!..

— Да, хан Хакназар рассказал перед смертью своему верному батыру Кияку о тайне рождения Тауекеля...— сказал жырау и закрыл глаза, показав этим, что не желает больше ничего говорить.

Огонь в очаге давно погас, и он казался от этого еще черней. Был слышен лишь мерный храп заснувших людей да тихие стоны дремавших неподалеку верблюдов.

Взволнованный собственным рассказом, жырау так и не смог заснуть. Крупные степные звезды глядели на него сквозь продранную кошму, а он лежал и думал о судьбе своего народа. Сколько пришлось пережить ему и что ожидает его в будущем?

Да, черные тучи собираются над родной степью, а народ втянут бесчисленными родовыми правителями в кровавую междоусобицу и не устоит под напором джунгарской орды. Именно сейчас необходим человек, способный железной рукой объединить племена и роды, переломав хребет не желающим единства. Но где этот хан?.. Преста-

релый Булат?.. Самеке?.. Бешеный султан Барак?.. Нет, пожалуй, лучше всего для этого подходит тридцатилетний Абулхаир. Смелый и умный правитель, но, как всякий хан, свое ставит выше всего. Ну, а где найдешь такого хана, который бы не был честолюбив? Так уж бог их устроил. Но что вот можно сказать об этом громадном юнце, раскинувшем руки с ним рядом и храпящем похлеще трех батыров. Ведь по положению и он имеет право на ханский престол. Сын Валия-султана, чистый чингизид...

Бухар-жырау усмехнулся. Абулхаир, конечно, уедет, не узнав ничего об Абулмансуре. Вот бы увидеть лицо хана Младшего жуза, когда он узнает впоследствии, кого он встретил в дырявой чабанской юрте...

Чем притягивал его к себе этот юноша с немигающими глазами? Может быть, и нужно заворожить сейчас степь таким вот холодным взглядом. А в том, что юный султан умен и сдержан, жырау имел возможность убедиться за время общения с ним. Чутье поэта никогда еще не подводило Бухара-жырау. Вот только смущает неспособность оценить услугу, оказанную простолюдином. Но, может быть, все это показалось ему и не собирается Абулмансур казнить своего спасителя?

Впрочем, рановато думать об этом юнце как о будущем хане. Разве дадут возможность растолкать себя такие волки, как Самеке, Барак или тот же Абулхаир!.. Только к утру жырау погрузился в тяжелый сон, будто опустился в черный бездонный омут...

Яркое солнце ударило ему в глаза, и он проснулся. Туленгуты из свиты хана Абулхаира ходили вокруг юрты. На рассвете они все же нашли, где ночует их хозяин. Слуги уже седлали коней. Бухар-жырау посмотрел в сторону. Юный султан храпел по-прежнему, разметав во сне тяжелые, сильные руки. Но старого раба Ораза, прислуживавшего им эти два дня, нигде не увидал жырау, сколько ни смотрел.

— Я не вижу твоего напарника Ораза,— сказал Бухар-жырау проснувшемуся наконец Абулмансуру.— Не случилось ли с ним какой-нибудь беды?

Абулмансур посмотрел по своей привычке ему прямо в глаза, и снова пополз холодок по спине видавшего виды жырау.

— С ним случилось то, что должно было случиться,— спокойно сказал юный султан.— Ведь ты же догадывался об этом...

Жырау опустил голову. Да, видно, такова уж судьба рабов в этом страшном мире.

— Когда же ты успел?— спросил он.

— Это делается быстро!

Равнодушие было в тоне молодого султана.

— Но он же не был твоим врагом!— заметил жырау, просто чтобы не молчать.

— Все сейчас мои враги!— коротко ответил юноша.

— Если будешь таким... таким бессердечным, то далеко не уйдешь, султан!— Гнев закипел в сердце жырау.— Два врага у нас: один

внешний, а другой — бии и султаны родов, что тянут нас во все стороны. Так что тому, кто хочет объединить людей, следует считаться с народом, а не убивать верных людей почем зря!

— А кто узнает, что это сделал я?

— Но я ведь знаю! — вскричал жырау.

— Ты не расскажешь.

— Почему?

Молодой султан опять посмотрел ему в глаза своим немигающим взглядом:

— Потому что я стану во главе Белой Орды, а ты стоишь за ее единство!

Когда Бухар-жырау уже садился на коня, молодой султан тронул его стремя.

— Я сменю свое имя!

— Как же ты назовешь себя?

— Аблай... Этого имени боятся в степи!

— Но Аблай — кровопийца... Так ведь назвали люди твоего деда!

— Пусть будет так!..

III

Песчаная буря помогла храброму батыру Елчибеку оставить Туркестан. С отрядом смельчаков, скрываясь днем в камышах и двигаясь только ночью, направился он в Сауран, чтобы дать там достойный отпор джунгарам.

Часть жителей города, кто не пошел с Елчибеком, огибая Сауран, направилась в сторону Ташкента А остальные, особенно приезжие, решили далеко не уходить и скрылись в камышах у Сейхундарьи...

Оборона Туркестана и некоторых других городов задержала продвижение джунгарского войска и дала возможность спастись хоть части беженцев. На военном совете, устроенном на развалинах Туркестана, дальнейшие завоевания решено было отложить до будущего лета. По предложению главных джунгарских багадуров и нойонов весной следующего года намечалось взять в смертельные клещи всю страну казахов. Вклинившись в среднеазиатские ханства, а затем спустившись к Аралу по Сейхундарье и Джейхундарье, тумены джунгарского контайчи должны были выйти к Жаику и Едилю, где уже кочевали ранее проникшие туда из Джунгарии калмыки. А со стороны Джунгарских ворот и Алтая предполагалось пустить «облавой» другое войско. Оба крыла и должны были соединиться у Астрахани, образовав новое Великое Джунгарское ханство. Сыбан Раптан претендовал при этом и на часть принадлежащей уже России Сибири, в частности на новые города пограничной линии, в том числе на Томск. И хоть при этом он время от времени грозился в сторону Китая, ни для кого не составляло секрета, кто подстегивает джунгарского контайчи в его вожделениях.

Все это напоминало древнюю индийскую охоту на тигрового питона. Чтобы прельстить питона, жертва изюбр ставилась у его норы задом. Близорукий питон начинал заглатывать изюбра с хвоста, но, когда доходил до головы, огромные ветвистые рога не проходили даже в питонью пасть. Тут-то и принимались за дело опытные охотники. Именно на такого питона походил сейчас джунгарский контайчи Сыбан Раптан, ибо рога казахского изюбра, до которых он добирался с такой настойчивостью, упирались в широкую российскую границу.

Говорят, бог, перед тем как отвернуться от человека, лишает его разума. Поздней осенью контайчи Сыбан Раптан вместе с войском своего сына Галден-Церена и дочери Хочи двинулся из Туркестана к Жана-Кургану. На этот раз с ним было сорок тысяч всадников, остальные войска он оставил для полного разорения захваченных земель. И вдруг нарочный, прискакавший от едущей впереди войска Хочи, доложил, что навстречу движется несметное полчище казахов. Самоуверенный Сыбан Раптан удивился. По его сведениям, ни о каком сопротивлении казахов сейчас не могло быть и речи.

— Скажи моей дочери Хоче, что если она стада овец и табуны лошадей приняла за войско, то пусть предупредит нас, и мы пошлем пастухов! — приказал он нарочному.

Но вскоре контайчи пришлось убедиться, что дочь не ошиблась. Снова прискакавший от нее гонец прокричал:

— Всадники Младшего жуза казахов... Хан Абулхаир во главе... Не меньше тридцати тысяч... С правой от нас стороны всадники Среднего жуза казахов... Брат хана Булата — Самеке ведет их... Тоже тридцать тысяч...

Дочь передавала, что оба казахские войска должны соединиться у поймы реки Шиели, и предлагала подождать этого. «Они тогда будут все в одном мешке, и нам останется лишь завязать его!» — передал гонец ее слова. В джунгарском войске не писали друг другу, и гонцы должны были отличаться безукоризненной памятью.

Не менее ослепленный гордыней, чем его достойная дочь, Сыбан Раптан готов был склониться к этому предложению, но его отговорил советник Ренат — дважды плененный швед. Он вообще предложил отступить и уклониться от сражения с превосходящими силами противника.

— Нет, мы сокрушим их поодиночке — сначала Абулхаира, а потом Самеке! — сказал контайчи.

— А что вы будете делать, если неожиданно подойдет войско Самеке в момент сражения с Абулхаиром? — спросил Ренат.

— Джунгарский меч разит как молния — быстро и всесокрушающе! — ответил контайчи Сыбан Раптан.

— Но если все же случится так? — настаивал Ренат.

— Этого не может случиться! — ответил контайчи.

— Тогда мы потерпим поражение! — тихо, но твердо сказал его сын Галден-Церен.

Галден-Церен предложил подтянуть еще двадцать тысяч всадни-

ков и тогда вступить в бой с казахами. Старый и мудрый контайчи расхохотался:

— Вот тогда мы точно будем опрокинуты!

— Почему?— удивился сын.

— Двадцать тысяч наших воинов стерегут двадцать тысяч троп, по которым ходят за нашей спиной казахи. Если мы призовем этих воинов сюда, по всем этим тропам придут казахи. Разве не знаешь ты, что один стреляющий в спину опаснее пятнадцати стреляющих в лицо!..

— Но кто... кто придет стрелять нам в спину?— удивился Галден-Церен.

— Мертвые!— очень серьезно сказал Сыбан Раптан.

Шведский офицер Ренат заглянул ему в лицо. Нет, контайчи не шутил.

Решено было идти стремительным маршем на Абулхаира, чтобы опрокинуть и втоптать в землю его войско до подхода конницы Среднего жуза.

— Когда из всех путей доступен только один, нужно пустить коня в голоп!— сказал контайчи Сыбан Раптан.

Советник Ренат едва заметно пожал плечами. Про себя он подумал о том, что в этой естественной простоте решений и заключались, видимо, непобедимость и сила всех предков контайчи, великих пролитой кровью...

Так, галопом, и двинулось в ночь джунгарское войско. Степь гудела от тысяч литых копыт, и ветер свистел от развевающихся во тьме косматых конских грив и стелющихся хвостов. В ночи достигли заросшего камышом озера неподалеку от реки Шиели, где располагался лагерь Абулхаира. Здесь ждала отца воинственная Хоча со своими ертоулами — разведчиками. Она вышла к контайчи, помогла ему слезть с коня и повела в свой шатер, скрытый камышами.

Вошли в шатер и Галден-Церен с Ренатом, присели на колено у входа. Девушка принялась молча взбалтывать кумыс в турсуке. Так же молча подала большую чашу сначала отцу, потом старшему брату и Ренату. Сыбан Раптан утолил дорожную жажду двумя-тремя затяжными глотками, потом посмотрел в сторону стоящих на пороге ертоулов.

— А где их командир, Шангрек-нойон?

Хоча еще несколько раз поболтала турсук, долила отцу свежего кумыса.

— Вон он там, лежит мертвый за шатром...

— А кто убил?

— Я убила.

— Где он?

Дочь повела отца по едва заметной при луне тропинке, показала на труп. Юноша был широкоплечий, лет двадцати пяти, в богатой одежде. В груди, как раз напротив сердца, торчала вошедшая до половины стрела.

— Он провинился, и я убила его,— сказала Хоча.— Я приговорила его!

— Что он сделал?— спросил контайчи.

Шангрек-нойон был сыном одного из знатнейших людей Джунгарского ханства, багадура из рода Меркит Дода-Доржи. Багадур в прошлом году посватал своего сына за тринадцатилетнюю дочь контайчи, и Сыбан Раптан согласился. Этой зимой должна была состояться свадьба. Неизвестно почему, но Хоча не выражала радости.

А дело было в том, что она поняла, как относится к ней молодой и красивый нойон. Для него она была дочерью контайчи, и только. Недавно она узнала, что Шангрек-нойон приводил к себе в шатер другую джунгарку. Если бы эта джунгарка была некрасива, дочь контайчи не обратила бы внимания. Но, приведя к себе красивую джунгарку, красивее ее, он оскорбил гордость воинственной Хочи...

— Он был виновен по отношению к этому джигиту!— сказала она и указала на другой труп.

За кустом лежал юноша-казах. Подошедший вместе с Галден-Цереном Ренат успел заметить, что у мертвого казаха скромная одежда и простой березовый лук за спиной. Хоча отпустила ветку, и та прикрыла казахского джигита.

— Рассказывай!— сказал Сыбан Раптан.

— Вчера утром промчалась по той стороне озера девушка...— Хоча указала рукой со свернутой камчой.— Она ехала к Абулхаиру, и даже мой конь Кумай-тось еле догнал ее. Я накинула аркан на нее, и... Она была очень красива...

— Что было потом?— спросил отец, покосившись на труп Шангрек-нойона...

— Я стала спрашивать ее, но казашка ответила, что умрет, но ничего не скажет. Тогда я сказала, что она умрет. Но Шангрек-нойон не захотел этого. Он сказал, пусть она умрет завтра. Он говорил, что, может быть, ночью она что-нибудь расскажет ему... И все джигиты-ертоулы стали говорить мне, что лучше, если она умрет завтра. Они ведь все тоже меркитского рода. Держась за сабли, они стали вокруг меня. Тогда я решила, что назло Шангрек-нойону подарю красивую казашку брату моему Галден-Церену. Мое право было распоряжаться ею, как мне вздумается, потому что она — моя добыча!...

— Что было потом?— не меняя тона, повторил контайчи.

— Я повелела джигитам всем вместе стеречь пленницу, а Шангрек-нойону сказала, что с него достаточно стеречь ее кобылу... А потом ертоулы схватили на том берегу озера и привели ко мне казахского джигита, который лежит там мертвым. И он тоже не захотел отвечать на мои вопросы. Я подумала, что они близкие люди —джигит и девушка, а поэтому велела сдавить волосяным арканом его бедра. Когда щетинистый жгут перекрутили два раза, он завопил, а девушка стала кусать губы. И все же не вытерпел джигит. Он пообещал рассказать про все, о чем знает...

— Что он сказал?— спросил контайчи.

— Когда я велела приотпустить жгут, он сказал, что послан ертоулом к Абулхаиру. И это он поведал мне, что войско Абулхаира ночует сегодня у реки Шиели и что в нем тридцать тысяч воинов. Они двинутся нам навстречу, когда дождутся хана Самеке из Среднего жуза. У хана Самеке тоже тридцать тысяч воинов, привыкших сражаться с нами...

— Когда же они должны встретиться — Абулхаир и Самеке? Хоча нахмурила свои густые брови...

А произошло вот что. Не успела она договорить до конца свой вопрос о том, когда должны встретиться оба казахских войска, как девушка-казашка вдруг прыгнула словно рысь, и в горле джигита остался маленький кривой нож. Тогда Хоча усмехнулась и приказала заковать девушку в китайские кандалы. Ее тут же заковали, но ночью по приказу Шангрек-нойона расковали. Он сам вывел ее в степь и отпустил на волю...

— Я сама услышала, как он сказал ей: «Улетай, девушка-птица, от этой жестокосердой змеи!»— вскричала Хоча, сверкнув глазами.— А она ответила: «Спасибо тебе, достойный воин. Хоть ты и враг моего племени, но справедлив. У тебя человеческое сердце. Может быть, мы еще встретимся с тобой...» Тогда я натянула свой лук, и... и они никогда уже не встретятся!..

— А где ее тело?— спросил контайчи.

— Пока я во второй раз натянула лук, ее конь скрылся в камышах...

— Значит, Абулхаир знает о нашем приближении!

— Да!— ответила четырнадцатилетняя девочка и всхлипнула, вспомнив свою обиду.

У Сыбан Раптана свирепо приподнялась верхняя губа:

— Эй ты, мокрая лягушка! Откуда эта позорная вода в глазах дочери контайчи! Только зайцы и олени плачут от собственной слабости. Для людей это противоестественно.

Хоча выпрямилась, глаза ее высохли, и она прошла по трупу Шангрек-нойона, наступив ему на лицо.

— Не увидит высшего неба этот слюнтяй!— сказала она.

— Да, пусть Дода-Доржи пеняет на себя, коль породил такого слабодушного сына!— согласно кивнул контайчи и, задевая одним каблуком сапога за другой, пошел на своих коротких кривых ногах к лошади.

Перед тем как взобраться в седло, он повернулся всем телом к Галден-Церену:

— Не забудь о меркитских джигитах, которые видели все!

— Конечно, отец!

Несмотря на свои шестьдесят с лишком лет, контайчи легко, чуть прикоснувшись носком сапога к стремени, вскочил в седло, и косматый гнедой жеребец понес его назад, к войску. Сзади в белом лунном свете послышались всхлипы. Это телохранители Галден-Церена короткими точными взмахами тяжелых джунгарских шашек отсекали головы у меркитских джигитов, которые видели смерть Шангрек-нойона...

Попавшая в руки к Хоче и отпущенная Шангрек-нойоном была Гаухар — девушка из Туркестана. Она приходилась сестрой молодому батыру Малайсары из аргынского рода басентиин, который жил в то время у гор Улытау. Два раза в год аулы этого рода посылали под защитой немалого отряда джигитов караваны с шерстью и кожами в Туркестан, Ташкент, а в иные годы — в Бухару и Хиву. Обратно везли чай, бухарский сахар, одежду, домашнюю утварь и материю.

В этом году караван под защитой самого Малайсары отправлен был в Туркестан. С группой девушек, которым предстояло в ближайшее время выйти замуж, поехала с караваном и Гаухар. Невесты обычно сами участвовали в выборе для себя свадебных нарядов.

Более богатая часть родового каравана двинулась дальше, в Ташкент. А менее богатые остались в Туркестане. Здесь их и застало джунгарское нашествие. Женщины и дети скрылись в густых камышах Сейхундарьи, а джигиты приняли участие в защите города. Те из них, кто уцелел, вырвались оттуда во время большой бури и присоединились к женщинам и детям.

Что ни день высылали ертоулов беглецы в разные стороны. В один из счастливых дней узнали, что приближается тридцатитысячное войско Младшего жуза во главе с Абулхаиром, а вскоре «узункулак» — знаменитое степное «длинное ухо» — принес вести и о движении конницы Самеке-хана, идущего на соединение с Абулхаиром. Радости людей, многие недели скрывавшихся в камышах, не было предела. Но как-то выехав с вечера из камышей, ертоулы услышали тяжелый тысяченогий топот. В ночи шла на галопе грозная конница контайчи Сыбан Раптана. И шла в ту сторону, где стоял лагерь хана Абулхаира...

Гаухар лучше многих джигитов ездила на коне. Да и конь у нее был самый быстрый. Все другие лошади беглецов были покалечены в боях или сбили себе ноги при бегстве из Туркестана. Кроме того, джунгары могли не обратить внимания на одинокую всадницу, в то время как мужчина внушил бы им подозрение. Гаухар вскочила на коня и в сопровождении только одного джигита, который следовал в некотором отдалении от нее, поскакала в лагерь Абулхаира, чтобы предупредить о приближающейся опасности. По дороге она была поймана самой дочерью контайчи...

Гаухар в ярости убила джигита, не выдержавшего страшной пытки скрученным в жгут волосяным арканом, и это было первое и последнее ее убийство в жизни. А потом она прочла в глазах молодого джунгарского нойона такую страсть, что уже не сомневалась в своем спасении. Когда он самолично расковал ее и вывел из камышей, она подумала, что он хочет по примеру своих сородичей надругаться над ней. Гаухар уже приготовилась и сжала в руке острую серебряную пряжку от старинного материнского украшения, чтобы полоснуть насильника по горлу. Но молодой джунгар отдал ей повод собственного коня и показал рукой в степь. Тогда, перед тем как вскочить на коня, она сама поцеловала его...

Он крикнул ей вслед что-то. Но, бросив коня в галоп, она не слы-

шала уже, как свистнула стрела Хочи и застонал смертельно раненный Шангрек-нойон...

На следующий день к полудню доскакала Гаухар до лагеря хана Абулхаира. Лицо хана передернулось, когда он услышал о близости джунгар. Дело в том, что половина его войска была еще где-то на подходе. Здесь с ним находилось лишь пятнадцать тысяч всадников. Вступать в сражение с джунгарами было равносильно смерти. Абулхаир приказал готовиться к битве, а сам созвал военный совет. Там он предложил отступление. Однако воинственные батыры из родов адай и тама не согласились с этим. Они говорили о древнем поверии, которое гласило, что нельзя начинать большую войну с бескровного отступления. Отступить можно, только омочив пики в крови врага. Решено было вступить в бой с джунгарами, выслав гонцов навстречу хану Самеке с просьбой ускорить свой приход.

Когда Кабанбай-батыр прискакал из Туркестана в аул, где находилась ставка хана Булата,— в Нуру, наступило лето. Хан, как всегда, болел. Обычно его многочисленные болезни обострялись, когда следовало принимать какое-нибудь важное решение. Таким образом, ханские обязанности легли в это трудное время на плечи его брата Самеке. От имени хана Самеке уже были отправлены гонцы во все стороны Сарыарки с призывом: «Враг идет!»

Этой стране, живущим в ней с незапамятных времен людям не в диковинку было слово «война». Кажется, ни одного года не миновало еще без кровопролития на этой земле. Начиная с гуннских переселений век за веком, волна за волной катились по ней, следуя за восходящим солнцем, бесчисленные завоеватели. Поток за потоком уходили и ее сыновья. Воевать они поневоле научились. Не случайно во все султанские и халифские дворцы Востока на протяжении чуть ли не тысячелетия покупали для войны и охраны ее пленных юношей. Сейчас кровью запенилась на восточных рубежах новая волна человеконенавистничества. И почти стихийно вскипела и поднялась ей навстречу мощная волна народного гнева.

Нелегкие это были сборы. Отсутствие единой власти и твердой руки особенно проявляется в период вражеского нашествия. И тем не менее самые строптивые родовые вожди подчинились приказу хана Самеке. Но разбросанные по всей степи казахские роды не смогли собраться быстро, как может это сделать регулярная армия. Пока пригнали из табунов боевых коней, пока приготовили припасы на дорогу, пока съехались к ханской ставке, прошло немало времени. Лишь через три недели смог двинуться во главе тридцатитысячного войска хан Самеке на соединение с ополчением Младшего жуза. В войске его были в основном молодые, безусые джигиты. Но пройдет два десятка лет, и многие из них станут прославленными батырами, о подвигах которых станут из века в век петь народные жырау. Богембай из рода канжигали, Сырымбет и Малайсары из рода басентиин, Байгозы из рода таракты, Джаныбек, сын Кошкара, из рода кипчак, Оразымбет из рода баганалы, десятки славных джигитов из родов керей и уак, в том числе легендарный батыр Баян,— имена всех их сохранит благодарная народная память. А пока многие из

них были в старых латанных-перелатанных дедовских чапанах и у седел висело их единственное оружие — дедовские дубины, окованные железом. Кажется, именно это простое, но грозное оружие роднило между собой все освободительные войны на земле...

Пока шли сборы и передвижения отрядов, проходило лето. К тому же во второй половине лета пошли небывалые для Сарыарки дожди. Не дожидаясь выхода основных сил Среднего жуза, Баян-батыр с тысячью воинов поскакал к Сейхундарье. Его догнал гонец от хана Самеке, сообщивший, что хан Младшего жуза Абулхаир будет ждать подхода ополчения Сарыарки в пойме реки Шиели, у Жана-Кургана. Встретиться они должны были не позже месяца караша — приблизительно сентября.

Не умом и воинскими заслугами славен был хан Самеке. Лишь из-за болезни своего брата — хана Булата сделался он главой ополчения. А отсюда, по его мнению, было недалеко и до законного ханского престола, и недалекий Самеке, по примеру всех неумных людей, стал уже заранее вести себя как хан. В этом ему помогали многочисленные приближенные родовые вожди и прихлебатели, всегда отирающиеся возле таких людей. К тому же недавно только он женил своего младшего сына Кудайменди на дочери одного из отпрысков Букей-султана, и на свадьбу были приглашены лучшие люди всех трех жузов. Это еще больше вскружило слабую голову хана Самеке, и при подготовке похода он медлил и не слушал полезных советов.

Выступившее вслед за передовым отрядом основное войско Среднего жуза двигалось медленно. Этому способствовала и погода. Казалось, всех джиннов выпустили из бутылки навстречу ополчению. День за днем свирепствовал ураган, и ничего нельзя было разглядеть впереди от поднявшегося к небу песка. Кони отказывались идти против ветра, невозможно было на привалах ставить всякий раз шатры и походные юрты. Во время бури к тому же погибли все овцы, которых войско гнало с собой для пропитания. Начался голод.

Вскоре, когда повернули от «Голубого моря»— Балхаша на запад к Сейхундарье, твердая почва сменилась сыпучими барханами и движение войска еще больше замедлилось. Не доходя одного лишь перехода до Ак-Мечети, хан Самеке приказал войску остановиться, чтобы подлечить раны на ногах и спинах у лошадей. Здесь он и услышал о сражении, происшедшем между джунгарским контайчи и войском Младшего жуза. Абулхаир потерпел поражение в этой неравной схватке, но войско его благодаря своевременно принятым мерам не было застигнуто врасплох и отступило в полном порядке.

Хан Самеке как будто только и ждал этого. Он собрал в своем шатре ведущих вождей ополчения и обратился к ним с речью.

— Зима уже не за горами,— сказал он.— Контайчи тоже прекратит войну. Зимой джунгарские кони не доберутся до нашей Сарыарки. А нам сейчас было бы глупо нападать на него. Если Сыбан Раптан смог победить Абулхаира, то тем более справится он с нашим утомленным войском, и мы погибнем без всякой пользы. Не лучше ли последовать мудрому совету стариков, которые говорят в

таком случае: «Ищи родной дом, пока разум не помутнел». С божьей помощью разобьем контайчи следующим летом!

Войско повернуло назад...

Конница Сыбан Рантана не смогла нанести неожиданный удар по войску Абулхаира. Лишь на время, нужное для того, чтобы закипела вода в котелке, опередила джунгарский авангард девушка Гаухар, но этого оказалось достаточно. Абулхаир успел поднять воинов, разделил войско на три части, выстроил их для боя. С двух сторон напал он на не ожидавших отпора джунгар. Третья часть войска была спрятана в засаде, в камышах...

Растянувшаяся на марше джунгарская конница не выдержала первого удара, и по приказу Сыбан Раптана передовая тысяча повернула коней. Казахская конница преследовала отступающих джунгар, но чем дальше, тем она больше уставала, а силы джунгар все прибавлялись за счет идущих навстречу туменов. Вскоре контайчи дал сигнал к общему нападению. Но не успели сгрудиться лавой джунгарские всадники, как раздался клич «Каракожа!», и из камышей по ним ударил пятитысячный отряд, которым командовал вернувшийся батыр Кабанбай.

Подумав, что это подошло войско из Среднего жуза, снова приказал отступить контайчи Сыбан Раптан. Даже поняв наконец, что это лишь малочисленная засада, он не отменил своего приказа. А увлекшиеся казахские воины увидели, что они окружены значительно превосходящими силами врага. На юге ровно курился весь горизонт. Это подходили новые и новые силы джунгар.

Все казахское войско вместе с самим ханом Абулхаиром попало в окружение. «Ни одного не выпустить живым, а Абулхаира приволочь на аркане!» — приказал контайчи, и несколько джунгарских туменов с диким воем бросились на окруженных. В единый кровавый клубок сплелись люди и полудикие лошади, которые в зверином ослеплении тоже рвали зубами друг друга. Сам Абулхаир был уже ранен и перестал руководить боем. Казалось, что вот-вот наступит конец...

И вдруг на севере встал черный столб пыли, и знакомый джунгарам боевой клич «Аруах! Акжол!» буквально потряс степь. Грозная лава всадников смяла со спины атакующих джунгар и прорвала смертельное кольцо. Это был славный Баян-батыр. Намного опередив хана Самеке, он вступил в смертельный бой. Войско его за дорогу возросло до трех тысяч всадников, но тем не менее его вступление в заранее проигранную битву было равносильно самоубийству. Однако видевший в этот день немало неожиданностей контайчи подумал, что подошло основное казахское ополчение, и снова дал приказ к отступлению. На этот раз наученные горьким опытом казахи не преследовали отступавших. В походном порядке, прикрываемое отрядом Баян-батыра, войско Абулхаира начало уходить на север. Наступали сумерки... И на следующий день, помня о присутствии где-то неподалеку всего войска Самеке-хана, не стала

преследовать отступавших джунгарская конница. А через два дня наступили ранние холода, и контайчи повернул обратно к Туркестану.

Древняя столица казахов Сауран была построена в незапамятные времена, одновременно с Отраром и Сыгнаком. Город был окружен рвом двадцати пяти аршин ширины и пятнадцати аршин глубины. Стены от дна его до зубцов насчитывали около пятидесяти аршин, а толщина их доходила до тридцати аршин. Они окаменели за многие века, и пробить их было невозможно. Ходили легенды, что это единственная крепость, которую не осилили тяжелые китайские стенобитные машины, подвезенные Чингисханом, и сдалась она, когда защитники умерли от голода.

После оставления Туркестана Елчибек-батыр со своими товарищами на третьи сутки прибыл в Сауран. Оказалось, что хаким города-крепости Турсун, испугавшись джунгар, недавно сбежал в Ташкент. И жители единогласно согласились поручить Елчибеку, известному в этих краях батыру, защиту города. Елчибек и его друзья с великим воодушевлением принялись готовиться к достойной встрече джунгар...

А еще через день в город приехал вещий Бухар-жырау. Народный поэт, не имеющий никакого богатства, кроме своей домбры, пользовался всеобщей любовью и в эти тяжкие дни всегда оказывался там, где нужнее всего было его слово. Вот почему он и оказался в Сауране — городе, который всегда был символом народного сопротивления иноземным захватчикам.

Так и не слезая с коня, поехал Бухар-жырау вдоль крепостных стен. Здесь уже кипела работа: подвозили щиты и тяжелые камни, несли сосуды с маслом и котлы для его разогрева, тут и там заделывали пробоины, оставшиеся от давних осад. Вещий певец остановил вдруг коня. На угловой башне повыше других стоял воин в кованом шлеме с тяжелом луком в руках. Не обращая внимания на суету за его спиной, он вглядывался в даль.

— Я знаю тебя,— громко сказал Бухар-жырау.— Ты — кузнец Науан, потомок славных батыров!..

— О, наш жырау!..

Воин склонил голову перед певцом. Вокруг, узнав, кто приехал, начал быстро собираться народ. Бухар-жырау зорким взглядом оглядел собравшихся. Он хорошо знал, как важно перед боем гордое слово.

— Я приехал к вам, люди славного города Саурана, чтобы рассказать вам о славном прошлом. Так всегда делалось у нас в степи. Идя на смерть, воин просит поддержки у предков, и, коль право его дело, они незримо становятся рядом с ним.

— Говори, наш жырау!

— Мы слушаем тебя!..

Сотни защитников крепости, не пожелавших убежать и оставить ее врагу, собрались уже здесь, на площади перед башней. Из улиц и

переулков подходили все новые люди. Бухар-жырау широко взмахнул рукой:

— Видите эти стены?.. Сам Чингисхан не смог их проломить, и монголы вступили в этот город только тогда, когда последний его защитник умер от голода... Сколько их было после этого — владык, которые хотели покорить Сауран: Тимур, моголистанские ханы, грозный Абулхаир, коварный Абдуллах-хан. Но не о них главная моя речь. Я хочу рассказать о твоих славных предках, кузнец Науан!..

Люди в недоумении переглядывались. Они привыкли к певцам, которые рассказывали о подвигах ханов и султанов. А какие могут быть подвиги у предков простого кузнеца? Да еще все в городе знали, что родом Науан из рабов.

— Да, мой Науан... В Сауране всегда получалось так, что хакимы, которым поручена защита города, бежали, а на стены поднимались люди «черной кости». Так было и при Абулхаире, когда город защитил простой батыр Орак, по прозванию Одноглазый. А в последнюю осаду, когда эмир Бухары Абдуллах-хан пожелал войти в город, ему не дали этого сделать два брата-батыра из рабов. Это были твои предки, Науан!..

— Я слышал про это...— сказал в наступившей тишине кузнец Науан.— Но как это все происходило, никто не знает. По-разному говорят об этом люди...

— Я расскажу тебе, как все было на самом деле!

Жырау сел прямо на древние камни и тронул струны домбры...

— В глазах Абдуллах-хана, эмира Бухары, засветилась улыбка, чуть ощетинились и приподнялись усы, порозовели щеки. Посторонний человек сразу бы подумал, что грозный эмир радуется чему-нибудь. Но Хасен-ходжа, его наставник и везир, с первого взгляда понял, что тот рассвирепел. Он хорошо знал, что если засветятся радостью сероватые глаза и улыбка тронет кончики рта у эмира, то быть чьей-то смерти...

За многие годы службы так и не смог привыкнуть ученый Хасен-ходжа к этому свойству своего господина. Говорят, что крокодил проливает слезы перед тем, как проглотить свою жертву. Но это у крокодила не от жалости, а от предвкушения. Абдуллах, не в пример крокодилу, не плакал, а смеялся в предвкушении чьей-либо смерти. Обычно он делал это в присутствии жертвы. Но во дворце сейчас никого больше нет, кроме него, Хасена-ходжи...

Чем же прогневил он, послушный и исполнительный ходжа, своего властителя? Неужели тем, что не ко времени доложил о битве при Таласе, в которой Баба-султан на днях фактически разгромил верного эмиру Абдуллаху хана Шагая? Но, может быть, все же не на него сердится вседержавный Абдуллах-хан? О, дай аллах!... Иншалла!..

Круто повернувшись, эмир Абдуллах подошел к многоцветному окну. Отсюда, из башни дворца, видна была вся священная Бухара, до горизонта утонувшая в садах. Тут и там из моря зелени вырывались к небу стройные минареты, крыши и башни бесчисленных

дворцов и караван-сараев. По стенам, дверям и воротам домов, раскрашенных во все известные человеческому глазу тона, затейливой вязью вьются строфы из Корана. Не случайно властитель Бухары считается не просто ханом, а еще и эмиром — наставником веры, призванным следить за чистотой нравов во всех ханствах и султанатах этой части света.

Ни звука не доносится сюда из огромного, уснувшего от зноя города. Только мягко журчит вода в придворцовых арыках да слышится время от времени шуршанье листьев от перелетающих с ветки на ветку птиц в дворцовом саду. И все же это второй по величине город ханства. Первый — вечный Самарканд, который вместе со священной Бухарой отобрал когда-то у тимуридов прадед эмира Абдуллаха — грозный Мухаммед-Шейбани. Многое происходило потом, и в 964 году[1] его снова отвоевал у тех же тимуридов сам двадцатичетырехлетний Абдуллах. В Бухаре оставил он свою ставку и своего отца — хана Искандера, с него началось Бухарское ханство.

Эмир отошел от окошка. Глаза его скользнули по красным хорасанским коврам на полу, по висящим на стенах мечам, саблям, ятаганам, кинжалам из дамасской стали в разукрашенных золотом и драгоценными камнями ножнах, по круглому низкому столу из полированного можжевельника, на котором стояли вазы с изогнутыми ножками, фарфоровые пиалы с шербетом, золотые блюда со сластями и фруктами. Но мысли его были далеко.

— Я нуждаюсь в твоем совете, ходжа...— Сероватые глаза эмира по-прежнему смеялись.— Что мне предпринять, если нанявшийся ко мне на службу враг благоволит другому моему врагу?

— Нужно, нужно казнить его, святейший эмир!

— Так... Перебежавший к нам хан Шагай и сын его Тауекель не захотели принести мне головы Баба-султана и Бузахура. Я подчиняюсь твоему совету, мудрый везирь. Только твои уговоры заставили меня решиться на это! Но это будет после взятия Туркестана, Саурана, Сыгнака...

...После положенного войску трехдневного отдыха эмир Абдуллах-хан начал подготовку к штурму. Первая среда весеннего месяца рабиу была, по предсказаниям звездочетов и старым приметам, счастливым днем. Взошедшее солнце осветило пятьдесят тысяч закованных в синие латы воинов, которые сидели на крепконогих, широкогрудых боевых конях. Несколькими рядами окружили они Сауран, и каждый ряд был на лошадях другого цвета. Помимо конных линий напротив каждых ворот выстроилась клином ударная тысяча. Подгоняемые нагайками рабы подтаскивали к стенам осадные машины, волокли длинные лестницы и связки камыша, которыми предстояло засыпать ров с водой. У западных ворот города стояла ударная тысяча Убайдуллы-султана на серых ахалтекинских аргамаках, с севера готовилась к штурму тысяча султана Абдумумина — единственного законного наследника эмира. Здесь все кони были черные, и

---

[1] Жырау называет год по хиджре — мусульманскому летосчислению, которое ведется с 622 года.

над ними реяло черное знамя с изображением встающего солнца. С юга стояли под синим знаменем с вышитой на нем рысью лашкары подчиненных Бухаре хивинских и туркменских беков. Они сидели на огненно-рыжих конях. Там же находились и союзники эмира — казахские султаны. Над их головами высился бунчук с конским хвостом, а у нукеров под коленями ждали своего часа знаменитые палицы с коваными наконечьями. С востока намеревались первыми ворваться в город, чтобы завладеть богатой добычей, многочисленные наемники-лашкары, которые вербовались эмиром из различных отщепенцев всех четырех сторон света — от Китая до Рума...

На правой стороне реки от белого шатра самого эмира тронулся сверкающий дорогими латами и оружием конный отряд. В тот же миг неистово и страшно заревели карнаи, тонкие звуки издавали зурны, и похожий на шум моря грохот сотен барабанов разбудил спавшую доселе степь. Со страхом и удивлением смотрели жители города на невиданное зрелище. Впереди отряда на громадном белом коне неизвестной в этих местах породы скакал высокий, статный человек, и уже ясно были видны его красивые черные усы вразлет. Он смеялся, глядя на Сауран, а вся Средняя Азия знала, что предвещает смех эмира Абдуллаха...

Лоб, могучая грудь и бока коня у эмира были накрыты кольчугой из серебряных колец. А между ушами коня сидел маленький белоснежный кобчик, которого по древнему степному обряду испытывали таким образом как «птицу счастья». Если кобчик при первой схватке с врагами не улетит со страха, то батыр вернется с победой. Если же улетит, то не надо ввязываться в сражение, потому что оно может оказаться роковым. Ислам не признавал все эти приметы, но потомки степных вождей еще помнили и уважали древние шаманские обряды.

Как только эмир поравнялся с передовой линией своих войск, снова загремели, загрохотали бесчисленные барабаны, заревели карнаи, запищали, заулюлюкали зурны. Мурашки побежали по телу у многих защитников крепости, а кое-кто схватился за луки. Между тем, сделав плавный поворот, свита поскакала за эмиром вдоль крепостных стен. Ни один из тысячи всадников сопровождения не качнул саблей и не повернул головы. Со страшной неудержимостью скакали они по замкнутому кругу, не приближаясь и не отдаляясь ни на шаг от стены. Один лишь Абдуллах, поворачивая голову, величавым кивком приветствовал знакомых и наиболее знатных батыров и военачальников своего войска...

— Велик святейший эмир — опора веры!

— Пусть приумножится твоя слава, великий багадур!

— Слава тебе, грозный Абдуллах-хан!

Это кричали ему специально выделенные люди из войска, и крик их тысячеголосо подхватывали воины. Зеленое знамя пророка плыло за ним, а белый кобчик сидел между ушами коня не шелохнувшись, будто привязанный за лапки.

— Кобчик не взлетает...— взволнованно заговорил на стене хаким Мухаммед-султан.— Это предвещает нам горе!

— А ну-ка посмотрим, что предвещает вот эта стрела проклятому эмиру!

Так сказал Кыяк, снимая со спины свой знаменитый лук.

— Не смей стрелять!

Хаким сам не понял, как мог выкрикнуть такое на стене, где стояло столько защитников крепости, и поправился:

— Если мы прольем кровь самого блюстителя веры, то они вырежут нас всех до единого!

— Я подчиняюсь тебе, хаким,— спокойно сказал Кияк-батыр.— Но пусть эта птица споет ему о его несчастье!

С этими словами батыр молниеносно натянул лук и выпустил свою страшную стрелу. Наконечник ее был шириной с лопатку ягненка и отточен, как острие бритвы. Белый кобчик так и остался сидеть на лошадиной челке, но уже без головы. Яркая птичья кровь брызнула в лицо эмиру, и он захохотал на всю степь:

— Замечательный стрелок... Но это не в счет. Кобчика убили, но сам он не улетел. Дайте другого!

Ускакавший прислужник через несколько минут вернулся с другой такой же птицей, и эмир поскакал дальше. Улыбка не сходила с его губ, а в глазах отражалось туркестанское солнце.

Так и не слетела птица счастья с коня эмира Абдуллаха. Сделав круг возле крепости, он вернулся обратно к своему шатру.

На следующее утро все повторилось. Снова по кругу ехал сам эмир на том же снежно-белом коне. Белый кобчик сидел не шелохнувшись между ушей коня. Правда, прослышав о присоединившихся к защитникам города казахских стрелках-батырах, Абдуллах держался теперь на почтительном расстоянии от крепостных бойниц.

Все на этот раз произошло иначе. Едва эмир повернул коня и двинулся вдоль стены, как кобчик стремительно взлетел ввысь. Постояв в воздухе, «птица счастья» понеслась вдруг безудержно к Саурану. Потанцевав в небе над одной из башен, белый кобчик вернулся и начал кружить над эмиром, словно намереваясь сесть обратно на свое место. Это тоже было бы неплохим предзнаменованием. Но суетливая птица опять полетела к крепости. На полдороге она опустилась и села на куст колючки.

— Поймать!— приказал эмир.

Один из лашкаров охраны тут же устремился за кобчиком. Подскакав, он взял его на руки. Войско облегченно вздохнуло.

— Эх, птичку жаль, а не грабителя-лашкара!— раздался чей-то веселый голос.

Свистнула стрела, и белый кобчик вместе с лашкаром оказались пришпиленными к земле. Все ахнули. Стрелял Кияк-батыр, стоявший на башне рядом с хакимом города. Эмир Абдуллах повернул коня и поскакал к своему шатру.

— Белый кобчик упал ближе к городу, чем к эмиру!— сказал Абдысаттар-султан и подозрительно посмотрел на батыра.— Ты не скажешь нам, веселый батыр, почему это кобчик вдруг сорвался с холки эмирова коня?

Кияк-батыр сложил губы листиком и тихонько свистнул. Таким способом мальчишки-казахи в степи подманивали птиц.

Хаким улыбнулся в свои пышные усы:

— Ладно, людям нечего знать о твоем умении. Они верят в свое счастье, и это хорошо!

Потянулись долгие дни осады. Время от времени наиболее отважные из осаждающих переплывали ночью ров и забрасывали на зубцы стен арканы. Они бесшумно взбирались наверх, а потом их обезглавленные тела падали в воду и плыли, страшные, раздувшиеся, служа уроком другим. Днем и ночью несли караульную службу батыры, не давая застать себя врасплох.

Абдуллах отправил к осажденным своего лучшего златоуста Кульбабу-кокильташа с письмом: «Не тратьте напрасно силы на сопротивление. Я все равно одолею вас, ибо со мной бог. Не заставляйте меня наполнять крепостной ров вашей кровью. Принесите повинную, и я прощу вам все грехи во имя аллаха милостивого, справедливого!..» Кульбаба-кокильташ целый день расточал богатства своего красноречия перед вождями Саурана, но они только смеялись в ответ: «О добром мире не говорят, приведя пятьдесят тысяч нукеров к дому соседа!»

А тут еще опять взбунтовался выданный без боя его хакимом врагу Сайрам и отказался подвозить продовольствие ханскому войску. Туда, в Сайрам, набилось за это время множество черни, бежавшей от погрома, учиненного эмиром при взятии других сырдарьинских городов. Уцелевшие или бежавшие из невольничьих караванов джигиты полны были ярости и жаждали мщения. Хаким Сайрама Мухаммед-султан хоть и дрожал перед эмиром, но ничего не мог с ними поделать. Власть в городе была по существу у них в руках.

Когда Абдуллах-хан появлялся перед своим войском, то казалось, что он ни на кого не смотрит. Не поворачивая головы, скакал он впереди своих телохранителей, и никого не подпускали к нему ближе, чем на двести шагов. На самом же деле эмир все прекрасно видел и понимал. Войско устало стоять под стенами Сауранской крепости. Все больше и больше нукеров недосчитывали по утрам сотники. Захватив с собой оружие, джигиты группами и в одиночку бежали в Казахскую степь, вливаясь в ряды свободных батыров. В казахских кочевьях такие вольные отряды всегда находили приют и поддержку среди «черной кости». Да и аксакалы часто не трогали их, понимая, что эти батыры в нужный момент смогут защитить их аулы от отрядов эмира. Множество таких разноплеменных отрядов, в которых побратались казахские, узбекские, киргизские бедняки, что ни день появлялись в приграничной полосе, нападали на ханские обозы, освобождали пленных.

Однажды утром, переодевшись в простой чапан, эмир прошелся между шатрами нукеров. Было еще темно, но как раз сменялись караулы. Идущие в дозор варили себе еду, и редкие костры горели в предутренней синеве. Эмир приказал телохранителям отстать, и

его не заметили, когда он остановился в тени шатра. Два джигита — молодой и пожилой — продолжали тихий разговор.

— Проклятая война!— сказал молодой.— Когда она кончится?

— Возьмем Сауран, снова Сайрам пошлют брать или Яссы!

— И зачем нам этот Сауран?.. Ну, дадут там мне из общей добычи кусок ткани да пригоршню дирхемов. Привезу домой в Шахрисябе, и тут же сборщик налогов отнимет. На ту же войну!

— А ты не отдавай!

— Уши к воротам прибьют, а не то и голову с плеч...

— Все в руках аллаха!

Положение войск эмира несколько улучшилось, когда к Саурану пришел большой караван прямо из Бухары. Вместе с запасами продовольствия были привезены четыре огнеметательные машины «черный дромадер», сделанные учеником знаменитого Рухади — Мираха Туббашиуста. Они швыряли не только раскаленные камни величиной с овцу, но и котлы со специальной жидкостью, от которой горело даже железо. Установленные с четырех сторон, эти машины заработали не переставая, но мощные стены не поддавались. Тогда перенесли огонь на самый город, и там начались пожары.

Но в это время в Сауран прилетел почтовый голубь из Ясс. В привязанном к его лапкам послании было сказано, что Баба-султан и Бузахур-султан движутся с ногайлинским войском на выручку туркестанским городам. Защитники воспрянули духом и продолжали сопротивление. Между тем зажигательная смесь, привезенная из Бухары, подошла к концу, а здесь ее не из чего было делать. Страшные «черные дромадеры» теперь стреляли лишь от случая к случаю...

Все было не так, как сообщал из Ясс какой-то добрый человек. Действительно, преследуемые отрядами эмира Абдуллаха Баба-султан и Бузахур-султан ушли в Сарайчик. Там их встретили поначалу как союзников и родственников Белой Орды. Особенно теплый прием нашли они у вдовы хана Хакназара — Акторгын. Однако положение к этому времени сложилось такое, что нельзя было рассчитывать на серьезную помощь ногайлинских казахов в борьбе с Абдуллахом. Совсем недавно почти без сопротивления пало Астраханское ханство. Теперь в Астрахани сидел воевода грозного русского царя и находился большой отряд стрельцов. Астраханские бии приняли подданство Москвы. Те, кто не согласился с этим, бежали в Крым, к Гиреям, а часть ушла к своим родственникам — ногайлинским казахам. Они-то и выступили против оказания помощи туркестанским султанам в их борьбе с эмиром Бухары. Бии и аксакалы из самого влиятельного рода мангит приняли их сторону.

— Нам нужны джигиты, чтобы отвоевать Астрахань у неверных!— говорили астраханские беглецы.— Главные интересы страны Ногайлы здесь, на путях к могучему крымскому хану. Признаем же его своим властителем и объединимся. А что нам за дело до Абдуллаха! Не хотим быть в Белой Орде!

Но большинство ногайлинцев не желали рвать родственных свя-

зей со своими братьями, и ногайлинские бии не могли открыто отказать в поддержке присырдарьинским казахам, боясь вызвать народный гнев. Поэтому они тянули с ответом, устраивали одно празднество за другим.

В четверг, семнадцатого числа месяца раджиб (7 августа 1582 года) Тауекель-багадур с плененным Латиф-султаном впереди спешился перед шатром эмира и бросил ему под ноги две головы: Баба-султана и его аталыка Джалмухамеда. Абдуллах-хан наклонился, пристально посмотрел, проверяя, нет ли обмана, перешагнул через них и подошел к стоящему на одном колене багадуру.

— Убивший врага становится ближе родственника!— сказал он, повторяя древнюю пословицу.— К моим единокровным братьям, султанам Убайдулле и Дустиму, прибавился третий — Тауекель. Даю тебе должность кушбеги и мое наследственное владение Африкент!

Везирь Хасен-ходжи одобрительно кивнул головой. Его воспитанник — святейший эмир Бухары поступал правильно. Такого багадура следовало связать родством и благодарностью. Почти все для него чужие в окружении эмира, и поэтому он будет служить трону и за совесть и за страх. А Африкент — самая отдаленная от Казахской степи местность в Бухаре...

— Благодарю, святейший эмир!— сказал Тауекель-багадур, поднимаясь с колена.

Головы врагов опустили в бочонки с медом, чтобы они обрели живой вид, и начался великий пир в честь гибели наиболее опасных врагов. В эту ночь защитники крепости слышали неистовые крики. Какой-то пьяный лашкар, подскакавший к стене, закричал, что это — последняя ночь жизни клятвопреступников из богом проклятого Саурана. На него сбросили сноп пропитанного маслом горящего камыша, и он закрутился вместе с конем огромным живым костром.

Наступило тихое утро. Впервые за много дней прекратился нечеловеческий грохот «черных дромадеров», и маленькие жаворонки, которых бесчисленное множество в этих краях, воспользовавшись передышкой, затеяли свой веселый хоровод над кустиками таволги, растущими между крепостью и осаждающими.

Трубы известили о восходе солнца, и сразу же вышел из своего шелкового шатра эмир Абдуллах, правящий неизмеримым Бухарским ханством от имени своего отца. Сразу же нестройной толпой подошли к нему везири, военачальники, султаны, бии и беки, склонили головы.

— О святейший эмир, наш хан и повелитель!.. Каковы будут ваши приказания на сегодняшний день?

Серые глаза Абдуллаха потеплели, рот тронула улыбка. «Чья же сегодня очередь?»— с тоской подумал Хасен-ходжа. А эмир повернул голову к Кульбабе-кокильташу:

— Вместе с сыном Баба-султана прогуляйтесь к стене, за которой укрылись наши друзья-сауранцы... Расскажите им обо всем. А если им покажется мало, придется подарить им голову самого Баба-султана. Правда, жаль расставаться с головой старого друга,

столько служившего нам. Даже скучно стало без его присутствия на белом свете.

Вскоре к главным воротам двинулась лошадь, на которой был бочонок с пахучим джизакским медом. Рядом в сопровождении двух лашкаров степенно шел Кульбаба-кокильташ. К хвосту лошади был привязан закованный в кандалы Латиф-султан. На верхней площадке главной башни города появились сын Баба-султана Абдысаттар и другой хаким Саурана — Жакбулат-торе. С ними находились несколько батыров, среди которых были и Кияк с Туяком. Увидев брата изможденным, закованным в кандалы, Абдысаттар на минуту прикрыл глаза руками.

— О наши братья, ибо все братья перед аллахом!— начал певуче Кульбаба-кокильташ.— У самых высоких гор тот изъян, что они лишены перевалов. Большие реки плохи потому, что нет через них переправ. Вы, достойные, знатные люди Саурана, имеете один недостаток — гордыню. Она, и только она, не дает вам возможности трезво взглянуть на мир и смириться с поражением. Как ни тяжело мне, но должен сообщить вам печальную новость. Баба-султан, которого ждете вы, уже прибыл.

— Где же он?

— Вы должны спросить, где его бренное тело... Оно похоронено в земле, и над ним стоит надгробие, как и полагается над могилой султана. А голова его в этой бочке с медом, чтобы не пропал румянец на его щеках!..

Второй раз прикрыл руками глаза Абдысаттар, услышав о смерти отца.

— Это правда, Латиф-султан?— спросил он брата.

— Правда...

— Вы слышали, правоверные, и не говорите потом, что не слышали!.. На кого же еще ваша надежда? Одумайтесь, братья, и запросите пощады у милостивого и святейшего эмира Абдуллаха! Принесите ему со смирением ключи вашего города, и он простит ваши прегрешения!

— А если мы не сделаем так, как советуешь ты, златоуст?— спросили с башни.

— Первым делом на ваших глазах будет зарезан вот этот султан Латиф, приходящийся братом тебе, Абдысаттар, а с ним и султан Тахир, который спит сейчас вместе с крысами-людоедами в зиндане!

— А потом?— спокойно спросил Абдысаттар.

— Потом мы станем пировать под вашими стенами до тех пор, пока последний из вас не издохнет от голода!

В этот момент звякнули оковы. Латиф-султан оттолкнул лашкаров и тяжело шагнул вперед.

— Не слушай их сладких речей, мой брат Абдысаттар, и вы, люди города Саурана!— громко закричал он.— Нас вы все равно не спасете, а себя погубите. Всем известно, что проклятый Абдуллах-хан поклялся не успокоиться до тех пор, пока не смешает вашу кровь в главном городском хаузе и не испьет оттуда!

— Назад, проклятый барс!

Оба лашкара натянули цепи, но не смогли стронуть с места Латиф-султана. Наконец они свалили его и поволокли назад, нахлестывая лошадей.

— Не верьте им!— кричал пленник.— Держитесь, и тогда придут к вам на помощь Яссы, Сайрам, Отрар, Архук... Вся степь придет!..

На другое утро также завыли карнаи, и эмир Абдуллах снова вышел из шатра. Он сделал знак рукой, и в тот же миг тяжело ударил «черный дромадер». Но вместо снаряда к осажденным полетел небольшой кожаный мешок. В нем были четыре головы: Бава-султана, Тахир-султана, Латиф-султана и аталыка Джалмухамеда...

Чтобы страшная начинка снаряда не разлетелась на куски от удара, отрубленные головы обвязали кусками толстой кошмы. А поверху была пришпилена записка, собственноручно написанная эмиром Абдуллах-ханом, предупреждающая, что всех сауранцев от мала до велика ждет такая же участь.

Защитники города похоронили головы казненных, как если бы хоронили их тела,— по всем правилам религии.

На городском майдане они поклялись защищать город до последнего дыхания. Другого пути у них не оставалось.

А в тот день хаким Абдысаттар, потерявший сразу отца и брата, призвал к себе обоих близнецов-батыров.

— Перед львами не скрывают правду, какой бы тяжелой она ни была. Замалчиванием правды подбадривают лишь жалких шакалов,— сказал он им.— Не более двух месяцев сможем оборонять мы Сауран. У нас же начинается голод. Но и у них не все хорошо. Вскоре хлынут дожди — холодные и непрерывные. А у эмира большинство войска из южных вилайетов. Им сейчас уже холодно в наших краях. К тому же по грязи и бездорожью не так-то легко станет им доставлять себе продовольствие. Думаю, что, если продержимся, эмир снимет осаду!

— А если не снимет?— спросил Кияк-батыр.

— Тогда мы все умрем!— коротко ответил султан.

Наступило тяжелое молчание. Кияк-батыр о чем-то упорно думал, глядя в землю. Потом поднял голову:

— У меня есть одна мысль!

— Говори, батыр!

— Юрта падает, если подрубить стойку...

— Ты... хочешь...

— Недавно я чуть не сделал этого.

— Как?

— Моя стрела летит обычно вдвое дальше, чем у других. Но аруак не позволил. Теперь я жалею... Нет, до эмира трудно добраться. Его стерегут, как проход в рай. А вот к одной из главных опор этого войска у меня найдется дело...

— О ком ты говоришь, батыр?

— О Тауекель-багадуре... В битве с кашгарцами у меня на руках умер хан Хакназар. Перед смертью он кое-что сказал мне об этом несчастном.

— Что же, дело твое, батыр. Тауекель-багадур, несмотря на молодость, правая рука Абдуллаха. К тому же за ним идут многие казахи. Их-то я больше всего и опасаюсь, потому что они привыкли к холоду и лишениям. Могут всю зиму простоять под нашими стенами.

— Мы пойдем, султан!

— Бог вам в помощь, храбрые казахские батыры!

В эту же ночь пять человек спустились на аркане со стены в ров и бесшумно поплыли к другому берегу. Они были в простых одеждах и затерялись среди шумного и многоплеменного военного лагеря, раскинувшегося вокруг города Саурана. Однако едва взошло солнце, маленький белый голубь взмыл прямо из окна комнаты жены хакима — Айнар-султан-бике и полетел за стены. Жена хакима приходилась родной сестрой Убайдулле-султану и сводной сестрой самому эмиру Абдуллаху. К обеду Убайдулла уже знал, что пять человек отправились к осаждающим, чтобы убить его самого, сына эмира — Абдумумина, везиря Хасен-ходжу и казахского багадура Тауекеля. В письме содержались приметы джигитов, которые должны совершить это. Вскоре трое были пойманы и тут же повешены. Четвертый, Туяк-батыр, вырвался из рук схвативших его лашкаров, под градом стрел переплыл ров и был поднят на аркане назад на стену. А пятому, Кияк-батыру, повезло больше. Он узнал, что Тауекель-багадур со своей тысячей и дополнительными войсками выступил в сторону Ясс, чтобы привести к повиновению мятежный город. Кияк-батыр отправился следом...

Однажды на рассвете спавшего в шатре полководца разбудил какой-то шум. Два джигита личной охраны ввели и толкнули перед ним на ковер связанного толстыми веревками человека. Однако человек устоял на ногах. Он смотрел в лицо багадуру Тауекелю с несказанным презрением.

— Ого!— сказал багадур, невольно берясь за ятаган.— Кто ты?.. Джигиты говорят, что ты замышлял что-то против меня!

Багадур принялся поигрывать ятаганом, легко перерезая пучки валявшихся в шатре лозинок.

— Я Кияк-батыр!..

— Не слышал что-то такого имени среди батыров. Вот про безродного разбойника Кияка, который непослушен воле наставника веры — эмира Абдуллаха, я кое-что слышал. Помнится, говорили мне, что этот проходимец нападает на ханские обозы, на стада...

Кияк-батыр усмехнулся прямо в лицо багадуру, все так же с презрением глядя на ятаган. Багадур невольно отбросил ятаган в сторону.

— У казахов обычно иначе называют людей, защищающих свое добро от грабителей,— сказал Кияк-батыр.— Не из наших ли со-

жженных кочевий гнали стада и везли обозы с добром эмирские собаки?!

«Что же, Абдысаттар знал, кого послать за моей головой,— подумал багадур.— Но почему у него такой ненавидящий взгляд? Что лично я сделал плохого этому джигиту?..»

— Как, ты сказал, зовут твоего отца?

— Жаубасар.

— Что же, и паршивый щенок называет себя волкодавом. Но убей меня бог, если слышал я и про батыра Жаубасара. Из какого он рода-племени?

— Из рода аргынских батыров.

— Сколько же тебе лет?

— Мой покойный отец говорил мне, что я родился в тот же год, когда родился и Тауекель — пасынок перевертыша Шагая!

Побледневший багадур ухватился за ятаган. Он быстрым шагом подошел к связанному Кияк-батыру и перерезал веревки.

— Садись, Кияк — сын Жаубасара!

Кияк-батыр опустился на кошму.

— Говори!

— Пусть уйдет стража!

Багадур сделал знак, и стража отступила за дверь. Лишь старый лашкар остался у двери с саблей наголо. Когда товарищи позвали его, он ответил, что боится за багадура и хочет быть готовым броситься ему на помощь.

— Говори, почему так ненавидишь меня?!

— За что любить мне тебя, багадур?

— Кого обидел я из твоих родственников?

— Разве не мои родственники жили в тех аулах, прах которых ты пустил по ветру, багадур? Разве не моих братьев продают сейчас в рабство на всех базарах мира? Разве не моих сестер опозорили твои лашкары, прежде чем продать их в чужие гаремы?!

— Я сам казах и с честными, послушными казахами не воюю! Лишь нашего общего врага Баба-султана настиг я и уничтожил. Разве он не убил детей того же Хакназара, которому ты до сих пор предан?

— Молчи, багадур! Ты родился в Казахской степи, от казахской матери. Что ты делаешь со своей родиной?.. И месяца не прошло с тех пор, как побывал я в своем кочевье. Пепел и кровь остались там. И мы с братом моим Туяком поклялись полной мерой заплатить за это страшное преступление! Разве не твой хозяин эмир Абдуллах сделал это страшное дело? Не ты ли его верный раб? Так отвечай!

Кияк-батыр прыгнул на багадура, и они покатились по кошме, как два барса.

— Разве не ты... Не твои друзья жгли наши аулы?!— шептал в ярости Кияк-батыр.— Ты идешь сейчас затопить кровью наш город Яссы и получить еще одну шубу с плеча эмира. Но не я, так брат настигнет тебя, убийца!..

Кияк-батыр не ел двое суток. Кроме того, он долго был связанным и потерял много сил в схватке с охраной. Багадур прижал его к кошме, подержал недолго и отпустил.

— Значит, ты и другие считают меня только изменником, который проливает родную кровь?— спросил он опять, словно ничего не случилось.

— Да... Но никто не удивляется этому. Когда приходит большая беда на родную землю, то такие сыновья рабыни, как мы с Туяком, защищают ее. А чего ждать от высокорожденных, да еще ставших приемышами, изменников!..

— Говори, батыр!— взревел Тауекель-багадур.— Говори, или я покончу сейчас с тобой и с собой. Я уже слышал что-то про свое рождение. Но мой отец Шагай...

— Он убийца, твой отец... Подлый убийца!— тихо сказал Кияк-батыр. Ему вдруг стало до боли жаль этого человека. Но он все равно расскажет ему тайну гибели его несчастной матери...

— Все... Все расскажи мне!— захрипел Тауекель-багадур, ухватив его за руку.

— Твою мать, как и подобает «белой кости», звали Куньсана, что значит «Подобная солнцу». Нашу с Туяком мать, как и подобает рабыне, звали Койсана, что значит «Подобная овечке». Но когда обрушивается на страну такое несчастье, как на нас, смерть не выбирает...

— Кто убил мою мать?!— глухо спросил багадур.

— Твой отец, которого называют Шагай-ханом...

— Говори!

Тауекель-багадур разжал пальцы, опустил руку батыра.

И Кияк-батыр рассказал Тауекель-багадуру тайну смерти Куньсаны.

— Да, значит, ты действительно не знаешь, что усыновивший тебя Шагай зарезал твою мать в день возвращения из Созака!

— Я... я помню только крик...— Голос у багадура вдруг стал чужим, тихим.— Она что-то кричала!..

— Хан Хакназар перед смертью велел мне, чтобы я рассказал тебе об этом, багадур. Не знаю, почему он этого хотел. Но когда я увидел, что ты с врагами, то решил попросту убить тебя!

— Почему же никто не рассказал мне об этом раньше?!

— Потому что всех, кто знал правду, Шагай-султан зарезал вместе с твоей матерью!

— Что же стало с твоей матерью, с Койсаной?— спросил вдруг багадур.

— Рабыню Койсану отдали в жены бедному и неродовитому батыру Жаубасару.— Кияк-батыр посмотрел прямо в глаза Тауекель-багадуру.— Мне нечего стесняться ни отца моего, ни матери!

Тауекель-багадур опустил голову:

— Какова же судьба твоих родителей?

— Батыр Жаубасар погиб в бою с напавшими на наше зимовье джунгарами...

— А... Койсана?

— Я нашел ее убитой на пепелище... Это сделали твои лашкары, багадур!..

Стоявший все время прижавшись ухом к резной двери лашкар вдруг отскочил в сторону. Из шатра вышли Тауекель-багадур и пленник. Взяв под уздцы одного из своих коней, багадур сделал знак не сопровождать его и пошел вместе с батыром в степь.

Далеко за лагерем остановились они, и багадур, ни слова не говоря, передал поводья Кияк-батыру. Тот вскочил на коня, но не трогался с места, глядя на багадура.

— Я когда-нибудь сам найду тебя в степи, батыр!— сказал Тауекель-багадур и, повернувшись, пошел к своему шатру.

Кияк-батыр привстал на стременах, тихо свистнул, и лента пыли закружилась, понеслась в открытую степь...

— Мой багадур, этот собака лашкар, убивающий стариков, слушал ваш разговор в юрте!— тихо сказал Тауекель-багадуру молодой джигит-каракалпак из его стражи.

Тауекель-багадур посмотрел на старого лашкара со шрамом на щеке. У того был подлый, заискивающий взгляд. Но багадур лишь махнул рукой и ничего не стал предпринимать...

Через три дня в шатер султана Шагая под Саураном неслышно вошел человек со шрамом. Он что-то долго рассказывал султану, и тот одобрительно кивал головой. Под конец султан бросил человеку кожаный мешочек с золотом. А когда лашкар повернулся, чтобы уйти, султан всадил ему кривой бухарский нож в поясницу.

— Много знающий раб перестает быть верным...— прошептал он и уже громким голосом крикнул:— Заберите эту падаль, пытавшуюся оклеветать моего сына Тауекель-багадура!

В полдень Шагай-султан склонил колено перед эмиром:

— Мой сын Тауекель-багадур хочет переметнуться к твоим врагам, мой повелитель-хан... Ты видишь теперь, какова моя верность тебе!

— Да, я знаю, что ты мне верен до конца. Кому ты нужен? Тебя никто больше не примет, кроме меня...— Абдуллах усмехнулся.— А сына своего Тауекеля определишь в мое сопровождение. Пусть будет поближе к нам!

Вошедший Хасен-ходжа увидел смеющиеся глаза своего повелителя и похолодел от страха. Чью смерть опять предвещает эта улыбка?

Ни эмир, ни Шагай-султан не знали того, что Тауекель-багадур в это время с небольшим отрядом верных людей отделился от главного войска и скакал на север, прямо в степь Дешт-и-Кипчак...

Еще два месяца простояли под Саураном лашкары эмира Абдуллах-хана. Сам он отбыл отсюда раньше, якобы из-за болезни своего отца Искандер-хана. Потом ушли и войска. Сауран выдержал осаду...

Странный свистящий звук возник где-то в голубом небе. Он все усиливался, быстро приближаясь, и пораженные, испуганные люди

невольно втянули головы в плечи, все ниже пригибаясь к земле.

— Это «черный дромадер»!— крикнул кто-то.

Но это была не камнеметная машина «черный дромадер», два века назад пытавшаяся сокрушить эти стены. Чугунное крутящееся ядро ударило в самый верх крепостной башни, отбив один из зубцов, и комья сухой глины посыпались вниз на толпу. Другое ядро перелетело стену и попало в середину площади, убив привязанного к колышку коня.

— Джунгары... Все на стены!

Это загремел голос подоспевшего Елчибек-батыра. Но люди и без того уже бежали каждый к своему месту на стене. На угловой башне выделялась могучая фигура кузнеца Науана — внука и правнука людей, из века в век защищавших Сауран от незваных пришельцев.

— О наш жырау, поберегите себя!— крикнул он, увидя, что Бухар-жырау вместе со всеми полез на стену.

Но вещий певец был уже наверху. Приложив ладонь к глазам, он жадно вглядывался в даль, туда, где за холмами разворачивалась страшная джунгарская конница. Двадцать поставленных джунгарам китайскими правителями пушек вели огонь по крепости, стремясь запугать ее защитников. Командовал джунгарскими пушками плененный некогда в стычке джунгар с русским отрядом унтер-офицер из шведов Ренат. А пять тысяч всадников на низкорослых монгольских лошадях под прикрытием пушечных залпов лавой мчались к стенам крепости. Но здесь уже все было готово к отпору, и, когда подскакали они, их встретили мушкетные выстрелы и град стрел. Горячее масло лили на них сверху, скатывали им на головы тяжелые камни. И все же сотни полторы джунгар из первой линии прорвались на стену. С двух сторон полезли они на башню, стремясь захватить ее. Если бы им удалось укрепиться в ней, судьба Саурана была бы решена. Но там встретил их отряд горожан во главе с кузнецом Науаном. И, словно наткнувшись на железную стену, посыпались в ров враги, изрубленные топорами и старыми дедовскими мечами-алдаспанами. Не жалея себя, схватывались с джунгарами защитники башни и падали вместе, разбиваясь о каменные выступы. С тыла врагов атаковали те из горожан, кто остался в живых на стенах, и опасность была ликвидирована...

Все так же несокрушимо стоял на верху башни Науан-батыр, но когда Бухар-жырау добрался до него, то увидел, что лицо у кузнеца совсем белое. Кровью было залито все вокруг, а в груди Науана торчал обломок тяжелой джунгарской пики. Непонятно было, как еще стоит он на ногах. Глаза кузнеца смотрели на жырау.

— О мой Науан!..

Бухар-жырау подхватил на руки Науан-батыра, бережно опустил его на камни. Он захотел вытащить вражеское копье из груди, но кузнец отрицательно покачал головой. Губы умирающего что-то шептали. Бухар-жырау наклонился к его лицу.

— Мой жырау... Вы... вы так и не закончили рассказ о моих предках... О Кияке...,

Руки батыра начали холодеть, и Бухар-жырау сложил их у него на груди.

А джунгарская конница уже отхлынула от стен славного города. Это был один из отрядов, попытавшихся с ходу овладеть Саураном. Первый штурм был самым сильным. Еще несколько раз бросались джунгары на приступ, но их уверенно отбивали. Увидя, что Сауран им не взять, они сняли осаду...

И зима, как всегда во время войны, была в том году неслыханно лютой. Уже в октябре затянуло льдом все степные реки и озера. Из-за своей мелководности многие из них промерзли до дна. Всю зиму бушевал, не переставая ни на день, свирепый буран. В редкие промежутки, когда устанавливалась тишина на земле, небо стояло красным от жгучего мороза. Даже волки кочепели в степи в эту зиму. Что уж тут было говорить о людях и овцах. Неимоверно трудно приходилось кочевникам-казахам. Но не легче было и чужеземцам-джунгарам. Словно в наказание, погиб весь награбленный в казахских и киргизских аулах скот. Джут напал на не привыкших к местным условиям джунгарских лошадей.

Еще страшнее оказалась весна. Джут перебросился в степь, и смерть косила людей и скот от Каспия до Алтая. Уцелевшие аулы откочевывали к северу, где можно было что-нибудь выменять в приграничных российских городах и как-то перебиться. В сказаниях остались эти годы как «времена великого бедствия».

Лишь на третий год опомнились казахские кочевья от страшной беды. Отдельные отряды батыров начали одерживать первые победы над нойонами Сыбан Раптана. Самую первую победу над врагом одержал Тайлак-батыр из Младшего жуза со своим племянником Саныраком-батыром из Большого жуза. Битва произошла в междуречье Буланты и Буленты, впадающих в реку Сарысу, а место это до сих пор называется Калмак кырлган — «Место смерти джунгар».

Тогда же вся степь заговорила и о восемнадцатилетнем вожде, который не переставая тревожил джунгар, неожиданно нападая на их отряды и уничтожая их полностью, до последнего человека. Пощады он не ведал. С безудержной отвагой бросался он в бой, и клич его был «Аблай!». Джунгары уже стали бояться этого имени, а при встрече с ним хан Абулхаир узнал в нем того самого подростка-пастуха, которого встретил как-то, заблудившись в тугаях Сейхундарьи с Бухаром-жырау. Из знатного рода оказался этот юноша, и все говорило за то, что у Абулхаира на пути к власти над всей степью появился еще соперник...

Вскоре произошла знаменитая битва при озере Алакуль, на юго-восток от Балхаша, на Анракайских сопках, в которой объединенное казахское войско всех трех жузов во главе с ханом Абулхаиром разгромило уже крупные силы самого джунгарского контайчи, и джунгарские всадники вынуждены были бежать вниз по реке Или к своим стойбищам. Это могло стать началом конца джунгарского нашествия на страну казахов. И как всегда, помешала этому межро-

довая рознь. Она всегда начиналась среди племен, едва улучшалось общее положение...

Умер хан Булат. По всему было ясно, что во главе всех казахов должен стать хан Абулхаир. Его победы над джунгарами, боевой опыт и авторитет среди воинов были неоспоримы. Но по оставленному чингизидами завещанию не имел права стать великим ханом отпрыск младшей ветви. На белой кошме был поднят старший сын хана Булата — Абильмамбет. Обидевшийся Абулхаир увел свое войско к берегам Иргиза — на земли Младшего жуза. Ушел с большинством своего ополчения и хан Самеке, тоже рассчитывавший на великий ханский престол. Снова осталась беззащитной казахская земля...

И только отдельные батыры со своими отрядами создавали какой-то заслон откормившемуся и готовому к новым захватам войску кровавого контайчи Сыбан Раптана. Среди этих батыров был и славный Кабанбай с двумя сотнями джигитов. Зимовал он в Казалинске, при бывшей ставке Абулхаир-хана, а летом нападал на джунгарские разъезды, доходя порой до самого Туркестана. Стремя в стремя с ним всегда скакала Гаухар — «Девушка-жемчужина», которую знала вся степь. Уже слагали песни о том, как она спасла казахское войско от верной гибели, предупредив о джунгарах. Она стала верной подругой батыра.

Пусто и холодно было в степи. Ветер срывал с недалеких барханов тучи песка и швырял их в лицо. У самой кромки такыра, где начинались пески, обнажилась целая гора черепов. Кости были старые и, по всему видно, не один век пролежали в земле. Кто совершил здесь когда-то убийство: нукеры Чингисхана, абулхаировские сарбазы или же произошло это еще раньше, и клинки шуршутских карателей лишили жизни стойбище?

А сразу за холмом лежали совсем белые кости. Обрывки одежды трепетали на ветру, и все было присыпано еще не успевшим развеяться пеплом. Здесь уже ясно было, что убили людей солдаты контайчи. В прошлом или в позапрошлом году случилось это. В этой древней земле, как и в душах людей, прошлое перемешалось с настоящим, и не знаешь порой, где заканчивается одно и начинается другое. Неизменно только одно — убийство... Бухар-жырау огляделся, посмотрел на небо. Один, как обычно, ехал он через степь. В дороге одному лучше думалось. И степь, тут и там обнажая похороненные в ней кости, без всяких прикрас рассказывала свою историю.

Стало темнеть. Жырау расседлал коня, устроил возле куста саксаула заслон от ветра и улегся на потник, прикрывшись старым халатом. Ветер свистел над головой, и поэту не спалось. Вещий певец смотрел в темное, мглистое небо и думал о судьбе родного края.

Забыто древнее искусство письма в его народе, но жива и несокрушима память. На ней держится все, и поэтому столь почитается искусство жырау. Он и певец, он рассказчик и хранитель всего того прошлого, без чего не бывает народа. В разных краях необозри-

мой Казахской степи уже поют стихи из его сказания об осаде джунгарами древней каменной твердыни — Саурана. Уже прибавлены новые слова, а многие и не знают, что это его сказание. Да, беззаветная стойкость таких, как Науан-батыр, помогла отстоять Сауран. А еще помогли порох и мушкеты, привезенные русскими купцами. Если бы каждый казахский город имел такие мушкеты, то можно было бы поспорить с шуршутскими пушками...

Все дело в том, найдется ли человек, способный объединить сейчас казахов для отпора врагу. Для этого надо переломить хребты бесчисленным родовым биям и султанам, каждый из которых сам хочет сесть на ханский трон. Есть ли в степи человек, способный справиться с такой задачей... Жырау невольно вздрогнул. Как живой, встал перед ним юноша в рваной одежде табунщика, но с холодными, жестокими глазами. Уже катилась слава по степи о его подвигах, и трижды проклятое имя Аблая — кровавого деда этого юноши — называлось при этом...

Да, достойное начало для торе-чингизида. Хладнокровно зарезал этот юноша своего верного старого раба, спасшего ему жизнь, а потом, чтобы никто не сомневался в его намерениях, взял себе имя деда-кровопийцы, которым матери пугают детей в казахских кочевьях. Может быть, и нужно, чтобы в этот жестокий век именно такой человек пришел к власти?..

Бухар-жырау тяжело вздохнул. О, сколько крови еще прольется на родной земле! Юный чингизид настойчиво просил тогда его рассказать о прошлом, и он рассказал ему о временах, когда из-за междоусобиц стала разваливаться Белая Орда. И о том же самом просил рассказать его павший на стенах Саурана кузнец Науан-батыр. Но по-разному смотрят они на прошлое. Кузнецу он рассказал о его предках — славных батырах «черной кости» — Кияке и Туяке. Султан осудил Кияка, а Науан пошел на смерть с его именем на устах! Значит, есть две истории — одна для султанов, другая для простолюдинов. Какая из них правильней?.. Что смогут сделать самые жестокие и хитрые султаны на свете без таких вот беззаветных батыров, как Науан!..

Так и не успел он рассказать до конца кузнецу о его славных предках — Кияке и Туяке. Но он расскажет о них людям. Пусть они решат, чей род по-настоящему славен — великих султанов или род кузнеца Науана...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Если на западе казахской земли пока было относительно спокойно, то на северных рубежах происходили события, которые все больше и больше влияли на положение в Казахском ханстве. Там, в суровой бескрайности Сибири, издавна не существовало единой устойчивой власти. Туда после межплеменных стычек и войн уходили обиженные и побежденные роды не только из Казахской степи, но задолго перед этим из Казанского и Астраханского ханств, из Башкирии и с древних волжских земель. Все больше и больше убегало туда рабов, разноплеменных пленников, а в последнее столетие — бежавших от русских бояр и князей холопов. Видно, не сладко приходилось людям под властью грозного русского царя, потому что целыми селениями снимались с насиженых мест и уходили за Уральские горы, в неведомые края крестьяне-землепащцы. Но больше всего бежали из России поодиночке люди, преследуемые свирепыми царскими законами, беззаконной опричниной. Они были разных национальностей, но быстро находили общий язык, объединялись в дружины и принимали имя казаков. Этим воспринятым у казахов древним именем они подчеркивали свою вольность и желание жить по законам военно-кочевой демократии. Сама структура и должностные названия в казачьих дружинах, а затем и в войсках повторяли древние казахские военно-родовые формирования.

Десятки и сотни таких больших и малых дружин гуляли по Сибири, по примеру кочевых родов совершая набеги, вступая в стычки друг с другом, смешиваясь с местным населением и постепенно оседая на захваченных землях. Царское правительство живо поняло, какую выгоду можно извлечь из этого. Не в силах само справиться с буйными казачьими дружинами, оно стало использовать их для завоевательной политики и охраны границ. Именно разнородность и разноплеменность казачьей вольницы облегчали дело покорения Сибири.

К тому времени, когда подняли Тауекеля-багадура на белой ханской кошме, по всей северной границе степи уже было известно имя «Строганы». Так в степи называли купцов Строгановых, которым русские цари предоставили на откуп просторы Сибири. Строгановы нанимали к себе на службу вольные казачьи дружины, а зачастую и казахские отряды для охраны своих торговых караванов и складов. Вскоре по всей пограничной линии выросли первые торговые городки. И хоть давали в этих городках крайне малые цены за привозимые кочевниками товары, степь получила наконец новый выход на широкие рынки. Уже не одна Бухара контролировала все пути и цены на шерсть, кожи, полезные ископаемые. В свою очередь, на приграничных базарах кочевники могли приобрести все необходимые им товары.

Зато на востоке степи все сильнее сгущались тучи. На бульдога, вцепившегося в горло и не отпускающего свою жертву, были похожи

джунгарские контайчи. И бульдог этот медленно, настойчиво, с каждым летом все ближе добирался до главной вены на шее страны казахов. Не только казахи, но все другие народы вокруг чувствовали смертельную угрозу. За джунгарскими контайчи двигался древний и страшный враг. Уходили в недоступные джунгарам горы киргизские кочевья, свертывали свои дела узбекские и таджикские купцы, потеснились каракалпаки, вынужденные дать место отступавшим казахским аулам. Среднеазиатские ханства притихли, почувствовав угрозу нашествия на свои оазисы. А джунгарские контайчи теперь уже поглядывали и на сибирские города...

Но российские дипломаты внимательно следили за всем, что происходило в великой степи на юго-восточных пограничных линиях. Крайней осторожностью отличались их действия. Казалось бы, в это тяжелое для страны казахов время, когда с востока на нее навалилась джунгарская беда, на западе — в устье Волги — в лице калмыцких ханов поджидала другая, с севера донимали набегами башкирские мурзы, а на юге ни на день не прекращалась вражда со среднеазиатскими ханствами, самое время было для какой-нибудь другой державы вмешаться в дележ и отхватить себе наиболее лакомую часть пирога... Так бы, очевидно, и поступили допетровские русские политики. Но, начиная с Петра, России суждено было играть более значительную роль в делах Востока. И пути этой большой политики скрещивались с путями других великих держав уже на четырех океанах. Здесь, в сердце Азии, они были намечены явственными, четкими пунктирами. Пока что Россия ждала развития событий, укрепляя торговые и дипломатические отношения со всеми странами этого района.

Батыр Богембай резко повернул коня назад. Косматый гнедой жеребец — от порога до красной стены юрты длиной,— тяжело кренясь и сдерживая ход, сделал полукруг и понесся обратно, выбрасывая из-под каждого копыта комья земли, равные величиной площади походного костра. Лишь ветер свистел в пустой степи да с каждым скачком богатырского коня гулко отзывалась и словно охала земля...

Вон он, Шуно-Дабо, джунгарский багадур, тоже заметил казахского батыра и таким же мощным рывком руки поворачивает своего белого косматого великана-коня. На полном скаку проносятся они друг мимо друга, едва не коснувшись стременами. В клубах пыли поднялись и опустились тяжелые дубины-палицы с окованными железом головками. Тяжкий стук, будто две гранитные скалы столкнулись в небе, послышался в степи, и далеко отлетели сломанные дубины.

А батыры уже снова поворачивают коней. Никто не видит этого поединка, но тем неистовей схватка. Снова мчатся они навстречу друг другу, вздметая пыль, но теперь уже не палицы в их руках, а тяжелые сверкающие мечи-алдаспаны. Гром ударов и скрежет раздался при их сближении. Но теперь уже не разъехались батыры, а закружились один возле другого, высекая искры. Когда же притупились старинные мечи, батыры снова разъехались и натянули луки, стре-

мясь достать стрелами вражескую плоть. Но и это никому из них не удалось. Равными по силе и мужеству оказались они.

Уже дважды можно было подоить кобылу за то время, что сражались они. Батыры устали, пот заливал глаза, тяжко поднимались руки в железных доспехах. Да и кони еле несли своих тяжелых всадников. Тогда они слезли с лошадей и бросились друг на друга с кинжалами. Вскоре и кинжалы выпали из стиснутых противником рук, и они принялись голыми руками душить один другого...

Совершенно обессиленные, они лежали рядом на голом холме. Потом, ни слова не говоря, один из них поднялся и поплелся к своей лошади. То же сделал и другой. Батыры не смотрели друг на друга, пока не поднялись в седла и не отвернули друг от друга лошадей. Только отъехав на несколько шагов, они разом, как по команде, оглянулись.

— Богембай-батыр, совесть наша чиста...— сказал Шуно-Дабо.— Поединок наш был честным, как в древних песнях. А впредь пусть будет так, как кто сумеет. Берегись, не попадайся мне больше один в степи!..

— Да уж и ты не удивляйся, если застану тебя врасплох!— ответил Богембай-батыр.

И они разъехались в разные стороны.

Они давно знали друг друга — казахский батыр Богембай из канжигалиевской ветви рода аргын и джунгарский багадур Шуно-Дабо. На два конных перехода друг от друга стояли их стойбища. И вот уже несколько лет, с тех пор как, по рассказам людей, шуршуты стали теснить джунгар где-то на востоке, Шуно-Дабо что ни лето начал появляться на казахских выпасах. Как подлинный багадур, он чаще всего ездил в одиночестве. И так же в одиночестве угонял он целые табуны лошадей у казахов, а при случае увозил и пленных. На перехват таких одиноких багадуров и уезжали надолго в пограничную степь смелые казахские батыры. Три раза встречались в чистом поле Богембай-батыр и Шуно-Дабо, и все безрезультатно. Теперь они решили отказаться от древних правил, по которым противник предупреждается о вызове на бой. Подобно зверям, решили они охотиться друг за другом.

Лишь через пять лет снова свела их судьба... Большое казахское ополчение скрывалось в бесчисленных оврагах поймы рек Арысь и Бадам. На горе Орда-басы, неподалеку от главных сил неподвижно стояло несколько всадников. Впереди на белом аргамаке сидел снова приведший свое войско для борьбы с джунгарами хан Абулхаир. Он прекрасно понимал, что если сомнут окончательно джунгары сейхундарьинские и приаральские казахские кочевья, то земли Младшего жуза будут взяты в тиски. С одной стороны на них навалились бы приволжские калмыцкие ханы, с другой — конница самого контайчи.

Сразу за ханом Абулхаиром сидел на своем верном гнедом батыр Богембай. Внизу, у подножия, с подсменными конями в поводу, ждали

сигнала двадцать ханских гонцов. В этот день здесь и произошла знаменитая битва, в которой казахам опять удалось разгромить джунгарского контайчи. Решающего значения эта битва тоже не имела, но на некоторое время все же ослабло давление джунгар на казахские земли.

Битва при Бадаме была кровавой и яростной. Многие тысячи воинов полегли с обеих сторон. Обе стороны все хотели перехитрить друг друга, и один за другим высылали в бой спрятанные в засаде отряды. Схватка превратилась в большую кровавую мясорубку...

Вот тогда на левом берегу Бадама и встретились в последний раз батыр Богембай с нойоном Шуно-Дабо. В песне-сказании о их битве рассказывается, что казахский батыр своим шестигранным копьем пробил железные доспехи и кольчугу джунгарского багадура, нанеся ему в грудь смертельную рану. Но белый конь вынес багадура из битвы и переплыл с ним бурную студеную реку. Недалеко от противоположного берега умирающий нойон оглянулся назад. Его старый враг — казахский батыр Богембай стоял там, оперщись о лук. Несмотря на условия между ними, батыр не стрелял, так и не пожелав нарушить древние правила боя. Потом нойон Шуно-Дабо посмотрел на свой берег и закричал от предчувствия смерти. На берегу стоял его племянник Галден-Церен с кованой палицей в руке. И когда умный конь достиг берега и багадур Шуно-Дабо сполз с коня, будущий контайчи Галден-Церен раскроил ему череп. Бурные волны реки понесли тело прославленного джунгарского багадура ногами вперед в Казахскую степь...

Галден-Церен проводил глазами плывущее тело того, кто по праву должен был стать главным джунгарским контайчи после смерти престарелого Сыбан Раптана.

— Нет тебя больше на моей дороге!— промолвил он и повернул коня от реки.

Не успел он отъехать и на выстрел из лука, как ему встретился другой нойон.

— Смотри, Галден-Церен, вон скачет конь Шуно-Дабо без хозяина!— закричал он.— Где же храбрый нойон Шуно-Дабо? Неужели закатилась его звезда?!

— Не думаю,— холодно ответил Галден-Церен.— Может быть, славный джунгарский конь оказался вернее своего господина!..

Так впоследствии и появилась легенда о том, что в Казахской степи скрывается до поры до времени законный претендент на бунчук контайчи. Из века в век рассказывают ее в калмыцких и алтайских кочевьях...

А честное сердце батыра Богембая не знало покоя. Пусть по отношению к врагу совершилось на его глазах лютое предательство, но он видел смерть Шуно-Дабо от руки Галден-Церена, и ему невольно казалось, что сам он замешан в подлом убийстве. Никому не рассказывал он об этом, пока не свела его судьба с Бухаром-жырау.

— Скажи, правдолюбец-жырау, почему волки по отношению друг к другу честнее людей?— спросил он и рассказал о смерти джунгарского багадура на берегу реки Бадам.

— Люди становятся хуже волков, когда идут на волчье дело,— ответил Бухар-жырау.— Разве не волчьим делом заняты сейчас в нашей степи джунгарские нойоны? Вот и по отношению друг к другу они хуже волков. Но бывает и наоборот, когда доброе дело возвращает озверевшему человеку его человечий облик. Ты слышал сказание о султане Тауекеле?..

— Да, по всей степи рассказывают твою повесть о том, как, услыхав от Кияк-батыра правду о себе, бросил султан Тауекель, сын Шагая, неправое войско бухарского эмира Абдуллаха и возвратился в родную степь...

— Я не успел когда-то досказать эту повесть славному батыру Науану — правнуку Кияка. Было это на стенах Саурана, и джунгарское копье вошло ему в грудь.

— Доскажи ее мне, жырау!

Ночь была над степью, и ни одной звезды не светилось в черном холодном небе. Вдвоем сидели они у маленького походного костра: великий жырау и славный батыр.

— Хорошо,— сказал Бухар-жырау.— Слушай и ты поймешь, что от того, на какое дело идет человек — доброе или недоброе, зависят и все его поступки...

Казахская степь ждала спасителя. И волки сбиваются в одно стадо с оленями и бегут вместе, спасаясь от страшного степного пожара или наводнения. Подобно такому пожару или наводнению хлынули с разных сторон в степь враги. Только Тауекель-багадур, объединивший вокруг себя многочисленную родню умершего к тому времени султана Шагая, представлял какую-то силу. И был он из рода Джаныбека и Касыма, оставшихся в народной памяти ханами-объединителями...

Как в старых легендах, курились горы на востоке, предвещая неслыханные беды. Все больше племен и родов откочевывало подальше от Джунгарских ворот. Но по всей южной границе степи хозяйничал старый и беспощадный враг, с которым следовало бороться сегодня. И новый хан Тауекель вступил в схватку с этим врагом.

Пока Тауекель собирал по степи осколки Белой Орды, бухарский эмир Абдуллах не дремал. Сразу же после смерти Искандер-хана и своего официального воцарения на бухарском престоле он с неслыханной жестокостью подавил народное движение в Ташкентском вилайете, совершил кровавый поход против городов Восточного Туркестана и Кашгарии, а на юге и западе захватил Хорасан и Хорезм. Оставалось покорить лишь города Западного Туркестана — вниз по течению Сейхундарьи. Как кость в горле, мешали они его покою. Жители этих городов были испокон веков связаны с кочевой степью, получали оттуда непрерывную помощь, и сладить с ними было трудно. К тому же, как всегда это случается, начались серьезные распри между старающим ханом и его молодым и настойчивым наследником Абдумумином. Опираясь на подвластный ему Балх, Абдумумин за-

хотел свергнуть отца или править от его имени всем ханством, как правил когда-то сам Абдуллах при живом отце — Искандер-хане. Лучшую часть своих войск вынужден был держать старый хан на границе с Балхом.

Именно это позволило Тауекель-хану укрепиться в степи и обрести влияние на политику в Туркестане. Особенно усилились его позиции, когда к нему без всяких оговорок присоединился младший сын Шагая — подросший Есим. Даже те казахские роды и племена, которые не признали Тауекеля своим ханом, вынуждены были считаться с ним.

А положение в степи становилось все сложнее. Теснимые и натравливаемые богдыханом ойротские контайчи все чаще совершали набеги на смежные казахские кочевья. С присущим им коварством китайские чиновники разжигали национальную вражду между кочевыми народами, отбирая у них лучшие земли. Обессиленные в междоусобной борьбе, эти народы не могли оказать длительное сопротивление регулярной китайской армии. Медленно, но верно дракон подползал к границам Казахской степи. Надеяться, даже в будущем, на поддержку хана Бухары не приходилось. Да и могло ли оказать такую поддержку раздираемое непрерывными смутами Бухарское ханство? И невольно новый казахский хан Тауекель, следуя советам наиболее дальновидных аксакалов, прислушивался к тому, что происходило на северной и западной границе степи.

Нет, пока что никаких угрожающих действий не видел хан Тауекель со стороны могучего соседа. А то, что дружба с ним будет крайне необходима в предстоящих столкновениях с выполняющими волю богдыхана джунгарскими контайчи, говорили уже в один голос аксакалы разных родов и племен. Да и в ближайших битвах с Абдуллахом нужно было иметь обеспеченный тыл...

А взаимоотношения с северным соседом налаживались и сами собой. В результате пограничной смуты было схвачено в городе Тюмени и отправлено в Москву несколько родовитых людей и среди них племянник самого Тауекель-хана Оразмухамед. Дело в том, что еще отец Оразмухамеда — известный в степи Онай-батыр поступил на службу к русскому царю и оказал затем немало услуг Борису Годунову. Так или иначе, а хан Тауекель направил специальное посольство к царю с просьбой об освобождении племянника. Царь не освободил Оразмухамеда, но и не казнил его, а вскоре сделал владетельным ханом города Касимова. Таким образом в окружении самого царя у Тауекель-хана оказались близкие люди.

Теперь можно было начинать старый спор с ханом Абдуллахом за туркестанские города. Это нужно было делать, пока находились в ссоре старый тигр Абдуллах и его многообещающий сын Абдумумин. Словно ветер в пустыне, переменчива политика Бухары. Кто знает, в какую сторону подует завтра этот ветер! Пока что уже начали гулять слухи в степи, что в Хиве и Самарканде собирают джигитов для какой-то новой войны. Вряд ли так далеко зашла междоусобица между отцом и сыном. А что, если, помирившись, обрушатся

они всеми силами на неокрепшее Казахское ханство? Всегда лучше иметь при себе ключ от ворот родного дома. А ключом этим, как и во все времена, были туркестанские города-крепости.

Древний город Яссы теперь так и называли — Туркестан. Хан Тауекель сделал его своей главной столицей. Ханский дворец стоял в густом тенистом парке неподалеку от гробницы Ходжи Ахмеда Яссави. И хоть не походил этот дворец на роскошные дворцы Бухары и Самарканда, но толстые стены из жженого кирпича спасали от грозной туркестанской жары, а письмена из Корана по стенам и карнизу не давали погрязнуть в грехе и невежестве. Все как у других ханов.

Сразу было видно, что город готовится к войне. На всех площадях разбиты шатры, по улицам скакали вооруженные люди, днем и ночью не утихал грохот в кварталах оружейников. Да и вокруг города, в многочисленных пригородах — дехах и рабатах — размещались все новые отряды, прибывающие из степи. Джигитов можно было угадать по одеждам и вооружению. Из ближайших присырдарьинских городов и селений ехали люди с кривыми хивинскими саблями и ятаганами, семиреченские и таласские воины имели притороченные к седлам пики, а в отрядах, прибывающих с северных границ и из страны Ногайлы, тут и там виднелись русские стрелецкие пищали...

Больше ста тысяч воинов собрал хан Тауекель вокруг Туркестана. На большом ханском совете, созванном по древней традиции, войско было разделено на три части. Правое крыло возглавил младший брат Тауекель-хана — батыр Куджек, а левое крыло — другой его брат, Есим-султан. Центром и всем войском командовал сам хан Тауекель. При каждом военачальнике, как обычно, имелись опытные советники, так что юность полководца не служила помехой. Главное, чтобы он был из ханского рода.

Решено было самим ударить на Ташкент и Самарканд, чтобы лишить Абдуллаха резервов и возможности маневра. Пока основные его силы придут на помощь, следовало взять эти города и только потом пойти на переговоры. Вряд ли сможет в нынешних условиях эмир Бухары пойти на большую войну. К тому же эти города неслыханно разрослись, и цитадели их превратились в островки посреди моря. Стены их давно не ремонтировались, а во рвах не хватало воды. А самое главное, жители городов давно уже роптали на неслыханные налоги, принятые в Бухаре, и втайне завидовали полусамостоятельным городам Северного Туркестана. Из года в год бежали из Ташкента и других городов люди в степь, оседали на границах. Тауекель-хан, сам когда-то служивший Бухаре, прекрасно был осведомлен об этом и решил до конца использовать народное недовольство бухарским игом. Чтобы не вызвать брожения среди городского населения Туркестана, он запретил даже вводить здесь военный налог, который собирали по всей степи.

Ночь накануне выступления в поход хан Тауекель провел в покоях своей любимой жены Акторгын. Да, той самой Акторгын — вдовы Хакназара, отданной теперь ногайлинцами новому хану. Он был уверен в быстрой победе и никогда еще не чувствовал себя таким могущественным. Но, садясь за утреннюю трапезу, хан получил какую-то недобрую весть. Не удостоив приглашения никого из подчиненных, он послал за своим любимым певцом и прорицателем Жиенбетом-жырау.

Сотворив необходимую молитву, хан кивнул своему везирю:

— Пусть войдет жырау!

Несмотря на то что ему едва перевалило за тридцать, Жиенбет-жырау носил большую, с проседью бороду, оттенявшую его бледное, словно неживое лицо. Шапка на его голове не горела красным огнем, как в дни юности, а была из меха невзрачной каратауской лисицы. И кафтан был поношенным, протертым на рукавах. Лишь домбра, украшенная перьями филина, блестела словно новая. Чувствовалось, что знаменитый жырау специально обновил ее перед отъездом из родного Казыкурта в далекую ханскую столицу Туркестан...

Жиенбет так и не стал ханским поэтом. Изредка наезжал он к хану Тауекелю. Но хан ценил его больше других, ибо не мог забыть, как скитался, гонимый по степи, и юный жырау оказал ему огромную услугу, первым из признанных певцов возвеличив его перед страной Ногайлы. Как говорится, «тот, кто первым открыл лицо невесты в день свадьбы, на всю жизнь остается для нее родным». Бурно протекала жизнь певца. Уже на следующий день после вознесения Тауекеля на белой ханской кошме жырау Жиенбет исчез, будто растворился в необозримой степи, которая одна была его постоянным домом. Поскакавшие по поручению самого хана в разные стороны гонцы так и не нашли его. Но не прошло и двух лет, как великого певца приволокли к хану на аркане, требуя суда над ним. Выяснилось, что жырау осмелился влюбиться в семнадцатилетнюю красавицу Есенбике — дочь самого богатого бая из могучего рода бай-улы. Хоть и имел Жиенбет-жырау неслыханный голос и славился по всей степи, но ничего не было у бедняка, кроме единственного коня и верной домбры. Чтобы не платить калым, жырау с согласия красавицы выкрал ее и увез в горы Индира. Посланная родственниками невесты погоня схватила беглецов, но, зная особое отношение хана к нему, отец не посмел самолично расправиться с виновным. Жырау за нарушение незыблемых законов предков приволокли на суд к самому хану.

— Что ты натворил, жырау?— сурово спросил у него хан.

— Разве может отвечать на вопросы певец со связанными руками?!— ответил тот.

Хан приказал развязать ему руки, и тогда Жиенбет-жырау схватил висевшую на стене домбру и спел песню, которую до сих пор помнят в аулах:

В осенние хмурые дни, налитые летним соком,
Пьянеют бараны и косматые верблюды.

В весенние бурные дни, разгоряченные первым солнцем,
Пьянеют могучие быки и крепкогрудые кони.
Певца пьянит любовь круглый год —
В неистовый зной и в лютую стужу...
Вечно пьяный от любви, оказался я перед тобой.
Вот моя голова: убей Любовь, мой хан!..

Тауекель-хан улыбнулся.

— Как я понял, пьяны были оба,— сказал он отцу невесты.— Какая слава пойдет о тебе, если запорешь дочь вместе с зятем? И разве склеишь разбитую пиалу? А в том, что она разбита, ни у кого нет сомнений. Не лучше ли простить!..

Но все же, боясь байского гнева, жырау со своей юной женой так и не вернулись в родной аул, а стали жить особняком от людей у подножия горы Казыкурт. Прославился он тем в народе, что никогда не выезжал на богатые свадьбы. Зато не случалось в округе ни одной свадьбы безродного батыра или бедняка джигита, в которой не принял бы он участие. Даже в ханском дворце, где спасли ему жизнь, не был он частым гостем. Именно этого человека, пользующегося всеобщей любовью у простонародья, и пригласил сейчас к себе хан Тауекель. Да и по древним неписаным законам следовало перед боем спрашивать совета у вещих певцов.

Сделать это было нетрудно, ибо народный жырау прибыл вчера к Туркестану вместе с отрядом джигитов, который привел из Младщего жуза его родственник батыр Жолымбет. Жиенбет-жырау вошел и лишь слегка склонил голову перед ханом. Это было его право, и хан Тауекель благосклонно кивнул певцу:

— Садись на подушку, мой жырау!

— Я пришел по твоему зову, хан!— сказал Жиенбет, сев перед властителем.— У тебя появились какие-то заботы...

— Расскажи раньше, как ты доехал, мой жырау. Хорошая ли была дорога?

— Что певцу дорога!

— И все же расскажи. Мне не мешает знать, что говорят и думают люди в дороге.

— Да, ты прав, мой хан. Ибо самый лучший хан все равно любит слышать только хорошее. Кто же скажет тебе правду, если не я...

— Говори, жырау!

— Люди на всех степных дорогах говорят, что недоброе дело затеяно тобой, хан Тауекель. Они идут сюда по твоему зову, чтобы защитить свои города и земли от кровавого Абдуллаха. А здесь, оказывается, готовится поход на чужие города. Люди говорят, что никогда ни к одному народу не приходило счастье от владения чужим. Смерть и пожары несешь ты в Ташкент и Самарканд, где живут наши самые близкие родственники. Все это вернется сторицей обратно в степь, и будет гореть она от одного края до другого...

Хан побледнел, но ни один мускул не шевельнулся на его лице.

— Говори, жырау!

— Люди говорят, что трава даром пропадает в степи, а ее надо заготавливать на зиму для скота. Война оторвет людей от нужного

дела. Джут и бескормица снова придут в нашу степь. Хану и султанам нужна эта война. Их влекут богатые дворцы и гаремы Бухары. Что людям от этой войны?!

— Говори, жырау!

— Нет, я не скажу тебе, мой хан, имена людей, которые говорят это!

— Не надо, жырау!— Хан поднял правую руку.— Их приведут сейчас сюда, и ты сам решишь, правы ли они в своих сомнениях.

Тауекель-хан сделал знак, и послышался тяжкий звон цепей. Полтора десятка стражников ввели в зал двух батыров. Руки и ноги их были закованы. Жиенбет-жырау привстал от волнения. Он узнал обоих батыров. Это были знаменитые братья-близнецы Кияк и Туяк. Только недавно хан произвел обоих братьев в мынбасы — тысячники. Верой и правдой служили они Тауекель-хану, пока склеивал он осколки Белой Орды. Жизнью своей был обязан Кияк-батыр хану. И вот теперь братья-батыры провинились перед ним.

— Вот они, люди, сеющие смуту среди воинов накануне боя!— указал на них хан.— Правильно сказано: «Из песка не склеишь камня, из рабов не составишь ханство!» Как будто одна лишь рабская кровь прольется в завтрашних битвах! Мало ли ляжет в боях «белой кости»! И можно ли без войны создать государство!

Мудрый жырау сразу определил, в чем дело. Горой возвышались среди рослых ханских стражников народные батыры. На плечах у каждого из них легко бы уселось по одному обыкновенному человеку. Несмотря на то что были они в цепях, держались оба независимо. Да и воинские знаки тысячников не были спороты с их одежды. Не так уж глуп и недальновиден был хан Тауекель, чтобы перед таким походом по-настоящему ссориться с людьми, которых любят в народе и войске...

Хан сделал знак, и стража вышла.

— Если бы я сам не знал вас, то решил бы, что звон золота эмира Абдуллаха слышится в ваших речах!— сказал Тауекель-хан, обращаясь к батырам.

— От души благодарим, наш хан, что сразу не приказали отрубить наши глупые головы!— сказал Кияк-батыр, и в голосе его послышалась насмешка.

— За этим дело не станет!— пообещал хан.— Но почему вдруг стал дорог казахским батырам покой эмира Абдуллаха? Скажи ты, Кияк!

— Мы — казахи, мой хан!

— Ну и что?

— Мы — простые казахи, и нам ни к чему чужая земля!

— А Абдуллах?

— Пусть только сунется он сюда со своими лашкарами, и ты знаешь, что его ждет. Не раз мы встречали его уже в своих городах. А чужих городов нам не надо. Не мы одни — так говорят люди со всех четырех сторон степи!

— Ты забыл, батыр Кияк, что поется в древних песнях о похо-

дах кипчаков. Полмира покорили они, и сам великий Рум дрожал при их виде!

— Это ханские песни, мой повелитель!

— А слава?

— Это ханская слава!

— Что же у тебя свое?

— Родина, мой хан! И еще те полсотни овец и четыре верблюда, которые пасутся у моей черной юрты. Если сдохнут они от бескормицы, вся слава мира, начиная с Искандера, не спасет мою семью от голодной смерти!

— Ну, а ты что скажешь, Туяк-батыр?

— У нас одно добро... Добавлю лишь, что мы плохо разбираемся, где узбек, а где казах. Те же люди живут в наших и их городах, и нет в Туркестане семьи, не имеющей родственников в Ташкенте. Что делить бедному батыру Туяку с таким же бедным кузнецом из Бухары!

Только Жиенбет-жырау чувствовал, как разъярен хан. Лицо Тауекеля побледнело, холодный черный огонь горел в глазах. И вдруг недобрая усмешка тронула губы:

— Ладно, мудрые батыры, вместо хана решающие, быть войне или миру... Вы говорите, что родственники ваши там, в Ташкенте. Почему же что ни день сотнями бегут они к нам от эмира Бухары?

Братья переглянулись.

— Две шкуры сдирают там с них люди эмира, а здесь...

— Договаривай, батыр!— грозно приказал хан.

— А здесь только полторы!— твердо закончил Кияк-батыр, глядя прямо в глаза хану.

— Я запомню твою дерзость, батыр...— глухо произнес хан.— Но оставим свои счеты до лучших времен. А теперь скажи: не получается ли так, что ты предаешь своих братьев в Ташкенте, когда оставляешь их на произвол лашкаров эмира Бухары?

Братья явно не ждали такого оборота разговора.

— Что же, мы можем им помочь...— неуверенно начал Кияк-батыр.

— Вот видишь!— Хан торжествующе поднял руку кверху.— А когда возьмем Ташкент, неоткуда будет нападать на наши города проклятому Абдуллаху. Идите же с миром, батыры, и готовьтесь к выступлению во славу справедливости!

Он вызвал караул и тут же велел освободить от цепей обоих братьев. Те молча поклонились и вышли.

— Вот какие времена наступают, мой жырау!— Тауекель-хан повернулся к Жиенбету-жырау.— Хану приходится уже не приказывать, а уговаривать свой народ!

— Ты правильно поступил, мой хан!— сказал певец.

— Да, на Ташкент они пойдут...— криво усмехнулся Тауекель-хан.— А потом... Потом пусть попробуют встать поперек моего пути, когда двинусь на Самарканд, на Бухару, на Балх и Хиву! Да, я отомщу за те унижения, которые довелось испытать мне при дворе Абдуллаха. Я выкорчую его проклятый род, а самого на аркане про-

волоку через всю Бухару. На развалинах Бухары и Самарканда будет трепетать великое знамя Белой Орды. По путям великих предков поскачем мы к славе, и царства земные будут умирать под копытами наших коней!

Хан Тауекель не заметил, как встал во весь рост. Глаза его были полузакрыты, а слова вылетали изо рта, обгоняя друг друга, как в горячечном бреду. Вдруг он увидел тревожный взгляд жырау и прервал свою речь.

Медленно опустился на подушки хан Белой Орды.

— Тебя удивляют мои заветные думы, мой жырау?

Жиенбет отрицательно покачал головой:

— Нет, мой хан... Просто я не думал, что болезнь придет к тебе так скоро...

— Какая болезнь?

— Ханская болезнь... Я вижу много горя впереди, мой хан...

В ночь выступила в поход стотысячная казахская конница. Легко и тихо, копыто в копыто, скакали выученные в степи кони. В призрачном свете луны сверкали начищенные щиты, белели кованые боевые палицы, вились по ветру султаны на медных шлемах.

В два ночных перехода достигли цели, и в ясное весеннее утро войско Белой Орды грозным сверкающим полукружьем оцепило дома и сады Большого Ташкента. Основные силы Абдуллаха уже ждали на западной окраине города. Сам эмир на белоснежном коне гарцевал впереди своей непобедимой тысячи.

Перестроив войско, Тауекель-хан пошел в наступление. Лашкары эмира не двигались с места. И в это время глухо ахнули угловые башни ташкентской цитадели. Громадные раскаленные добела камни врезались в самую середину казахского войска, пробив в нем длинные кровавые бреши. Испуганные степные кони метнулись в разные стороны, смешав ряды наступающей конницы. Не только трава, но и сама земля загорелась там, куда упали снаряды «черных дромадеров». Не успели опомниться казахские джигиты, как ударил второй залп. И кто знает, как развернулись бы дальнейшие события, если бы горожане, среди которых было немало сторонников Баба-султана, не подняли мятеж и не захватили все четыре камнеметных орудия. Одновременно были тайно открыты задние небольшие ворота, и через них ворвались в город две тысячи джигитов во главе с Кияком и Туяком. Их знали и любили в Ташкенте, а чуть ли не половина их отрядов была из ташкентских беглецов...

Оказавшись под угрозой окружения, теснимый на флангах Есим-султаном и Куджек-султаном, эмир Абдуллах дал сигнал к отступлению. Он думал было укрыться в цитадели, но в этот момент на ее стенах показались казахские джигиты. Один из них натянул громадный лук, но эмир Абдуллах только криво усмехнулся. На добрых три расстояния полета обычной стрелы находилась от эмира крепостная стена. Послышался резкий свист, и каленый наконечник пробил броню как раз напротив сердца хана Абдуллаха. От верной смерти его спас рванувшийся конь.

— Это он... тот проклятый стрелок!— захрипел эмир, обливаясь кровью и сползая на руки телохранителей.

Да, это был Кияк-батыр, хранивший калёную стрелу для эмира Бухары со времен осады Саурана.

Услышав о тяжелом ранении самого эмира — хранителя веры, бухарские лашкары обратились в бегство. Хан Тауекель немедленно бросил в погоню за ними свежую конницу. Меняя лошадей, она непрерывно нападала на отступавших, не давая им передышки. Так на плечах лашкаров и ворвались передовые отряды Тауекель-хана в древний Самарканд.

Во дворце, где некогда вершил суд Тимур, сидел на древнем резном троне степной хан Тауекель. Знамя Белой Орды с конскими хвостами развевалось на башне. К хану вошли везири, военачальники, братья Есим-султан и Куджек-султан, многочисленные придворные. Но он отыскал глазами двух братьев-батыров.

— Вот люди, обеспечившие нашу победу!— сказал хан Тауекель.— Как степные орлы, бросились они на врага, как волки травили бухарскую дичь, как барсы готовы к последнему прыжку на грудь издыхающего бухарского оленя!

По ханскому знаку принесли и надели на обоих батыров самые лучшие кинжалы из захваченной добычи. Рукояти их были украшены драгоценными камнями и чеканным золотом. На плечи им набросили шитые золотом бухарские халаты, к крыльцу подвели двух невиданно красивых и быстрых коней благородной бактрийской породы.

— Знамя Белой Орды ждет от вас новых подвигов!— сказал им хан Тауекель.— Чего желаете вы, славные батыры?

Как обычно, шаг вперед сделал более словоохотливый Кияк-батыр, преклонил колено:

— Джигиты из наших тысяч — это пастухи, землепашцы и кузнецы... Разреши нам, мой повелитель-хан, вернуться к своим занятиям!

Тихим и твердым был голос неродовитого батыра, но он прогремел как гром под древними высокими сводами. А потом в наступившей тишине все явственно услышали, как скрипнул зубами великий хан Тауекель...

Не на благородного бухарского оленя, а скорее на раненого тигра походил эмир Абдуллах, повелитель Бухары. Всеобщее ополчение объявил он в Бухаре, Хиве, Балхе, Хорасане и всех других подвластных землях. Меньше чем через месяц грозная бухарская армия разбила свои шатры на Зарафшане — как раз на полдороге между Бухарой и Самаркандом. Туда к излечивающемуся от тяжелой раны Абдуллаху и прибыл его мятежный сын Абдумумин. Он вошел в большой белый шатер и пал на колени:

— Прости, отец, за то горе, что причинил тебе своим непокорным нравом и поведением. Отныне я самый почтительный сын. Вот хлеб и Коран — на них клянусь тебе в преданности и сыновнем послушании!

Видимо, действительно постарел эмир Абдуллах, ибо скупая человеческая слеза показалась в уголке его глаза.

— Бог дал мне радость увидеть на склоне лет и простить моего единственного сына!— воскликнул он.— Пусть хоть сегодня придет ко мне смерть — я приму ее безропотно, ибо исполнилась моя самая заветная мечта. Со мной мой сын и наследник!..

Долго рассказывал старый эмир своему сыну о делах и секретах управления таким государством, как священная Бухара. Немало их было, этих секретов. А потом он указал сыну на пиалу и попросил дать ему выпить освежающего виноградного соку.

Сын почтительно исполнил его просьбу. Но бог, очевидно, услышал слова старого эмира о том, что тот готов к смерти «хоть сегодня». Ибо, выпив из рук единственного сына пиалу сока, хан Абдуллах захрипел и откинулся на подушки. Абдумумин внимательно посмотрел в глаза отцу, вывернул веки. Потом он выплеснул остатки питья в угол, сполоснул пиалу и снова наполнил до половины соком. Выйдя из шатра, он передал страже распоряжение не будить отдыхающего эмира.

Лишь к вечеру решился зайти в шатер начальник стражи. Он вгляделся в полулежащего на подушках хана и вздрогнул. В страшной, известной всему миру улыбке раздвинуты были губы святейшего эмира. Та же жестокая, обещающая смерть улыбка застыла в мертвых глазах правителя...

Первым прибежал к почившему отцу Абдумумин, в неизбывном сыновнем горе схватился за щеки. Обливая слезами бороду, он самолично прикрыл смеющиеся глаза своего отца. Вызванные им ученые бухарские доктора установили, что «царь царей и орлов, святейший эмир — покровитель веры скончался от остановки сердца». Между тем по всей Бухаре уже ходили слухи о пиале виноградного сока, поданной сыном болящему отцу...

Восемь пар черных как ночь коней было впряжено в колесницу с прахом эмира. В тысяче мечетей священной Бухары молились муллы о прощении его грехов. Саркофаг опущен был под каменный фундамент знаменитого мавзолея Ходжи-Нахшбанди. Случилось это в 1006 год хиджры. На следующий день на бухарском престоле воссиял новый хранитель веры — святейший эмир Абдумумин.

Нет, не божьего гнева испугался казахский хан Тауекель, когда не воспользовался столь выгодной обстановкой для нападения на Бухару. Это была лишь отговорка для тогдашних историков. Просто на следующий день после знаменитого пира в главном самаркандском дворце хану доложили, что оба отряда братьев-батыров двинулись назад, на родину. За ними устремились и многие другие отряды, предводительствуемые степными вождями. Их ждали голодные

семьи и выгоревшая трава в степи. Сколько ни бушевал хан Тауекель, он ничего не мог с ними поделать. Наказать непокорных он не решился. Слишком много их было. И хан Тауекель дал знак к уходу из Самарканда.

И в Ташкенте ненадолго задержалась казахская конница, ибо почти вся она состояла из ополчения, и в бесчисленых степных кочевьях ждали кормильцев. В самом городе Ташкенте, некогда открывшем ворота хану Тауекелю, назревало брожение. Налоги, установленные ханом Тауекелем, тоже были нелегкими, и без них нельзя было продолжать войну. Недовольных возглавил один из родственников покойного Абдуллаха — некий Хазрет-султан. А Абдумумин через своих лазутчиков пообещал горожанам облегчение налогового бремени. Так или иначе, но хан Тауекель отступил назад, в Туркестан. Оттуда он внимательно следил за всем происходящим в Ташкентском вилайете, вмешиваясь по мере надобности в его дела.

Не прошло и шести месяцев, как Абдумумина зарубили сонного в постели, и с ним закончилась династия шейбанидов на бухарском троне. Святейшим эмиром стал Динмухамед из рода бежавших сюда астраханских ханов.

Да, рок преследует отцеубийц, на них обычно кончаются династии. С кончиной хана Бердибека, убившего своего отца, закончилась династия Бату в Золотой Орде. С Латифом, убившим своего отца — знаменитого Улугбека, закончилось величие тимуридов. То же повторилось теперь в Бухаре...

Этого только и ожидал Тауекель-хан. Видимо, прав был Жиенбет-жырау, говоря об особой «ханской» болезни. На этот раз он понял, что на ополчение мало надежды. Народ решителен и несгибаем, пока защищает свою землю. Но стоит привести его в чужую страну, и руки сами опускаются у народных батыров. Зато вдесятеро усиливается враг на своей земле. Об этом писалось даже в древних книгах, найденных в хранилищах Самарканда. Своя земля — источник силы для войска.

На кота, ожидающего мышь, был похож в это лето хан Тауекель. К его постоянному войску присоединились союзники — родовитые манапы из киргизов и хан Южной Кашгарии Абдрашит. Опять стотысячное войско ринулось на Ташкент и Самарканд. Но на этот раз им не открывали ворот. Люди прятали продовольствие и корм для лошадей. Все приходилось брать силой, а это не укрепляет армию.

К тому же лето выдалось на редкость сухим и жарким. Пересохли реки, снег сполз с вершин гор. Тысячами гибли не привыкшие к такой жаре казахские кони из северных степей. Начались повальные болезни и среди людей. Что ни ночь бежали из войска джигиты. Когда, осажденный бухарским войском, в Самарканде был ранен шальной стрелой Тауекель-хан, он невольно вспомнил казахских народных батыров. Они не пошли с ним в этот недобрый поход.

Оставив опять Самарканд, Тауекель-хан с серьезными потерями

отошел к Ташкенту. Укрепившись в цитадели, он начал лечиться от полученной раны. Между тем большинство союзников покинуло его, а подходившие бухарские войска плотным кольцом окружали город. Все меньше оставалось свободных дорог на север, в степь. В конце концов была перерезана и последняя, ведущая в Туркестан. Лишь самые верные люди, и среди них любимая жена Акторгын, оставались рядом с умирающим ханом...

В один из самых тяжелых дней осады вдруг послышался неистовый шум.

— Что там?— слабым голосом спросил хан Тауекель.

— Приступ!— ответили ему.

Да, многотысячные ряды бухарских лашкаров со всех четырех сторон двигались к цитадели. Осадные лестницы легко доставали до гребня невысоких стен. Кое-где уже были пробиты бреши. Привыкшие к вольной конной сече, казахские воины вынуждены были драться в пешем строю. Все ближе и ближе к ханскому дворцу слышались крики. И вдруг все стихло.

— Что там?.. Что?..— спрашивал хан.

Отворилась высокая двойная дверь, и в ханский зал ввалился громадный воин, весь в пыли и крови:

— Это ты, хан Тауекель.. За тобой!..

Сказав это, воин рухнул на пол и затих. Хан привстал с постели, сдвинул кольчугу с лица воина. Это был Кияк-батыр.

— Мы пришли за тобой... Уходи с чужой земли, хан!— прошептал батыр, и мертвенная бледность покрыла его лицо.

— Да, ты оказался прав, упрямый батыр!— прохрипел хан Тауекель, и от усилия кровь хлынула у него горлом. Он так и остался лежать на мертвом батыре...

Их обоих похоронили в Ташкенте: хана и батыра Кияка, родившихся и погибших в один день. Благодаря подошедшей помощи, которую привели братья-близнецы, казахское войско получило возможность уйти из осажденного Ташкента. Но случилось самое плохое: войско осталось без единоначальника. Приведший помощь из Туркестана Жолымбет-батыр оказался тоже раненым. Он передал всю власть над войском батыру Туяку. Обидевшиеся многочисленные родовитые султаны и батыры отказались подчиняться сыну рабыни.

Наступил самый важный день для осажденных. Надев латы и положенный командующему шлем с перьями филина, Туяк-батыр решительно сел на коня. И вдруг увидел рядом с собой небольшую фигурку в сверкающих латах и ханском шлеме. Да и конь был ханский — белый в крапинках, любимый боевой конь хана Тауекеля.

— Едем, батыр!— звонким голосом сказал всадник и приоткрыл лицо. Это была Акторгын — любимая жена хана Тауекеля, пользовавшаяся огромным уважением во всем казахском войске. Своим присутствием рядом с неродовитым батыром она как бы признавала его власть над войском от имени мертвого супруга. Стремя в стремя поскакали они на поле боя.

Здесь, на северо-восточной стороне, решались судьбы осажденных. Ставший ханом Белой Орды молодой Есим-султан сдерживал

лашкаров с южной стороны, а Куджек-султан — с западной. Но именно на северо-востоке, где открывался путь на Туркестан, сосредоточили Динмухамед и его военачальник Бахимухамед-султан отборные свои силы. Снова, как некогда при осаде туркестанских городов, ровными тысячами, на одномастных лошадях, выстроились бухарцы. Пугая своей мощью и силой, проносились по фронту конные лавы. Казалось, что они походя могут раздавить любого противника, а тем более намного уступающие им в количестве степные отряды, оставшиеся без руководства. Настороженно следили за ними из-за многочисленных ташкентских дувалов казахские джигиты. Несмотря на подошедшее подкрепление, настроение их явно упало. Смерть хана всегда предвещала недоброе в степи.

Вот лашкары неторопливо сомкнули ряды, приготовившись к страшной атаке. Еще минуты — и они двинутся вперед неудержимой лавиной. И вдруг через провал в дувале на поле боя вылетел всадник в ханском шлеме с перьями и на знакомом всем белом коне. На миг опешили и казахские джигиты. Что это: тень хана Белой Орды, которого похоронили сегодня вместе с Кияк-батыром в большом ташкентском мавзолее?.. А вот и тень убитого батыра скачет вслед за ханом...

— Аруах!.. Аруах!.. О дух усопших!..

Яростный звонкий клич Акторгын разнесся по всему полю. И в ту же минуту рванулись вслед за ней казахские джигиты. Страшной лавиной неслись они со своими родовыми возгласами:

— Акжол!.. Акжол!.. О боже!

— Уйсун! Дулат! Борибай!

— Кара-ходжа! Кабанбай!

— Бекет!.. Шакабай!

Они выкрикивали имена погибших сто, двести, триста лет назад знаменитых батыров и воинов, призывая на помощь их дух. Только в исступлении, идя на смерть, позволено воинам выкрикивать эти святые для степняков имена. И отборные тысячи лашкаров дрогнули, начали поворачивать коней. Те, что попытались сопротивляться, были смяты и втоптаны в землю. Но уже спешили на помощь лашкарам соседи с флангов. Битва разгорелась с новой силой, и Туяк-батыру с шестью верными джигитами пришлось оборонять храбрую Акторгын от окруживших ее многочисленных врагов...

В сплошную свалку превратилась битва. Дрались уже как придется. Тысячи людей, проклиная час своего рождения, отдали в этот несчастный день богу душу. В несколько раз превосходящим силам лашкаров удалось было потеснить казахских воинов, но прискакал одержавший победу на своем участке сам Есим-хан. До позднего вечера продолжалась беспощадная сеча и закончилась лишь тогда, когда враги перестали видеть друг друга.

На следующее утро полки бухарских лашкаров начали в походном строю уходить в сторону Самарканда, оставляя по пути заставы. Увидев это, так же поступил и Есим-хан. Расположив заставы до самого Ташкента, он с войском ушел в свою столицу — Туркестан.

Ташкент, таким образом, оставался под его неусыпным наблюдением...

Долгое время был потом Ташкент полусамостоятельным городом. Так как к Ташкентскому вилайету примыкали земли казахских родов Великого жуза — катаган и шанышкалы, Есим-хан назначил правителем города выходца из этих родов Турсунмухамеда, отличившегося во время последнего похода. Подняв над головой хлеб и Коран, поклялся новый хаким в вечной верности Белой Орде. Было определено и количество золота, а также риса, сушеного урюка и изюма, которое должно было ежегодно поставляться из Ташкента в Туркестан. Вскоре двадцатидвухлетний Есим был уже формально провозглашен ханом и поднят в знак этого на белой кошме представителями большинства казахских племен и родов...

Вслед за этим Есим-хан вывез из Ташкента и похоронил в Туркестане останки своего старшего брата — хана Тауекеля и всех павших с ним батыров, в том числе Кияк-батыра. На камнях вблизи мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави были выбиты их имена...

Давно уже закончил свой сказ о давних временах Бухар-жырау. Оба они — вещий певец и славный батыр Богембай не спали и молча смотрели в дотлевающие угли костра. Многие в степи не спали ночами в это страшное время.

— Так понял ты смысл того, о чем я рассказал тебе?— спросил наконец жырау.

Богембай молча кивнул головой.

— Видишь, каким разным человеком оказывался багадур Тауекель в разные периоды своей жизни...— Бухар-жырау значительно поднял палец.— Каждый человек хочет остаться хорошим в памяти потомков. И память народная — главный судья. За то, что ушел Тауекель в родную степь от притеснителя-эмира, она воздаст ему должное, но осудит его за кровавый поход в чужие земли. Лучше всего на его примере видно, как неправое дело рождает неправедные поступки. А Кияк-батыр останется в памяти народной чистым и светлым, ибо не было у него ханской жадности к чужой земле. И правнук его — кузнец Науан не хотел чужого добра. Он умер на стене родного города, защищая его от захватчиков. Таков каждый народ, мой батыр. И если бы дать каждому народу право решать свои судьбы, то в мире не стало бы войн!..

Так и не сомкнули они глаз до рассвета и думали об одном и том же.

После сдачи Туркестана ставка хана Среднего жуза Абильмамбета кочевала с места на место. Сейчас она находилась на берегу озера Тели-коль, где сходятся границы кочевий всех трех жузов. Сюда-то в сопровождении пяти сотен молодых джигитов прибыл батыр Богембай. С ним был присоединившийся в пути вещий певец Бухар-жырау, который в это тяжелое время и дня не сидел на одном месте.

Едва они прибыли, как прискакавший с запада гонец принес в ставку тревожную весть. Самый жестокий и своенравный из джунгарских нойонов — брат Сыбан Рантана Лола-Доржи, нарушив негласное перемирие и воспользовавшись тем, что хан Младшего жуза Абулхаир был занят борьбой с приволжскими калмыками, напал на присырдарьинские аулы родов тама и табын, выжег большинство их и захватил множество скота и пленников. Немедленно были высланы ертоулы — разведчики. Вскоре они вернулись с известием, что, произведя страшный разгром в низовьях Сейхундарьи, джунгарское войско разделилось на две части. Один отряд в три тысячи всадников гонит огромные гурты захваченного скота к своим стойбищам в низовьях Или, а другой — двухтысячный — отряд ведет казахских пленников на продажу в Хиву.

Сразу же заволновались джигиты из аулов, расположившихся вокруг Тели-коля, стали готовить коней, точить отцовские сабли-алдаспаны. И батыр Богембай тут же поскакал к ханской юрте.

— Бог нас накажет, хан Абильмамбет, если позволим угнать в рабство братьев!— сказал он, твердо глядя в серые немигающие глаза хана Среднего жуза.

— Мне сказали, что среди захваченных джунгарами людей находится родная сестра хана Абулхаира...— Абильмамбет спокойно почесал переносицу.— Да и разорены аулы Младшего жуза. Абулхаиру доверена их защита...

— Но Абулхаир сейчас где-то у Едиля воюет с калмыками!—возразил батыр.

— Он говорит всегда, что никому в степи не сравниться в быстроте с его скакунами. Вот пусть теперь и попробует нагнать джунгар! В голосе хана Среднего жуза явственно слышалось удовлетворение тем, что более способный соперник попал в беду.

— Тогда я сам поведу джигитов в погоню!— вскричал Богембай.

— Властью хана запрещаю тебе это делать!— Абильмамбет поднял правую руку.— Не буду я ссориться сейчас с контайчи, когда у нас недостаточно войска...

И в это время послышался спокойный голос Бухара-жырау, который вошел вслед за Богембаем и сейчас стоял на пороге юрты:

— А ты и не ссорься, хан Среднего жуза. Кто знает, пришли ли уже в твою ставку джигиты Богембая, или они по дороге услышали недобрую весть и сами повернули коней в сторону разбойников Лола-Доржи!..

Разъяренный хан всем телом повернулся к жырау. Будь у него возможность, он давно бы расправился с вечно идущим наперекор батыром, да и с этим самоуверенным певцом. Но всегда какая-то неведомая сила стоит за ними. Попробуй он сейчас что-нибудь предпринять против них, и сразу заволнуются, взбунтуются все аулы вокруг. Кто знает, чем это может закончиться для него самого.

— Ладно.— Хан махнул рукой.— Если осилите джунгар, то ваше счастье, но поддержки от меня не ждите!

Через пять дней полутысячный отряд батыра Богембая наткнул-

ся на след джунгарского каравана. Ертоулы донесли, что джунгары совсем близко и что двигаются они в походном строю.

— Я был первый, кто хотел идти в погоню за грабителями,— сказал Бухар-жырау.— Но помни, батыр, что нас вчетверо меньше. Твои воины — юноши, а джунгарские всадники — опытные бойцы!..

Богембай не успел ответить. Все вдруг невольно замолчали. Порыв степного ветерка донес чей-то слабый печальный голос. Это была не песня, а стон.

К одинокому голосу присоединился другой, третий. Стало слышно, что поет много людей — мужчины и женщины. Невыразимая тоска и скорбь были в их песне. Они пели «Елим-ай»:

Караван горя спускается с гор Каратау,
И плетется рядом сиротинушка-верблюжонок...

Потемнело сразу небо в глазах у казахских воинов. Тоскливая мелодия голодным волком стала грызть их души. Руки невольно опустились на рукояти мечей и сабель. Шепотом из конца в конец была передана команда Богембая, и джигиты рассыпались, затаились за гребнями холмов. Внизу под ними змеилась древняя невольничья дорога. В этом месте как раз холмы раздвигались и впереди виднелась горько-соленая пустыня Усть-Урта. Где-то там, в туманной мгле, была Хива с ее старым «рынком слез», где покупались невольники для работы в копях и рудниках, а невольницы — для гаремов всего Востока...

Показался конный разъезд джунгар, а за ним длинной черной лентой пополз невольничий караван. Рыдали разлученные с детьми матери, плакали потерявшие родителей маленькие дети. Всадники длинными бичами подгоняли отстающих. Впереди отряда на громадном косматом коне ехал свирепый джунгарин — огромный, крутоплечий, похожий на каменную гору. Железный шлем, словно казан, закрывал круглую стриженую голову, длинные усы доходили до ушей, а в больших черных глазах даже на расстоянии были видны толстые кровяные прожилки. Почти до земли доставала привешенная сбоку тяжелая сабля. Это и был Лола-Доржи — один из самых кровожадных джунгарских полководцев. Двумя рядами ехали за ним воины — такие же хмурые, свирепые, вооруженные до зубов...

Богембай-батыр ждал, пока из ущелья между холмами выползет половина каравана. Он собирался ударить по головному отряду и расправиться с главным отрядом джунгар, пока остальные поймут, в чем дело. Все новые и новые пленники в сопровождении охраны выходили из ущелья. Вот уже поравнялся Лола-Доржи с пригорком, за которым укрылись казахские джигиты. Явственно слышны стали слова песни:

О, как тяжко лишиться родины...
Слезы застилают белый свет!..

Богембай-батыр так и не успел дать команду. Из бредущей толпы пленников вышла молодая женщина с растрепанными волосами. Как и у других женщин, часть волос у нее была выдрана, и кровь запек-

лась на голове, потому что джунгарские всадники по своему обычаю хватали женщин за волосы и волочили их за конем по земле. На руках у женщины был грудной ребенок. Она положила его на землю и принялась пеленать. Заметивший это один из джунгарских охранников подъехал к ней сзади. Увидев тень от косматого коня, женщина испуганно обернулась. Но было уже поздно. Джунгарам для продажи в Хиве не нужны были маленькие дети, кормящая мать проигрывала в цене. Ни слова не сказав, охранник опустил вниз длинное джунгарское копье, проткнул им ребенка и, поддев, перебросил жалкое, еще трепещущее тельце за гребень холма. Ребенок успел лишь слабо пискнуть. Он взлетел в голубое небо, и пеленка трепыхалась на ветру. А охранник гулко захохотал, и, радуясь его шутке, захохотали грубыми голосами все нойоны и воины. Даже у Лола-Доржи на лице какое-то подобие улыбки. Но если бы они увидели, куда упал окровавленный труп ребенка, они бы не смеялись. Прямо между казахскими воинами ударился о землю еще подрагивающий комок человеческой плоти...

— Убийца!.. Кровопийца!..

С криком раненой тигрицы кинулась мать на охранника, и тот перерубил ее саблей пополам. Но вся безоружная толпа пленников бросилась в тот же миг на своих мучителей. Джунгары вынуждены были отбиваться от них плетьми и саблями. Облако пыли поднялось над местом схватки. И не заметили джунгары, как без единого крика, страшные в своем безмолвии, обрушились на врага джигиты Богембай-батыра.

На всем скаку с горы вместе с конем обрушился Богембай-батыр на кровавого нойона. Страшная батырская палица с железным навершьем опустилась на его голову, и Лола-Доржи так и не успел понять, кто его отправил на тот свет.

— Акжол!..

— Богембай... Акжол!..

Теперь ущелье огласилось яростным казахским кличем. Стиснутые холмами, джунгары не могли организовать отпор и давили друг друга. Лишь двум сотням всадников удалось вырваться и ускакать в степь. По их рассказам выходило, что чуть ли не стотысячное казахское войско напало на них. А ущелье это, как и много других в Казахской степи, стало с тех пор называться Калмак кырлган, что значит «Ущелье джунгарской смерти»...

Джунгары убегали группами по пять — десять всадников. Но вот зоркий глаз батыра заметил, что за одним из убегающих джунгар волочится притороченное арканом к коню тело. Богембай-батыр пустил в галоп своего коня. Мощными скачками нагонял он разбойника. Просвистела в воздухе тяжелая палица, и джунгарин вместе с конем распластался на земле. Батыр перерезал аркан и увидел девушку в изорванном дорогом платье.

— Я знаю тебя, ты — сестра хана Абулхаира!— сказал он и спрыгнул с коня.

— А ты — батыр Богембай!— сказала она.

Так оно и было. Это была сестра хана — красавица Сакипжамал.

Ее захватили джунгары, когда она гостила у своих родичей в присырдарьинских аулах. Как уж там получилось, но пока привез ее Богембай-батыр к спешившему навстречу хану Абулхаиру, она заявила брату, что только своего спасителя хочет видеть мужем. Так уж было издревле принято в степи, что спасший женщину от смерти или позора джигит имел предпочтение перед другими, невзирая на свое происхождение. И хоть «черной кости» был батыр Богембай, самолюбивому хану пришлось согласиться на помолвку. К тому же он рассчитывал в предстоящей борьбе за власть и влияние в степи на известного батыра Богембая с его джигитами...

Да, борясь с джунгарами, ханы и султаны всех трех жузов продолжали свое соперничество за власть над степью, и это ослабляло сопротивление захватчикам. Обиженный ханом Абильмамбетом, батыр Богембай пять лет прожил в Младшем жузе. Не раз участвовал он в схватках с джунгарскими отрядами, и слава его прокатилась по всей степи. В один из дней он получил письмо от султана Аблая. Тот предлагал ему возвратиться и служить у него. По всему было видно, что прославленный султан готовится к настоящей большой войне с джунгарами. Батыр решил ехать.

В тот же день Богембай-батыр получил послание и от своего нового тестя — хана Абулхаира. Видимо, пронюхав про письмо Аблая, хан Младшего жуза требовал немедленного его приезда в свою ставку, от которой батыр со своим отрядом находился в трех конных переходах.

— Что делать, вещий жырау?— спросил Богембай-батыр у жившего у него Бухара-жырау.

— Ехать к Аблаю,— ответил тот.— Там ближе к джунгарам. Но не сразу ехать. Поедем раньше посмотрим, чего хочет от нас хан Младшего жуза. Может быть, и он решился на большую войну с джунгарами...

II

Как степной пожар, прокатилось джунгарское нашествие по казахским землям. Захвачены были огромные площади, города Туркестан, Ташкент, Сайрам, Созак. И так же, как степной пожар, оно продолжало тлеть, чтобы при первом порыве весеннего ветра вспыхнуть вновь. Не имея единого руководства и поддержки, казахские ополчения и отдельные отряды не раз наносили тяжелые поражения войску контайчи. В 1729 году на берегу реки Буланты — притока Сарысу — хан Абулхаир и Тайман-батыр наголову разбили захватчиков и принудили их к бегству. То же повторилось на берегах рек Каратал и Или, где очередное поражение одному из крыльев джунгарского войска нанесли казахские отряды под руководством батыров Кабанбая и Баяна. Сотни стычек с переменным успехом происходили в степи. Но это не решало дела. Контайчи Галден-Церен железной хваткой вцепился в завоеванные земли. Джунгарские стойбища оседали на казахской и киргизской земле, а где-то за высокими горами довольно потирали руки китайские чиновники. Все шло по некогда

начертанному богдыханом плану. Два глупых тигра дрались между собой, можно было постепенно оттеснить их от водопоя...

Россия внимательно следила за развитием событий. И когда в 1725 году хан Абулхаир направил своего посла в Петербург с предложением о приеме казахов и каракалпаков «в подданство России», там это восприняли как давно ожидаемое обращение.

В отличие от других колониальных держав, Россия обычно вела свою восточную дипломатию через людей, близких по культуре и религии жителям осваиваемых районов. Так и на этот раз для переговоров с ханом Абулхаиром был послан татарский мулла Максут Юнус. Затем в Петербург отправилось новое посольство хана Абулхаира во главе с Койбагаром Кобек-улы просить об ускорении присоединения к России и разрешения казахам кочевать между Волгой и Жаиком, а также вести торговлю на российской территории.

Царская дипломатия не спешила, понимая, что поддержка одной стороны означала разрыв с другой. Шли долгие переговоры об условиях присоединения и различных льготах с обеих сторон. Хан Абулхаир, в свою очередь, совершенно ясно видел, что джунгарам «усы топором не сбреешь», и торопил своих послов. Лишь когда джунгарские полчища вторглись на территорию Младшего жуза, царица Анна Иоанновна по представлению своих министров в ответ на послание хана Абулхаира от 8 числа месяца науруз, то есть от марта месяца, 1730 года с просьбой «заступиться за казахов» издала 19 февраля 1731 года указ о принятии Младшего жуза в состав Российской империи. Этот указ в ставку хана Абулхаира в Иргизе доставил 5 октября 1731 года российский посланник — крещеный татарин А. М. Тевкелев. С подписанием этого указа начался новый период в отношениях, с одной стороны, между казахскими ханами и царским правительством, с другой — между русским и казахским народами.

После этого указа, почти в том же году, хан Среднего жуза Самеке тоже обратился к Анне Иоанновне с просьбой «о принятии казахов Среднего жуза под покровительство России», а спустя два года, то есть в 1733 году, султаны и бии Старшего жуза Кодар-бий, Толе-бий, Сатай-батыр и Буляк-батыр, в свою очередь, направили в Петербург Кангильды-батыра непосредственно к Анне Иоанновне с просьбой о принятии их, а также подчиненных им родов в русское подданство.

Наряду с джунгарским нашествием немалую роль в решении хана Абулхаира сыграло и желание стать при поддержке России ханом всех трех жузов. Однако и после указа царицы Анны Иоанновны джунгары продолжали войну, а многочисленные казахские султаны из других жузов стали обвинять хана Абулхаира в измене. Одним из главных противников Абулхаира был султан из Среднего жуза Барак.

Теперь, через три года после указа о присоединении к России, посланник Тевкелев снова ожидался в Иргизе, где находилась в то время ставка Абулхаира. Для встречи с ним и для до-

стижения единства хан Абулхаир заранее пригласил в свою ставку наиболее знатных и значительных людей, в том числе и многих своих противников. Приглашены были наиболее отличившиеся в война с джунгарами султан Барак, батыры Тайман и Богембай. Оба враждующих друг с другом батыра прибыли с небольшими отрядами джигитов, обычными для такого случая, а Барак-султан в качестве свиты привел с собой значительный отряд конницы. Кроме того, неизвестно по какой причине, он прихватил с собой в ханскую ставку и багадура Серена-Доржи, посла своего заклятого врага — джунгарского контайчи Галден-Церена, с которым воевал всю жизнь. Прибывавшие гости с изумлением смотрели на громадного молчаливого джунгарина. Уж кого-кого, а его они не ожидали здесь встретить...

Несмотря на летний зной, пологи всех трех белоснежных юрт, поставленных смежно и составляющих летнюю резиденцию хана Абулхаира, были опущены. Даже нижняя часть, оставляемая поднятой для вентиляции, была наглухо закрыта плотной кошмой. В средней юрте, обшитой изнутри серебром, сидели сейчас оба батыра, султан Барак, джунгарский нойон и сам хан Абулхаир. Кроме них в главной юрте остались младший сын хана Ералы — миловидный белокурый джигит с легким пушком над верхней губой, да еще у дверей два телохранителя с саблями наголо...

Куда лучше иметь друга, чем врага, в лице прославленного батыра. Об этом и думал теперь батыр Богембай, сидя в шатре хана Абулхаира. Как раз напротив него сидел, опершись локтем на подушку, Тайман-батыр из Младшего жуза — его давний соперник.

Обоим им было уже за сорок лет, а вражда тянулась с тех пор, как молодыми джигитами они впервые увидели друг друга. Словно острие кинжала была эта вражда, проходящая через всю их жизнь...

Нет, не пролитая родственная кровь была между ними, а то, что всегда разделяло самолюбивых и гордых кочевников,— соперничество. Там, где оседлый житель только улыбнется и не станет тягаться с заведомо более сильным или способным, кочевник стремится превзойти его и чаще всего принимает свою неудачу как личное оскорбление. Именно такое соперничество, в чем бы оно ни проявилось, становится причиной лютой вражды между двумя достойными людьми.

Так случилось и с ними. Когда-то их роды кочевали по соседству — как раз по границе между Средним и Младшим жузами. Тогда и между жузами еще не было такой углубленной многими последующими событиями вражды. В лютые казахстанские зимы с непрерывными метелями их аулы вместе отсиживались в густых лесах-тугаях великой реки Сейхундарьи. И встреча их после длинного знойного лета всегда ознаменовывалась всеобщим пиршеством и соревнованиями во всем, приличествующем батырам: конных скачках и играх, стрельбе из лука и песнях...

А как раз в ту роковую встречу не имеющий себе равных в богатстве бай Хисан из рода божбан совершал обряд обрезания своему единственному сыну. Хисан-бай был знаменитый на всю Среднюю Азию купец, и торговал он в основном с казахскими кочевьями. По-

этому он и устроил соответствующий случаю праздник именно в главных казахских аулах, прикочевавших к Сейхундарье. На этом-то празднике легендарный батыр Богембай и поссорился с тигроподобным батыром Тайманом. Если бы не праздник, они бы уже там схватились не на жизнь, а на смерть. Но, затаив обиду друг на друга, вот уже двадцать лет оба подкармливали ее приносимыми «добрыми людьми» слухами. Страшнее выпущенной из засады отравленной стрелы эти слухи в степи... Но нагрянуло джунгарское нашествие, и оба батыра, словно не было между ними ссоры, стали плечом к плечу и всегда были рядом против общего врага.

И вот теперь, сидя лицом к лицу в белом шатре хана Абулхаира, они смотрят в глаза друг другу... По правую сторону от хана, чуть повыше их, сидит на подушке отпрыск Шагая — знаменитый султан Среднего жуза Барак-батыр. За свирепость и отвагу его зовут еще в народе «Серый Волк — Барак». А по левую руку от хана сидит посланник нынешнего джунгарского контайчи Галден-Церена — знаменитый нойон Серен-Доржи. Десять лет уже прошло со времени первого года «великого бедствия», и время от времени от контайчи приезжали послы с предложением покориться...

— Вот так-то, Абулхаир-хан...— Султан Барак фамильярно усмехнулся, показывая, что не ставит Абулхаира выше себя, и ловко подкрутил усы.— Так-то... Теперь я понимаю, почему ты вызвал нас за тридевять земель. Коль баба-царица снова прислала твоего Теупкеля (он специально исказил имя российского посла, и оно прозвучало по-казахски оскорбительной фразой «Пойди и пни ногой!»)... Коль послала она его, то, стало быть, твоей просьбы три года назад оказалось недостаточно для нее. Верно я говорю?!

— Очевидно, ты прав...— Абулхаир говорил спокойно, словно не замечая тона Барак-султана.— Одного моего обещания, видимо, действительно оказалось мало для женщины-царицы. Но когда присутствуют при нашем разговоре чужие...

— Почему же замолчал ты, хан Абулхаир, никогда никого не стеснявшийся в своих словах и действиях?— воскликнул Барак-султан.— Говори, не стесняйся, не сегодня, так завтра, но все равно становятся известны всему свету наши разговоры. А Серен-Доржи хоть и доверенный посол контайчи, но мой лучший друг. Говори!..

Абулхаир усмехнулся:

— Поскольку у тебя появились такие друзья, то следует думать, что и сам контайчи не лишен твоего благоволения. Не стал ли ты уже и его родственником, султан?!

— Не смейся, хан Абулхаир. Коль я говорю, что Серен-Доржи не просто родич, а близкий мне человек, то это так!..

Хан Абулхаир подумал немного и согласно кивнул головой... Да, он знал, что и у джунгарских контайчи не все в порядке. Чем жестче первоначальная власть, тем свирепей потом распря. В наследство от пращуров получили контайчи навыки волчьей грызни друг с другом.

Все сильнее слухи о том, как убрал со своего пути контайчи Галден-Церен дядю и законного наследника Шуно-Дабо. И то, что разноречивые слухи эти имеют под собой почву, хорошо знает сидящий здесь же батыр Богембай. Когда-то в битве при реке Бадам он лишь ранил багадура Шуно-Дабо, а прикончил его Галден-Церен собственноручно.

Степь слухом полнится. Но нельзя полагаться на одни лишь слухи. В туркестанской ставке контайчи есть люди, посылающие к нему тайных гонцов после всякого важного решения, принятого Галден-Цереном. На две группы разбились сейчас джунгарские нойоны. Более прозорливый и опытный Галден-Церен пустил все свое войско на страну казахов. А группа молодых нойонов давно уже хочет увлечь джунгарские тумены вниз по течению Иртыша, на русскую Сибирь. На каждом курултае они все громче кричат о том, что великий наследник «Потрясателя вселенной» непобедимый хан Даян был из рода чорас. И предки этого основателя ханства родом из Сибири. Могилы предков настойчиво зовут к себе славных багадуров Джунгарии...

Хан Абулхаир не хуже контайчи Галден-Церена знал, кто нашептывает из-за спины молодым крикунам их необдуманные речи. Российские военные отряды где-то далеко на востоке вышли уже к маньчжурским землям, откуда родом нынешние покорители и властители Поднебесной империи. В океане, откуда восходит солнце, плавают уже русские корабли. Вот почему мудрые китайские советники контайчи с каждым годом настойчивей поворачивают морду джунгарского тигра в сторону Сибири, чтобы он перегрыз вену на длинной руке бабы-царицы, протянувшейся к океану. «Поднебесная империя — это середина мира,— говорят они.— А разве не принадлежат по праву середине мира и его окраины?!» Рано или поздно они сами думали поставить свои крепости на необжитых сибирских просторах. Что же, пусть пока джунгарские тумены обезлюдят эти земли, а потом их самих можно будет продолжать теснить все дальше, до другого океана.

Но контайчи Галден-Церен при всей своей самоуверенности понимал, что российский кусок ему не по зубам. Куда спокойней и уверенней чувствовал он себя в раздробленной и обессиленной стране казахов. Здесь задумал он создать великое ханство. Половину здешних людей он предполагал уничтожить, а вторую половину заставить влиться в свое войско и уж потом пустить их на завоевание мира, как проделал это некогда его рыжебородый предок.

Однако молодые нойоны не успокаивались. Став врагами контайчи, они начали искать себе союзников среди казахских султанов. Совсем недавно Барак-султан отдал свою дочь в жены вот этому самому Серен-Доржи — одному из самых влиятельных джунгарских нойонов, прямому правнуку самого Даян-хана. Хан Абулхаир знал, что контайчи отправил этого неспокойного нойона послом к казахам словно в ссылку. А Серен-Доржи использовал свое длительное пребывание у султанов Среднего жуза, чтобы настроить их против присоединения к России. Ненавидящий хана Абулхаира султан Барак

и его сторонники склонялись к идее совместного с джунгарами похода на Сибирь. Такая политика была самоубийственной для казахов.

— Я ничего не имею против нашего с тобой гостя и родственника, дорогой друг Барак-султан...— сказал хан Абулхаир, тоже покрутив ус.— У казахов есть поговорка: «Скажешь другу тайну, а у него тоже есть друзья». Так не лучше ли говорить без передачи, сразу вам обоим...

Барак-султан скривил губы, что означало у него улыбку. «С каких это пор змей Абулхаир стал числить меня среди своих друзей?»— с опаской подумал он и кивнул головой:

— Ладно, я доволен твоим решением... Теперь скажи нам, своим друзьям и родичам, зачем едет к тебе забывший свою веру Теупкель? Кого он собирается пнуть ногой на этот раз: меня или Аблая? Чье мясо хочешь ты бросить ему теперь? И не станет ли для всех нас могильным рвом крепость Орск, что начали строить возле нас русские? Недаром ведь по-казахски «ор» и есть ров!..

На упрек Барака «Чье мясо хочешь ты бросить ему на этот раз?» было что сказать и Абулхаиру. Недавно только посланцы Старшего жуза Оралбай и Орзакельды прибыли к нему с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед Анной Иоанновной о принятии Старшего жуза в русское подданство. Хан Абулхаир мог бы сказать султану Бараку про это желание народа. Но он удержался. Абулхаир понимал, что это только подогреет ненависть Барака к нему и родам Старшего жуза.

Крепость Орск ближе всего. Опираясь на нее, Абулхаир, как и всякий хан, думал, при российской поддержке, не только отбить джунгар, но и установить свою власть над всеми жузами. Как раз к этому времени и начиналось строительство крепости, которым руководил генерал Кириллов с Тевкелевым. Абулхаир был полностью в курсе дела и торопил русские власти с этим строительством. С нетерпением ждали возведения крепости и прилегающие казахские кочевья, надеявшиеся найти в ней защиту от непрерывных джунгарских набегов. Но, зная настроения некоторых султанов, хан Абулхаир скрывал свое желание ускорить строительство Орска...

— Что, как и в прошлый раз, с зурной и карнаем будете встречать своего Теупкеля?— ядовито осведомился Барак-султан.

— Да, как положено встречать послов от всякой могущественной державы!— спокойно ответил Абулхаир.— Мы никогда еще не были невежливы даже с менее значительными гостями!

— Но твой гость забыл веру предков!— холодно сказал Барак-султан.

— Твои гости иногда и вовсе не причастны к правоверным!— заметил хан Абулхаир, намекая на шаманское вероисповедание Серена-Доржи.— Будешь ли звать нас на праздник обрезания своего внука, султан Барак?

Барак-султан в ярости закусил губу и не стал больше сдерживаться:

— Скажи лучше, что принесли твои богатые подарки баба-царице, хан Абулхаир? Много ли подарков получил ты взамен? Всем везут от нее подарки, от твоей властительницы: и к астраханским калмыкам, и к бухарцам, и к башкирам, которые грабят наши кочевья, и к тому же самому контайчи! А все они по-прежнему терзают страну казахов, и твоя баба-царица даже слова не скажет им! А Орск нужен тебе для власти над нами, великими султанами!..

— Да, это так!— ответил хан Абулхаир.

Султан Барак вздрогнул от неожиданности...

Лишь год назад тот же Тевкелев, много сделавший для присоединения казахских земель к России, писал в царскую Иностранную коллегию: «Как и Киргиз-кайсацкая орда, калмыки и башкиры стоят на одном уровне развития. Все они дики и невежественны... Если кто-нибудь из них взбунтуется против Российской империи, то двух остальных можно использовать против него. В таком случае мы не несем никакой ответственности, и наша совесть остается чистой...» Русский царизм несомненно использовал весь арсенал колониальной политики, в том числе и древнее как мир правило «Разделяй и властвуй!» Но при всем этом присоединение к России было единственным путем в будущее. Все остальные пути, в том числе и союз с джунгарскими нойонами, означали национальную гибель...

— Какая же разница, кто будет править нами — орысы или джунгары?!— опять вскричал Барак-султан.

— Контайчи не оставил живых людей на захваченных у нас землях. Он правит мертвыми!..

— А орысы?

— Орысские торговые люди пока что идут к нам с караванами...

— А когда за ними придут солдаты?

— Посмотрим...— Хан Абулхаир снова покосился на нойона.— Вспомни пословицу: «Уж лучше служить льву, чем шакалу».

— Но почему же этот лев не выпускает когти в нашу защиту?

— Из-за тебя и твоих друзей, султан Барак!

— Как это понимать?

— Кто в позапрошлом году разграбил русский караван, который шел в Бухару? А другой караван, который прошлым летом шел в Ташкент?! Отвечай, султан! Или, может быть, тем степным разбойникам, которые сделали это, не так нужны были самовары, которые везли русские, как нужно было поссорить меня с царицей?! Говори, султан!..

Речь шла о больших караванах, сопровождаемых воинскими командами под началом полковника Гарбера и майора Миллера. Первый был разграблен у самой Астрахани, а второй — на полпути из Оренбурга в Ташкент. Такие же нападения на русские караваны что ни лето совершались и на берегах Иртыша и Ишима...

— Ты думаешь, хан Абулхаир, что стоит только пропустить караваны царицы, и у нас наступят мир и радость?..— Барак-султан впервые стал серьезным, и в голосе его послышалась печаль.— Говорят же, сама лисица виновата в том, что у нее красивая шубка. У нас же богатая земля. Шуршуты во сне видят, как вслед за джун-

гарами расселятся по ней. Зачем же еще разжигать аппетит на нее у бабы-царицы?

— Половину нашей степи уже устилают белые человеческие кости. Помедлим еще немного, и побелеет вся степь!..

— Стало быть... стало быть...— Губы султана Барака вдруг побледнели, зрачки глаз расширились, предвещая знакомый всей степи приступ бешенства.— Значит, о людях ты думаешь, хан Абулхаир, а не о себе... Не о том, чтобы пригнуть наши султанские головы к земле, а самому сесть сверху?!

Как перед прыжком присел с рычанием султан Барак, и родич его Серен-Доржи потянулся к прямому джунгарскому ножу за голенищем мягкого сапога.

— А ты про что думаешь, султан?!

Хан Абулхаир склонился к самому лицу султана Барака, и по данному им знаку оба телохранителя у двери мгновенно натянули луки.

— Эй, хан Абулхаир!.. Эй, султан Барак!.. Зачем же меня, безродного человека, звали вы на свой высокий совет?!

Голос у батыра Богембая был низким и грозным, как у льва. Все сразу опустили руки и сели на свои места. Но батыр Богембай сказал это и умолк.

— Говори же, говори, славный батыр Богембай!— спохватился первым хан Абулхаир. Он знал, какой авторитет имеет в степи этот неродовитый человек. Когда-то, еще накануне большого джунгарского нашествия и вскоре после ссоры с Тайманом, когда был Богембай простым джигитом-табунщиком, джунгарские разбойники-аламаны напали на его зимовье, вырезали всю его семью и угнали скот. С тех пор пошел Богембай в странствующие батыры, и слава о его подвигах затмила славу всех живших до него воинов. Даже то, чего он не совершал, все равно приписывали ему. Для простых людей скорее всего наиболее важным было то, что происходил Богембай из рода вольных джигитов и с детства кормился собственным трудом. Благодаря всенародному признанию, собственной отваге, мужеству и воинскому умению Богембай-батыр стал одним из народных вождей в годы джунгарского нашествия. Ни один хан или султан не решался на серьезные военные действия против захватчиков, не заручившись его поддержкой...

— Да, да, говори, батыр!— поддержал хана султан Барак, отводя глаза. Кровь торе кипела в нем: он, прямой потомок Чингисхана, вынужден слушать мнение какого-то голодранца-табунщика.

Богембай-батыр кивнул головой:

— Ну, что же... Я не хан, чтобы решать судьбу страны. Но думают ведь не только ханы. И вот что я вам скажу... Там, вблизи русских крепостей, больше спокойствия, чем вдали от них... Куда бегут целые аулы, когда занесен над ними джунгарский нож? Туда, к русской крепостной линии. Знаю, что и там несладко простому человеку. Это хану бывает сладко везде...— Он посмотрел прямо в глаза Абулхаиру.— И все же народ в реке жизни, как и рыба в Сейхундарье, бежит от опасности туда, где глубже и спокойней. Под

защиту русских крепостей бежит он от твоих родичей, султан Барак... Остаться в живых хотят люди: пасти скот, растить детей...

Как тяжкие камни, падали слова батыра в белую пустоту юрты.

Со звоном растворилась створчатая дверь, и вошла младшая жена хана Абулхаира — красавица Нурбике. Она была маленькая и стройная, легкий загар покрывал ее круглое лицо, томно смотрели большие карие глаза. Высокое саукеле колыхалось на ее головке в такт шагам, и присутствующим показалось, что сноп солнечных лучей ворвался в полутемную, накаленную гневом тишину юрты.

— В гостиной юрте ждет вас обед, высокие гости!— сказала она, склонившись в поклоне и, как принято было по последней степной моде, растягивая слова.— Откушайте же посланное нам богом!..

Проницательным быстрым взглядом обежала она присутствующих. Богембай и Тайман смутились, как всякие мужчины под взглядом красивой женщины. При этом они холодно поглядели друг на друга. А глаза ханской токал уже задержались на рослом и красивом султане Бараке. Но тот, казалось, не обращал внимания на свою родственницу.

— Мой деверь-султан, наверное, не слышал моего приглашения к обеду!— капризно сказала она.

— Всего отведаем, что будет предложено...— холодно ответил султан Барак.— Дозвольте сперва насладиться высоким умом вашего супруга!..

Глаза красавицы сузились от ярости.

— Что же, кому недостает собственного ума, следует занимать у других!— пропела она ласково.

— Высокие мысли рождаются от хорошей пищи,— сказал хан Абулхаир, спасая положение.— Разговор наш будет продолжен, а пока что удовлетворим свою плоть!..

Барак-султан презрительно пожал плечами, словно удивляясь покорности хана перед младшей женой. Искоса он бросал хищный взгляд на нее, как барс, примеривающийся к прыжку. Но не было в этом взгляде увлечения ее красотой, а лишь какой-то холодный расчет.

Хоть и являлась Нурбике младшей женой хана Абулхаира, лет ей уже было порядком за тридцать, и только по виду ей нельзя было дать и двадцати. И если уж говорить всерьез о смертельной вражде двух больших батыров, то причиной ее по-настоящему была именно она — четырнадцатилетняя дочь бая Хисана. Это на ее глазах соревновались когда-то в ловкости, силе и пении два безвестных еще джигита Тайман и Богембай. И так была хитра и проворна юная красавица, что каждому из их показалось, что предпочла она другого. А она в это время вздыхала по третьему — молодому султану Бараку. И, став младшей женой хана Абулхаира, властная и настойчивая Нурбике все же надеялась, что теперь ей чаще удастся видеть своего тайного избранника, приходящегося ближайшим родственником ее мужу. Но не так сложились отношения хана Абул-

хаира и султана Барака, чтобы им пришлось часто встречаться. И вот теперь через столько лет бог свел вместе всех участников того рокового праздника — обоих отвергнутых батыров и султана, по которому тайно вздыхала она всю жизнь. Как ей было не волноваться...

А батыры в это время думали об одном и том же. Им вспоминались теплый лунный вечер и дерзкие слова, в которых явственно звучала насмешка. Но где им было понять это тогда.

— Оба вы нравитесь мне,— сказала она тогда.— Но кто выиграет состязания, того и приму в свое сердце!..

Три дня они участвовали в скачках, стреляли на всем скаку в мешочек с золотом, боролись, поднимали с несущегося во весь опор коня зубами с земли серебряную монету, а в конце аксакалы постановили, что оба они равны во всем.

Звонким смехом залилась красавица, когда они пришли к ней с этим решением:

— Пеняйте теперь сами на себя, что не сумели уступить меня друг другу!..

Вскоре оба батыра узнали, что гордая Нурбике стала младшей женой хана Абулхаира. Потом пришли годы бедствий, оба сделались знаменитыми батырами, и слава их гремела по всей степи. Но у обоих продолжала кровоточить тайная рана, хотя война — общее бедствие — сблизила их, как людей, стоящих рядом в смертельной битве. А люди думали, что причиной скрытой вражды, которая все же существовала, является соперничество в боевой славе...

Самым довольным среди всех них выглядел хан Абулхаир. Он вспоминал свою жизнь с красавицей Нурбике. Всеми достоинствами настоящей женщины обладала она и одним только недостатком. Нурбике не имела детей, и это мучило стареющего хана. Зато когда приходил он в ее юрту, то сразу забывалось все. Пылкостью своей она зажигала его и доводила до радостного исступления. С какой бы из своих жен он ни был, его всегда тянуло к токал, и он частенько нарушал установленные для прочих жен дни в пользу молодой жены.

Другие жены не раз нашептывали ему о заигрываниях Нурбике с молодыми джигитами. Хан верил в это и клялся сам себе, что отомстит. Но когда приходил к ней и она протягивала к нему с подушек свои белые руки, хан забывал обо всем. Постепенно ему стало казаться, что любовь молодой жены к нему чиста, как утренняя роса в степи. Жены тоже перестали донимать его доносами. Еще сильнее уверился он в искренности токал, когда побывал с ней както в Туркестане. Там он показал ей мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави. Потрясенная святостью, величием и тишиной этого места, степная красавица чинно и благородно осматривала многочисленные прилегающие к мавзолею строения. И вдруг, когда они подошли к какойто закрытой резной двери, за ней раздался гулкий, леденящий кровь хохот. Нурбике побледнела от ужаса.

— Что... кто это там?! — спросила она шепотом.

— Это голоса тех самых хищных птиц из ада...— сказал хан.— Когда замужняя женщина входит в эту дверь, они своим карканьем

возвещают, сколько она совершила грехов перед мужем... Заходи, если хочешь!..

Абулхаир прекрасно знал, что за дверью, в полуразрушенном дворце, гнездятся бурые коршуны. Они-то и хохочут так отвратительно. Но выросшая на севере токал никогда не слышала их крика.

А Нурбике стиснула кулаки и метнула быстрый взгляд на мужа. «Если бог на небесах и занимался тем, что подсчитывал мои грехи, то он найдет и другие пути сообщить об этом мужу!— подумала она.— Зайду, а там что будет!» И с печальной, укоризненной улыбкой красавица повернулась к хану:

— Разве не известна моему повелителю-хану скромность и покорность его верной жены?.. Что же, открывайте эту святую дверь. Бог — он видит и слышит лучше всех!..

С тех пор хан Абулхаир был наверху блаженства. И теперь, за обедом, он не обращал никакого внимания на поведение своей жены. А Нурбике была в ярости. Никогда еще не оставались равнодушными при виде ее мужчины. И вот один из них уже дважды не обратил на нее внимания: один раз — много лет назад, и второй раз — сегодня. Все лицо ее и особенно глаза сияли чистотой, добротой и беззаботной радостью. Мягкими, ласковыми движениями взбалтывала она и разливала гостям кумыс...

Мужчины ели душистое, тающее во рту мясо годовалого, вскормленного молоком жеребенка, говорили про охоту с беркутом, про лошадей. Когда, сказав нужные по обычаю слова, они поднялись и степенно пошли обратно в срединную юрту, острый взгляд токал приметил чакчу на том месте, где сидел Барак-султан. Глаза зажглись радостью, и она приняла непринужденную позу, выставив из-под шелков свое полное колено.

Когда пришли в главную юрту, султан Барак вдруг вспомнил, что оставил свою чакчу в гостиной юрте. Он пошел за ней и по дороге, очевидно, где-то задержался. Когда он вернулся, Абулхаир удивленно посмотрел на его свирепое лицо и уловил чуть заметную недобрую улыбку у края губ. Настроение хана почему-то сразу испортилось. Но если бы ему сказали что-нибудь плохое о младшей жене, он бы опять не поверил.

Абулхаир теперь говорил размеренно и спокойно:

— С тех пор как по зрелом размышлении мы решили присоединиться к Российской империи, у меня появилось немало врагов. Я думаю, что эти люди так или иначе были моими врагами, а наше решение — только повод обвинить меня. Не было бы этого решения, они нашли бы что-нибудь другое... Что и говорить, присоединение к более сильному есть подчинение. А подчинение всегда подчинение, и в нем мало приятного. Но выбирать не приходится...

И тут вдруг заговорил молчавший до сих пор Серен-Доржи. Голос у него оказался неожиданно тонким и высоким, как у женщины. Он путал слова и брызгал слюной.

— Почему говоришь, казахский хан, что нет выбора?!— Он

яростно задвигал нижней частью тела, как бы желая растереть в порошок шелковую подушку.— Всех сильных возьмем к себе на службу. Тебя, батыр, возьмем, и тебя, батыр.

Хан Абулхаир перехватил взгляд Богембай-батыра. Тот смотрел на нойона с ненавистью и отвращением.

— А как же казахская земля, славный нойон?— спросил хан, специально вызывая джунгарина на откровенность.— Куда же денутся наши кочевья? От наших пастбищ и половины уже не осталось!..

— Так я же сказал, что сильных батыров возьмем на службу,— пояснил нойон.— А слабых зачем оставлять? Кому они нужны? Пусть умирают!..

— Ну, ладно...— Хан Абулхаир помолчал.— Скажи, нойон, а ты видел, как стреляют большие русские пушки?..

— О, нам богдыхан даст много пушек...— вскричал нойон.— Тысячу пушек даст.

Барак-султан исподлобья посмотрел на своего родственника. Род найманов, к которому относился султан, был самым близким соседом джунгар и первым всегда отражал их набеги. Однако такое близкое соседство с врагом невольно приводит к более тесным связям. Особенно часто это случается между двумя кочевыми народами. Воинственные найманы сплошь и рядом роднились с джунгарами и нередко участвовали в их междоусобной борьбе. При этом джунгары особо выделяли среди казахов касту торе — чингизидов, за которых с большой охотой выдавали своих дочерей или женились на их женщинах. Но когда дело доходило до войны, то те же найманы были в первых рядах защитников страны казахов. Немало славных батыров, отражавших джунгарское нашествие, вышло из их рода. К ним, например, относился воспетый в народных сказаниях батыр Кабанбай...

— Не упоминай о шуршутах...— мрачно заметил Барак-султан.— Уж чем твои шуршуты со своими пушками, так вправду лучше орысы!

— Я просил у русской царицы построить город при Жаике и Ори...— продолжал хан Абулхаир прерванную нойоном речь.— И это верно, что русская крепость на Ори выгодна мне, хану Младшего жуза. Опираясь на нее, я смогу наконец объединить казахов...

— Но есть ведь главный хан трех жузов — Абильмамбет,— возразил Барак-султан.— Ему бы решать такие вопросы!

Хан Абулхаир не ответил на это, но и сам Барак-султан понял, что сказал не то. Вряд ли обладал хан Абильмамбет какой-то реальной властью.

— Да, я хочу объединить казахов, и только тогда кто-то будет считаться с нами!..— не меняя тона, говорил Абулхаир.— И разве не слышал ты слова батыра Богембая о рыбе? Люди хотят того же!..

Серен-Доржи гневно запыхтел, но, когда заговорил, тон его был другим:

— У нас, джунгар, говорят: «Еж дружит с кротом, пока тот не пустит его в свою нору, а там уже распускает колючки».

— Не о шуршутском ли еже и джунгарском кроте говоришь, нойон?— спросил Тайман-батыр.

— Да, нойон Серен-Доржи, какие беды придут от русских городов, мы еще не знаем...— Хан качнул головой.— А вот джунгарский аркан нам уже хорошо знаком. А еще хуже его — шуршутское коварство. Вы-то это лучше нас знаете!

— Так и скажу про такое решение, хан Абулхаир, великому контайчи,— пригрозил Серен-Доржи.— Пусть все наши тумены придут к тебе в Иргиз!

— Да, давно я не видел в чистом поле кровавый лик Галден-Церена!..

— Скоро увидишь, хан... В последний миг твоей жизни!

Джунгарский нойон встал и, отвесив легкий поклон, вышел. Поднялся и Барак.

— Задержись на минутку, Барак-султан!— Хан Абулхаир указал на подушку, и султан снова присел.— Как я уже сказал, едет царский человек Тевкелев. Разумеется, он едет неспроста. Скорее всего он теперь действительно потребует от нас подчинения, с присягой и нашим участием в разных делах царства. Как ответим Тевкелеву?..

— А ты что думаешь ответить?— мрачно спросил Барак-султан.

— Я решил это еще пять лет назад.

— И я тогда же решил наоборот!

— Стало быть, обкорнаем хвосты коней?

Подрезать хвосты коней означало положить конец дружбе. Они раньше-то не очень дружили — хан Абулхаир и Барак-султан, но речь теперь шла о более серьезных вещах, чем личные отношения. Кочевья найманов были слишком близко к Джунгарии, чтобы можно было легкомысленно отнестись к такому вопросу...

— Как тебе будет угодно, хан Абулхаир!..

Тяжкая тишина повисла в юрте после ухода Барак-султана. Телохранители стояли у дверей, и сабли словно окаменели в их руках. Тонко пел ветер где-то за кошомными стенами.

— Разрешите высказаться, мой повелитель-хан!— сказал Тайман-батыр.

— Говори, батыр!

— Чем больше в живых останется казахов в это лихое время, тем больше надежды будет у нас на будущее. Так что вы правильно решили прислониться спиной к орысам. Барак-султан думает прогарцевать меж двух огней, не опалив шкуры. Так не бывает при сильном огне...

— Что же смущает тебя, батыр?— спросил хан.

— Разве друзьями нашими стали джунгарские нойоны, которые растоптали наш край? Или уже ушли они с нашей земли, что мы якшаемся с самым кровавым из них — с палачом женщин и детей Сереном-Доржи? Но и это было бы ничего... Почему о самых сокровенных намерениях говорил ты при нем, наш повелитель-хан? Будь

хоть трижды врагом своему контайчи этот нойон, но, когда дело касается пролития нашей крови, они быстро найдут общий язык. Завтра же он слово в слово передаст сказанное здесь кровожадному волку Галден-Церену!..

— Я бы не говорил так откровенно о наших намерениях, если бы не был уверен, что не предстанет больше нойон Серен-Доржи перед своим контайчи!

— Что же произойдет с ним?

— У Красной скалы ждет его смерть!

— Так!..

Батыры посмотрели друг на друга и задумались.

— Кто же свершит над ним суд?— спросил Тайман-батыр.

— Ты, батыр!

— Но... но с ним же будет Барак-султан!..

— Его не трогайте. И помните: ни один из людей нойона не должен уйти. Все видели, как они благополучно уехали от моего порога. Пусть говорят среди джунгар, что Барак-султан не уберег своего гостя. Все средства хороши, когда следует загнать отбившегося воина в строй!..

Не прошло и времени, достаточного для дойки кобылицы, как два десятка джигитов пробрались через прибрежные камыши и ускакали в степь. Впереди ехал закутанный в башлык Тайман-батыр...

Хан Абулхаир остался один. Он подумал немного, потом подошел к стене и снял старую дедовскую домбру, украшенную пером филина. Буйная необузданная мелодия понеслась из главной юрты. Гнев, горечь, жажда мести вылились в тревожные, хватающие за сердце звуки. Люди на той стороне реки поворачивали головы к ханской ставке...

Когда скрылся из глаз Иргиз, султан Барак придержал коня.

— Что ты, султан, сходишь с дороги?— спросил нойон Серен-Доржи, тоже приотстав от сопровождающего их отряда.

— А ты что, от бога ко мне приставлен?— грубо оборвал его Барак-султан. Если при хане Абулхаире он еще как-то сдерживал свои чувства, то здесь дал им волю. Как-никак, а не одна багадурская голова скатилась с плеч от удара его страшной сабли. И хоть породнился он волею судеб с джунгарским нойоном, но не давал садиться себе на шею...

Переехав через реку, султан углубился в тугаи. Передав своему джигиту-оруженосцу повод коня, он дальше пошел один. Показался меж камышами ханский городок с тремя сведенными белыми юртами. Барак-султан затаился и стал дожидаться темноты. Одинокая береза шумела листвой над его головой...

Когда загорелись первые костры у юрт и воинских шатров, стройная тень мелькнула в просвете между кустами. Султан едва слышно кашлянул, и тень заскользила к белеющей во тьме березе.

Ни слова не говоря, он приподнял младшую жену хана Абулхаира, стиснул ее и упал с ней вместе в мягкие камыши...

Еще одна тень показалась у тальника. Хан Абулхаир раздвинул руками ветки и застыл, глядя в светлую лунную мглу. Ему показалось, что он услышал совсем рядом счастливый мучительный стон, и сердце его окаменело. Он остро вглядывался в темноту, но ничего не видел. Потом стон повторился еще и еще раз, смех зажурчал как весенняя вода. Хан стоял неподвижно и думал о том, что никогда в жизни не слышал такого смеха. Потом он круто повернулся и пошел прочь.

Тем временем Нурбике шептала совсем чужим голосом: «Этот муж мой... послал батыра Таймана... убить твоего джунгара... У Красной скалы...»

Затрещали сучья под тяжелой ногой мужчины... «Что же ты молчала, дура намазанная?!» Барак-султан заорал это грубо, во весь голос. Она уценилась за его ногу, жалобным голосом попросила остаться, еще немного побыть с ней. Но султан брезгливо вырвался, побежал к реке, шумно ломая кусты...

Она заплакала, заскулила едва слышно, как брошенный в степи щенок. Потом поднялась с земли, долго оттирала платье. А когда подошла к аулу, вздрогнула и вскрикнула от неожиданности. Прямо перед ней стоял муж. И вдруг каким-то звериным чутьем она поняла, что это уже не муж ее, а мудрый и многоопытный хан Младшего жуза Абулхаир.

Утром младшая жена хана красавица Нурбике поехала со специальным караваном к своему отцу Хисан-баю на берега Сейхундарьи. В аулах поговаривали, что она попросту надоела хану своим кривляньем и глупостью и что хан Абулхаир вздохнул с облегчением, избавившись от своей надоедливой токал...

К вечеру того же дня к ханским юртам подъехала группа запыленных всадников. Передний — батыр Тайман — соскочил с коня и вошел к хану.

— Говори, батыр! — сказал хан Абулхаир после положенного приветствия.

Тайман-батыр молча опустил голову.

— Я слышал, что у Красной скалы что-то произошло...— Хан наклонился по своей привычке к присевшему пониже батыру.— Или это просто слухи?.. Говори же, батыр!..

— Нас постигла неудача, мой повелитель-хан...

— Как же все случилось?

— Всех джунгар, бывших с нойоном, мои джигиты, как вы и приказали, прирезали сонными. А самого нойона я по правилам вызвал на бой...

Хан Абулхаир не сдержал досадливого жеста. Хоть и понимал он, что не укрепишь своей власти благородством, но с принятыми среди батыров традициями приходилось считаться. Хан Абулхаир лишь подумал о том, что для таких важных дел необходимо держать

не батыров, а специальных людей, не отягченных всякими суевериями и правилами чести. Батыры пусть занимаются войной...

— Ну, и чем закончился ваш поединок, батыр?

— Я уже прижал его к скале и выбил из его рук саблю, как вдруг услышал казахский клич «Аруах!»

— Это был Барак-султан!

— Да, мой хан... мог ли я драться насмерть с человеком, который стоял плечом к плечу со мной в трех самых кровавых битвах с джунгарами?!

— Ты поступил правильно, мой батыр. Древнее правило гласит: «Снегом сметается снег, а хана может наказать лишь хан!» Это нехороший пример для людей, когда простолюдин вроде тебя поднимает дубину на султана-торе без разрешения другого торе!..

Тайман-батыр усмехнулся и молча покачал головой.

— Ты не думаешь так, батыр?— удивился хан Абулхаир.

— Время ли сейчас говорить об этом, мой хан!..

— Да... Серен-Доржи через неделю будет у контайчи!..

Как всегда, когда ему надо было обдумать создавшееся положение, хан Абулхаир ушел далеко в степь. Его сопровождал только огромный чабанский волкодав с обрубленными ушами, да вдали маячили на почтительном расстоянии всадники личной охраны. Здесь никто не видел выражения его лица, и можно было дать волю думам...

А подумать хану Абулхаиру было о чем. За одну ночь он пережил измену и предательство любимой жены, из уготовленного ему капкана ушел самый лютый и опасный джунгарский нойон, который услышал многие тайны и не преминет передать их своему контайчи. Весь гнев кровавого Галден-Церена обрушится непосредственно на него. А вдобавок Барак-султан, и до сих пор не жаловавший хана Абулхаира своим уважением, становится отныне его открытым врагом. Да и он сам, хан Абулхаир, разве мог простить свирепому султану то, что случилось в эту ночь?!

Нет, хан Абулхаир вовсе не был добродушным и слабовольным человеком, каким изображали его многочисленные недруги и завистники. Лучше всего о его характере и способностях говорят победы, неоднократно одержанные им над самым страшным врагом за всю историю страны казахов. Кровь его пращура Чингисхана в полной мере проявилась в его поступках, и в жестокости он не уступал никому из своих родичей-торе.

Несчастьем хана было то, что он относился к младшей ветви чингизидов, а потомки из этой ветви, по установленному некогда закону, не могли становиться главными ханами всех трех жузов. Все подвижно в степи: люди, звери, птицы, даже дома, но вечен и незыблем среди кочевников дедовский закон. Как и было положено от века древним шанраком, остовом власти над страной казахов владели султаны из Среднего жуза — потомки Керея и Джаныбека. Какие бы ни совершал подвиги Абулхаир, он оставался лишь ханом Младшего жуза. Да и само ханство это было незаконным и возникло лишь благодаря ослаблению основной ханской власти над

всеми тремя жузами. Абулхаир прекрасно понимал, что его ханство является как бы семьей младшего сына, живущей в небольшом отдельном домике рядом с большим домом родителей...

И ничего не помогало, даже то, что в самые тяжелые времена народного бедствия хан Абулхаир руководил всеми воинами Младшего и Среднего жузов. Он первый из казахских ханов понял, что джунгарское нашествие — не эпизодический набег, а начало векового гнета, идущего от маньчжуро-китайских императоров. Ведь это он, Абулхаир, не на словах, а решительно и бесповоротно связал свою политику с Россией. Вслед за ним по этому пути национального спасения пошел и хан Среднего жуза Самеке, подтвердив тем самым дальновидность хана Абулхаира. Да, связав себя с Россией, он преследует и свои тайные цели. Наедине с собой в этом можно признаться. Но кто же, кроме него, сейчас подходит для руководства?!

И вдруг хан Абулхаир, решительный и жестокий торе-чингизид, готовый на любые клятвопреступления и убийства ради достижения поставленной цели, поймал себя на том, что и один, в голой степи, он даже в мыслях не решается назвать себя великим ханом. Что же это за сила таится в древних традициях? Может быть, правда то, что Чингисхан имел от бога право заклятия?.. Но вот же простолюдины-батыры посмели нарушить уже многие принятые в степи законы. Как только возникает опасность войны, трещит древний порядок по всем швам, и те же неродовитые люди становятся во главе ополчений, многие султаны подчиняются им. Может быть, и ему поступать, как эти люди?!

Хан Абулхаир даже остановился и оглянулся, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто его чудовищных мыслей? Нет, коли ханы пойдут по этому пути, то чего же ждать от «черной кости». Так быстро придет конец света!..

И все же... Все же, кто более него достоин всеказахского ханского трона!.. Бездарный Самеке-хан из Среднего жуза?.. Или родной брат Жолбарс, с грехом пополам управляющий разоренным Большим жузом?.. Никто ведь не считал настоящим великим ханом казахов болезненного, ленивого Булата. Да и сына его Абильмамбета мало кто почитает своим верховным владыкой. Говорят, правда, что подает большие надежды подрастающий там Аблай. В тринадцатилетнем возрасте он уже попадал из лука в летящую птицу и на скаку срезал саблей голову с бегущего сайгака. Но так или иначе, а султан Аблай еще молод для белой кошмы, на которой поднимают над степью великих ханов. А что касается его, Абулхаира, то немного найдется родов в Среднем и Большом жузах, которые послали бы своих лучших людей, чтобы поддерживать края этой белой кошмы.

К тому же переменчивы и непостоянны родовые бии и султаны. Как только прижмут их летом джунгарские нойоны, они бегут под его защиту, а следовательно, и под защиту русских крепостей. Но едва наступит передышка, как многие из них тут же отвергают его власть, и при этом еще клянут его за договор с царицей. Не в

царице, конечно, дело, а в том, что все эти бесчисленные бии и султаны боятся, что, заручившись русской поддержкой, он быстро подомнет их под себя, лишит вольностей и привилегий, укоротит их безбрежную власть над собственными аулами. Что же, так оно и есть. И если «лучшие люди» многих родов противодействуют этому, то основная масса казахов поддерживает сейчас его, надеясь не только на защиту от джунгарского нашествия, но и на то, что он ограничит безбрежную власть родовых биев и султанов, чьи беззакония только усилились в период джунгарских набегов. Все больше и больше нищают люди, и баи пользуются этим, превращая вольных джигитов в батраков, а то и в рабов. Разве не поэтому поддерживают его такие батыры, как Богембай и Тайман? Для массы кочевников всегда было лучше, если правила степью одна рука. А он, хан Абулхаир, не так уж глуп, чтобы не воспользоваться народной поддержкой. В этом и заключается мудрость властителя — использовать народный порыв в своих интересах.

Но неужели не понимают этого хан Абильмамбет, Барак и другие султаны? Кто поддержит их в степи, если после такого кровавого нашествия они пойдут на союз с контайчи или его нойонами? И разве не видят они того дракона, который скалит пасть из-за спины контайчи?.. Нет, их заигрывания с джунгарскими нойонами, в том числе и приезд Барак-султана со своим родичем, должны были служить предупреждением ему, Абулхаиру, чтобы не заходил так далеко в отношениях с Россией. Они как огня боятся его усиления. А это значит, что он на правильном пути!

А потом... потом, разве не ясно уже всем, что не могут больше существовать государства, у которых в вечном движении народ и достояние? Как же при этом добывать руду и плавить железо, лить пушки, обороняться от вооруженного огнестрельным оружием врага? Нет, всему этому следует научиться. Всему нужно будет научиться: строить города, плавить железо, сеять хлеб. А у кого сейчас лучше учиться, чем у русских? И джунгары в том же положении. Только дикие нойоны не понимают или делают вид, что не понимают этого. Такие же дубины, сабли и луки в их войске. Всем туменам контайчи не совладать даже с теми войсками царицы, что стоят на сибирской линии. Но это только тысячная часть ее народа. Рано или поздно, а придется и джунгарам выбирать между Россией и Китаем. И джунгары тоже изберут Россию, потому что нет ничего хуже шуршутских императоров.

Пока что все эти лихие султаны, способные только скот угонять друг у друга, объявляют его предателем за то, что позволяет строить город Орск, за переговоры и присоединение к России. Нет, предатель не тот, кто умело ведет челн среди разгулявшейся бури и выводит его на глубокую воду. Это они предатели, крикуны, которые тянут страну казахов на джунгарскую мель, за которой явственно видны черные шуршутские скалы!..

И пусть не думают, что хитрит хан Абулхаир, присоединяясь к России. Он знает, с какими предложениями едет Тевкелев. Знает

он и некоторых высокомерных и тупых российских правителей в приграничной линии, которые пишут на него доносы царице, обвиняя в лукавстве. Нет, он не лукавит и видит то, что будет впереди: доброе и злое, выгодное и невыгодное. И он согласится на предложение царицы отправить к ее двору своих сыновей. Так издавна поступали в мире. Не гостями и приближенными станут там его дети, а аманатами — заложниками. Что ж, он уверен в правильности своего выбора и не свернет с пути. А дети его пусть будут первыми из страны казахов, которые научатся там всему, что необходимо в будущем мире!

Его любимые сыновья Нуралы, Ералы, Батыр, Айшуак, Кожахмет, а от жены-джунгарки — Чингиз. Их хан Абулхаир не раз уже отправлял в русские крепости накануне принятия важных решений и совместных действий. При той кровавой междоусобице, которую время от времени устраивали в степи султаны, детям там было спокойней, да и российские правители тогда в большой степени доверяли ему.

Что же, у них были все основания относиться с подозрением к своим новым подданным. В 1731 году Тевкелев чуть ли не целый год добирался обратно из степи в Россию. Самовластные бии и султаны Младшего и Среднего жузов обвинили посла царицы в соглядатайстве и намеревались его убить. В то время как раз подчиненные России башкирские родовые вожди совершили набег на казахские земли, и это еще усилило враждебность к Тевкелеву. Русского посла тогда спас батыр Богембай и его родственник Есет-батыр, которые сопровождали затем посольство до самой границы... А те же нападения на русские караваны! Разве не вправе были подумать российские правители, что сам хан Абулхаир организует все эти беззакония? Там, у царицы, ведь большинство советников считают, что хан обладает полной властью...

Задумавшийся хан вдруг очнулся и повернул голову. Истошный женский крик и плач долетели до него. По степи неслись всадники, и впереди их на старом облезлом коне скакала пожилая простоволосая женщина.

— Ой... Ойбай-ай!..

— О, несчастье, несчастье!..

Значит, кого-то убили... Да, как же он не понял сразу! Ночью в схватке с джунгарским контайчи погибли два джигита из отряда Тайман-батыра. Их нельзя было привозить в аул, чтобы не раскрылась тайна ночного нападения на нойона Серена-Доржи, и мертвых положили за околицей. Теперь их нашли...

— Ой, родной наш!..

— Единственный!..

Черный волкодав ощерился и рванулся вперед. Вопящая, рыдающая толпа промчалась неподалеку, но женщина и два или три ее родственника отделились и поскакали прямо к хану. Подскакав, она буквально свалилась с лошади и, царапая лицо ногтями, вырывая волосы на голове, поползла к нему. Абулхаир еле-еле сдерживал за ремень своего звероподобного пса, который стремился вцепиться

в горло несчастной женщины. А она уже вставала с колен и подняла руку в знак проклятия:

— Знаю... Я все знаю... Это ты, хан Абулхаир, послал на смерть моего сына... Так будь проклят!.. Пусть не будет тебе успокоения ни на том, ни на этом свете!.. Да вопить и скулить тебе в могиле вечные времена!

— Укороти свой язык, несчастная!..— тихо сказал хан.— Не у тебя одной гибнут сыновья...

— О, будь проклят твой дед и прадед... Ойбай-ай!..— еще сильнее запричитала женщина.

И вдруг пес-волкодав вырвался из рук хана. Не успел он подскочить к горлу женщины, как черный курук просвистел в воздухе, и собака свалилась замертво с проломленным черепом. Это один из табунщиков на темно-рыжей кляче успел опередить пса.

В тот же миг что-то просвистело в воздухе, и табунщик слетел с коня, скрученный брошенным издали арканом. Подлетел один из ханских туленгутов-телохранителей.

— Ах ты, безродная собака!— закричал он.— А если бы угодил в повелителя?!

Абулхаир сделал знак рукой. Телохранители немедленно развязали табунщика. Тот помог взобраться в седло потерявшей сына матери, и они поехали прочь не оглядываясь...

Посмотрев с минуту на мертвого волкодава, хан Абулхаир тяжело зашагал обратно к своим шатрам. Телохранители отъехали в сторону.

Он шел и все никак не мог вспомнить, где видел этого табунщика, убившего его верного волкодава. В конце концов он вспомнил и его и женщину. Да, это она, та девочка!.. В буйные годы молодости он совершил небольшой веселый набег на каракалпакские аулы в низовьях Джейхундарьи. Там он и захватил девочку с братом. Она все хотела убежать обратно, потому что в родном ауле остался ее жених. Но ее каждый раз ловили. Потом по приказу хана ее отдали в жены одному туленгуту. Стал туленгутом и ее брат. Женщина овдовела и как-то в трудную зиму приходила просить у хана помощи. Кто-то из ханских писарей занимался ее просьбой. Интересно, дали ли ей тогда что-нибудь?..

А сына ее, рослого, крепкого джигита, звали Хусаин. Из него получился бы со временем неплохой батыр. Да вот неосторожно подставил во тьме голову под джунгарскую саблю. Если бы погиб джигит в открытом бою, то горя было бы меньше. Но теперь, найденный где-то за аулом, в чистом поле, он приравнен к бродягам и соответственно будет похоронен.

Что же делать теперь? Ведь женщина всячески поносила его. Правда, никто не слышал этого. Но разве не уронит его авторитет такое потворство? Каким образом наказать женщину и ее брата?

Лишь поздним вечером очнулся хан Абулхаир от своих дум. Догорали костры возле юрт, пахло теплым кизячным дымом. Он привстал с камня и вдруг увидел, что сидит напротив большого черного круга. Здесь стояла веселая юрта его токал Нурбике...

III

Присоединение страны казахов к Российской империи трудно датировать каким-то одним документом. Это был длительный, растянувшийся на десятилетия, сложный и противоречивый процесс. И нельзя связывать его с именем только какого-либо одного или даже нескольких деятелей. Как всякое закономерное историческое явление, оно было вызвано самыми различными причинами экономического, политического и военного порядка, имело своих многочисленных сторонников и противников, которые избирали позицию в зависимости от династических, межродовых и внутриродовых споров, от политического и географического положения той или иной группы родов и племен, традиционной ориентации. Благодаря кочевому образу жизни и общему неустойчивому положению в степи, вызванному и усиленному джунгарским нашествием, позиция родовых вождей все время менялась. Вчерашний противник присоединения завтра становился ярым сторонником, и наоборот. Но так или иначе, колесо истории катилось, неутомимо отбрасывая с исторической арены все отстающее от жизни, косное и окаменевшее. Как всегда в таком случае, кровавые брызги летели из-под этого колеса во все стороны. Резкий, беспощадный и неудержимый ветер новой истории ворвался в Казахскую степь...

Хану Абулхаиру, согласно документам, была от царицы Анны Иоанновны выдана грамота, в которой подтверждалось, что «тебя, хан киргиз-кайсаков Абулхаир, и подвластные тебе войска принимаем в свое подчинение...». Сообразуясь с этой грамотой, Абулхаиру следовало служить царице верой и правдой, во время войны подчинять свое войско общему российскому командованию, не совершать набегов на поселения яицких и прочих казаков, а также на присоединившиеся к России народности: башкир, калмыков и других, не грабить русские караваны и немедленно возвращать на родину попавших в плен русских людей.

И когда в 1740 году хан Абулхаир подтвердил свое присоединение, а хан Среднего жуза Абильмамбет с племянником Аблай-султаном приняли присягу на верность русской царице, то все они, а также триста девяносто девять «влиятельных людей», в том числе батыры Богембай и Есет, каждый по-разному, представляли себе смысл, значение и формы вхождения в Российскую империю. Главное было то, что страна казахов к этому времени уже прямо и недвусмысленно опиралась на Россию, совмещая свои политические, экономические и военные интересы с интересами Российской империи. Это было исторически необходимо, и процесс этот развивался все более бурно, ломая на пути все преграды.

Какие бы осложнения ни возникали в дальнейшем (что неизбежно при таком процессе), джунгарское нашествие было все же приостановлено, и абсолютное влияние контайчи распространялось теперь лишь на южные казахские кочевья. Прекратилось также давление на страну казахов со стороны Бухарского и Хивинского ханств.

А колесо истории все катилось. Помимо Орска строился ряд российских укреплений по рекам Жаику и Илеку. Все больше царских войск присылалось на пограничную линию. С войсками приходили переселенцы из глубинных российских губерний, оседали на земле. Начинались неизбежные в таких случаях столкновения, исподтишка поощряемые как царскими чиновниками, так и феодально-байской верхушкой. Обе стороны всегда были едины в подстрекательстве к межнациональной розни. Уже в то далекое время, а особенно в связи с последовавшими вскоре пугачевскими событиями, они поняли, чем грозит им объединение неимущих слоев обоих народов...

Да, такова закономерность истории. Присоединение к России спасло страну казахов от уничтожения, вовлекло ее народ в современный мировой исторический круговорот, способствовало ускорению общественного и политического развития, оседлости и земледелию, созданию новых форм торговли и промышленности. Но с самого начала этот процесс — в его общественном выражении — так же закономерно разделился на две части, пошел в двух направлениях. С одной стороны, стали все активнее сближаться наиболее угнетенные и подавленные слои обеих наций: сначала переселенческая беднота — с рабами и батраками-табунщиками, затем — на царских «горных заводах» и рудниках — «работные люди», и, наконец, впоследствии, с быстрым развитием промышленности и железных дорог, появился местный пролетариат — наиболее революционная и следующая уже полностью в едином строю с русским пролетариатом часть казахского народа. Это сближение шло два с лишним века, развивалось вширь и вглубь, принимая самые разнообразные формы. Здесь были и многочисленные встречи передовой русской ссыльной интеллигенции с передовыми людьми и просветителями Казахской степи, и совместная служба офицеров из казахской родовой знати с революционно настроенными русскими гвардейскими офицерами-декабристами и последователями декабристов, и, наконец, царская каторга, ссылки и тюрьмы, куда тысячами попадала непрерывно бунтующая казахская беднота и где под руководством русских профессиональных революционеров формировалось ее классовое самосознание. Рука к руке пришли казахский и русский народы к своей великой цели, и произошло наконец подлинное воссоединение наций в едином социалистическом государстве... С другой стороны, как бы ни ненавидели некоторые ханы или султаны лишающий их относительной самостоятельности и многих феодальных вольностей царизм, они неминуемо сближались с ним, становясь самыми верными и жестокими его слугами. Только в этом сближении видели они свое спасение от поднимающейся с каждым годом все выше революционной волны, и колониальная политика царизма в этом отношении отнюдь не представляла какого-то исключения. Находились чиновники и даже генералы — умные, широкообразованные и мыслящие люди, которые, с присущей русскому широтой характера и совестливостью, учреждали школы и больницы в подведомственных им краях, требовали от судей, врачей, почтовых ра-

ботников и других рядовых чиновников, каждодневно общающихся с «инородцами», обязательного знания языка, правов и обычаев местного населения. Было не раз, что такие люди ехали в Петербург, чтобы отстаивать там права «инородцев», защищать их от произвола и насилия. Казахский народ из поколения в поколение передает имена этих людей и чтит их память. А что может быть более чутким и справедливым, чем народная память!..

Но такие люди были лишь исключением, которое подтверждает правило. Первые казачьи дружины, пришедшие на «дикий брег Иртыша», отнюдь не состояли из великих гуманистов своего времени. И надсмотрщики на царских горных разработках не отличались справедливостью и кротостью нрава. Да и поселенцы пограничной линии тоже не были однородной массой. Вместе с бедными землепашцами, уходящими в Казахскую степь от немыслимого произвола и крепостного угнетения, на новые места, как всегда в таких случаях, ринулись всевозможные авантюристы. Здесь же поселяли и отбывших свои сроки уголовных каторжан. Для всех этих людей даже в родных краях закон был не писан. А здесь перед ними возникали широкие возможности. Когда, например, по одному из царских указов уже XIX столетия соответствующим ведомствам было предложено покупать в степи в жены переселенцам по пятнадцати рублей за штуку «девушек-сирот» из «инородцев»,— то это стало у таких людей настоящим промыслом. Все приобретенные таким образом девушки конечно же числились по документам сиротами. Впрочем, удивляться тут не приходилось. Разве многим дороже стоила тогда русская крепостная девушка, которую также отрывали от родителей и продавали другому помещику?..

Если в коренных российских губерниях процветали казнокрадство, взяточничество и беззаконие, то в неизмеримо большей степени это проявлялось на колониальных окраинах. Если в Петербурге творился неправый суд, то вдвойне неправым он был где-нибудь в Каратале или Кокчетау.

Чем дальше, тем острее становились противоречия между этими двумя сторонами одного и того же исторического процесса присоединения Казахстана к России. И тем скорее привели они к революции. В этом и заключается главная прогрессивная объективно-историческая реальность. В этом мудрость истории.

В 1737 году умер Самеке-хан, а ставший ханом Среднего жуза Абильмамбет находился слишком далеко от российских крепостных линий, но зато слишком близко к Джунгарии. Он решил наладить отношения с джунгарским контайчи. Для этого Абильмамбет признал его главенство над собой, послал к нему аманатом — заложником одного из своих сыновей, а в награду попросил возвратить древнюю столицу своих предков — Туркестан. С этой целью он намеревался направить своих послов к находящемуся в то время в Ташкенте Галден-Церену. Однако Абильмамбет вел эти переговоры втайне. Он не был уверен, что народ его поддержит, ибо вещий Бухар-жырау уже сказал прямо ему:

Никогда не станет старый друг твоим врагом,
Ибо кровь его смешалась с твоей во время клятвы...
И старый враг никогда не станет настоящим другом,
Ибо кровь его пролита твоей рукой!..

Тогда и оренбургский губернатор генерал Неплюев поспешил укрепить свои отношения с вождями Среднего жуза ханом Абильмамбетом, Барак-султаном и молодым султаном Аблаем. Это взволновало хана Абулхаира, мечтавшего при поддержке России властвовать над обоими жузами. К тому же оренбургское начальство не удовлетворило его просьбу о разрешении на пользование пастбищами между Волгой и Жаиком. В результате воинственные родовые вожди Младшего жуза стали оказывать неповиновение хану Абулхаиру, а аргынские и кипчакские племена торайгыр, каз, кедел, утей, таз, кыркмылтык, айдерке, акташы, такшы и бакай, населявшие пойму реки Тургай и относящиеся к Среднему жузу, но подчинявшиеся до сих пор Абулхаиру, стали откровенно говорить о желательности выхода из-под его власти. Они думали этим ослабить с каждым годом усиливающееся давление царских поселений на их земли. По указу Анны Иоанновны размер налога на казахские кочевья был незначителен. Два жуза вместе платили в царскую казну всего-навсего от одной до трех тысяч штук лисьих и корсачьих шкурок в год. В первые годы и этот налог сдавался от случая к случаю. Теперь же, в связи со строительством новых укреплений, царское правительство стало брать эти налоги в виде продуктов и скота. Основная тяжесть этого налога легла на находящиеся поблизости аулы Младшего жуза. К этому прибавились и злоупотребления чиновников. Начался ропот. «Если уже сейчас берут от нас скот, то что станется, когда крепости будут построены?» — говорили люди.

Казалось, на двадцать лет постарел за один этот год хан Абулхаир. Энергичный и деятельный в прошлом, он теперь мог часами сидеть в одиночестве, глядя в одну точку. Скулы его обострились, щеки ввалились, и ни кровинки не было в пожелтевшем лице. В живых некогда глазах потухли огоньки, и они стали от этого совсем белесыми. Когда он сидел вот так, не верилось, что этот сухой старик и есть тот самый хан Абулхаир, который во главе конной лавы мчался на джунгар, пробивая их тесно сбившиеся тумены.

Но так или иначе, хан Абулхаир не был тем поставившим перед собой великую цель человеком, который, увидя крушение своих планов, подобно раненому орлу, падает с высоты на скалы и разбивается насмерть. Нет, он продолжал думать о том, как хотя бы ползком добраться до вершины, а если не удастся, то хоть отомстить своим врагам. При таком состоянии духа все способы хороши...

Одинокий холм в степи, который облюбовал себе хан Абулхаир, был тем самым, у которого когда-то безродный туленгут убил острым куруком его любимого волкодава. Как всегда, он сидел здесь на заранее расстеленном прислужниками паласе, а рядом, у правой ноги, присел его первенец — султан Нуралы. Слишком долго сегодня беседовали они, и оба были невеселы. Время от времени Нуралы бросал искоса взгляд на отца, но тут же отводил глаза, встречаясь

с холодным как лед взглядом Абулхаира. «У хана есть сын до тех пор, пока сын не пожелает стать ханом» — гласит пословица. Пока что султан Нуралы властвует над целым краем, уступленным ему отцом, но кто знает, что кроется в душе у этого беспокойного и, не в пример отцу, суетливого человека...

— Итак, ты предлагаешь, чтобы я в разговоре с Неплюевым выказал свою твердость и независимость? — спросил Абулхаир, краешком глаза наблюдая за сыном.

— Нет, поздно уже это делать...— Нуралы даже несколько раз помахал отрицательно рукой.— Поздно... Сейчас нужно по возможности найти с ним общий язык.

— Захочет ли он найти теперь общий язык?

— Если бы ему этого не хотелось, Неплюев не приглашал бы тебя в Оренбург, отец.

— Не только обо мне он тоскует...— невесело усмехнулся хан Абулхаир.— Такие же приглашения посланы, мне кажется, на равных и в Средний жуз. Но разве Анна Иоанновна в своей грамоте не назвала меня «Абулхаиром, ханом всей Киргиз-кайсацкой орды»?! В качестве подвластных мне земель императрица перечислила и земли Среднего жуза. Почему же теперь губернатор царицы не признает этот мой титул, если действительно желает найти со мной общий язык?

— Но, отец, подумай о том, что столько лет прошло... Твои сила и влияние уже не те, что были когда-то. Абильмамбет с султаном Аблаем не слушаются тебя. А чтобы поссорить их с губернатором, нужно искать другой путь!..

— По всему видно, что ты уже нашел его!

— Все равно мой повелитель-хан опять не последует моему совету.

— А ты следуешь моим советам?

— Когда у малыша прорезались зубки, пережеванная пища уже во вред ему!

— Вот как ты заговорил!

Отец и сын замолчали... Им было о чем подумать. Оренбургский губернатор Неплюев пригласил хана Абулхаира на встречу в новый город Орск, находящийся на одинаковом расстоянии от ханских ставок как Младшего, так и Среднего жузов. К таким вещам с глубоким вниманием относятся в степи, и казахи сразу поняли, что наместник царицы с одинаковым почтением относится к вождям обоих жузов, в то время как раньше он всегда отдавал предпочтение хану Абулхаиру. К тому же на встречу был приглашен молодой султан Аблай из Среднего жуза, но не был позван султан Нуралы, самостоятельно ханствующий над прижаикскими родами. Впрочем, это устраивало хана Абулхаира, давно уже замечавшего притязания Нуралы на свое место. Знал он также и то, что Нуралы ведет какие-то свои дела с русскими чиновниками, которые пока не признали его обособленное ханство. Ради этого и для того, чтобы занять место отца, Нуралы был готов на все. Если Абулхаир стремился при переговорах с российскими послами отстоять, хоть в ограничен-

ной форме, свою самостоятельность, то Нуралы думал о себе и готов был хоть завтра записать крепостными всех жителей приjaицких кочевий...

— Вот как ты заговорил!— повторил хан Абулхаир.

Им вдруг овладела слепая старческая ярость. Рука хана сама потянулась к инкрустированному серебром и драгоценными камнями посоху, чтобы ударить по ненавистному лицу сына, по его бегающим глазам. Он уже не видел, что рука сына неслышно метнулась к хивинскому кинжалу на поясе. Но в этот момент раздался лошадиный топот. Оба повернули голову и увидели, что к холму подъезжают младшая дочь Абулхаира Жанат и сын его от жены-джунгарки Чингиз...

Жанат стройна, смуглолица и сухощава, как отец. И в серых отцовских глазах ее читалась отцовская упрямая воля. Сразу было очевидно, что эта черта характера явно преобладает над ее красотой. Да и одета она была не в приличествующее девушке платье с оборками, а в мужскую воинскую одежду. Так в те годы одевались дочери и жены тех джигитов, которые уходили вместе с ними в летучие конные отряды, год за годом ведущие непримиримую борьбу с джунгарами. Здесь же не к чему было так одеваться, тем более дочери хана. На ней был суконный бешмет с короткими рукавами и плотно подогнанной талией, широкие брюки с расшитыми манжетами, на поясе висел кинжал в серебряных ножнах, а косы девушки с недорогой подвеской были привязаны по бокам к поясу. Ей явно было уже около двадцати лет, что по степным канонам того времени считалось чуть ли не старостью. Вместе с тем она была не замужем, и горькая складка у рта говорила о том, что вряд ли предстоит расцвести этим суховатым губам...

Султан Чингиз, с явно джунгарским широким лицом и раскосыми глазами, коренаст и похож на борцов — палуанов. Его чекмень из тонкой пряжи и с воротником из черного бархата перепоясан простым ремнем из верблюжьей кожи с прицепленным сбоку кинжалом.

Приняв положенные приветствия от детей, хан строго спросил:

— Вы ко мне по делу или просто набрели в степи на нашу беседу?

Никто бы не подумал, глядя в его бесстрастное лицо, что несколько мгновений назад он готов был убить собственного сына. Вперед выступила Жанат:

— Нет, сегодня утром вы сказали тетке Каракыз, чтобы готовила в дорогу Чингиза. Мы прискакали узнать, куда, когда и на какой срок он едет...

— Ладно, едем!— бросил, вставая, хан.

В сопровождении молчаливых туленгутов все понеслись к Иргизу.

Да, сегодняшнюю ночь хан Абулхаир провел в юрте своей средней жены Акилим-ай из рода жагалбайлы — самой красивой из его жен после злосчастной Нурбике. В минуту рассеяния он обещал ей, что возвратит из Оренбурга живущего там в качестве аманата —

заложника ее сына Кожахмета. «О мой хан, разве не настало время вернуть нашего любимого сына...— шептала она во тьме.— Да отправь ты пока вместо него Чингиза — от твоей токал. Он уже подрос, и ничего с ним не сделается!» И хан обещал...

Нет, не одна женская просьба заставила его поступить так. Он подумал и о том, что влиятельный род жагалбайлы, живший раньше вдоль Ори, после постройки крепости лишился многих пастбищ и выражает недовольство. Обо всем приходится думать хану... Увидят жагалбайлинцы своего отпрыска от его ханского корня и смягчатся, не станут открыто обвинять его в своих бедствиях.

Подскакав к юрте своей нынешней токал — джунгарки, хан слез с коня и в сопровождении Чингиза переступил порог:

— Чингиз уедет надолго... Возможно, года два-три не появится в ауле. Готовь его в дорогу посерьезней!

Каракыз побледнела и молча склонила голову. Настоящее ее джунгарское имя было трудно произносимо для казахов, и, когда привезли ее в аул, женщины дали ей новое имя по цвету ее смуглого лица: «Черная девица».

— Ничего, ты уже большой джигит!— сказал хан, увидев, что побледнел и сын.— Пора повидать другие страны, выучиться делу, получить воспитание...

И все поняли, что Чингиза отправляют аманатом к царице.

Как будто они дожидались выхода хана из юрты, из-за холма вылетели трое всадников...

— Это Кудабай...— Хан повернулся к Жанат.— А ты ступай домой!

Жанат явно не хотелось уходить, но пришлось. Передав поводья своего коня прислужнику, она пошла к своей юрте, не переставая оглядываться. На это у нее были свои причины...

Кудабай — красивый плечистый джигит, толмач и писарь ее отца, давно уже пользовался благоволением смелой и решительной девушки. Но разве позволительно чистейшим торе-чингизидам родниться с каким-то простолюдином? И они встречались тайно, хоть не бывает в степи так, чтобы тайное не стало явным. Еще в позапрошлом году Жанат должны были отвезти к знатному жениху куда-то к Джейхундарье, но она заболела тифом. В прошлом году, не желая расставаться с Кудабаем, она снова сказалась больной и даже ездила на лечение в Хиву. Уже неделю отсутствовал Кудабай по ханскому поручению, а она все не находила себе места, словно курица, которая должна снестись...

Было одно великое преимущество у Жанат перед всеми остальными людьми. Суровый и скрытный хан Абулхаир доверял ей многие свои тайны. Отец — самый правильный судья своему ребенку, и хан Абулхаир чутьем понимал, что дочь вся — от головы до пят — уродилась в него и тайны тонут в ее памяти, как в бездне. Вот почему, едва получив приглашение от Неплюева и узнав, что такие же приглашения посланы Абильмамбету и Аблаю в Средний жуз, он послал в Оренбург свою дочь Жанат с пятнадцатью джигитами

сопровождения. Больше никому не решился доверить он такое важное дело...

В кожаной сумке на шее у Жанат было донесение губернатору Неплюеву... «Хан Абильмамбет якшается с джунгарским контайчи. Если Галден-Церен возвратит ему город Туркестан, то он подчинится ему и пошлет в его ставку сыновей — аманатов. Советую потребовать от него того же и не выпускать Абильмамбета до прибытия его сына в Оренбург...» И все же... все же Жанат рассказала о доверенной ей тайне. Могла ли она не рассказать этого любимому Кудабаю...

А Кудабай... Кудабай служил курочкой тому, у кого быстрее созреет просо. Под блестящей личиной в его душе тлели головни коварства. Писарская совесть его могла быть поколеблена чашкой крепкого душистого кумыса. Что уж тут говорить о чаше доброго хлебного вина, употреблять которое он одним из первых в степи научился у орских бражников. И вот такому человеку поручил начавший терять свой нюх хан Абулхаир проникнуть в шатер к своим противникам-родичам из Среднего жуза и разузнать, что там готовится. Чего же удивляться тому, что уже в первый день приезда его в Средний жуз хан Абильмамбет знал все то, что было доверено отцом воинственной Жанат...

Кудабай, как было положено, ловко скатился с коня и пал на колено перед ханом Абулхаиром.

— Здравствуй, здравствуй, свет моих глаз! — ответил на его приветствие хан, ощупывая фигуру доверенного гонца и задержав взгляд на новом дорогом серебряном кинжале у его пояса.

Кудабай заметил это и быстро сорвал кинжал с пояса:

— Вот видите, мой повелитель-хан, что преподнесли мне в Среднем жузе как гонцу хана Абулхаира!

— Вижу, вижу...

Абулхаиру и в голову не пришло связать этот кинжал с тайной, доверенной им дочери. Он подумал, что, если Абильмамбет с молодым Аблаем разорились на такой подарок для его писаря — значит, дела идут не так уж плохо.

— Ну, говори, что видел, слышал? — сказал он, когда они прошли в среднюю ханскую юрту и остались вдвоем.

— Много увидено, услышано, мой повелитель-хан. Но главное то, что не хотят в Среднем жузе ссоры с царицей.

— А как с контайчи?

— С контайчи, насколько я понял, они ведут разговоры лишь для отвода глаз!

— Султан Аблай едет с Абильмамбетом?

— Да, мой хан.

— А Бухар-жырау?

— Я его не видел.

— Как же тогда?.. Ведь его считают оком народа... Раз его нет с ними, не значит ли это, что народ не совсем одобряет поступки своих ханов?

— Не знаю. Губернатор просто не пригласил посторонних людей.

— И это может быть...

Хан Абулхаир удовлетворенно кивнул головой и закрыл глаза...

20 августа 1742 года оренбургский губернатор Неплюев велел поставить большие воинские палатки в урочище Тас-Откель вблизи Орской крепости для проведения встречи с казахскими ханами. И только тут прибывший три дня назад хан Абулхаир узнал, что помимо Абильмамбета, Аблая и Барака из Среднего жуза на встречу приглашены джунгарские послы Кошку и Бурун, а также их спутники — каракалпакские батыры Момор и Кучак. К этому времени по личному приглашению губернатора в российские пределы прибыли два сына хана Абулхаира — Ералы и Нуралы. Менять что-либо уже поздно...

По всему было видно, какое большое значение придается нынешней встрече. Два эскадрона драгун и батальон гренадер разбили здесь свой бивак. Когда они строились по утрам или выполняли воинские экзерсисы, на чистом степном солнце ослепительно сверкали эфесы офицерских шашек и солдатские штыки. Шесть больших пушек палили время от времени, и ядра взрывали целые горы песка на далеких холмах.

Однако вожди Среднего жуза запаздывали. Не прибыли они и на следующий день. 22 августа начавший нервничать губернатор узнал от одного из многочисленных своих соглядатаев, что хан Абильмамбет, султаны Аблай и Барак встретились на полдороге сюда с абулхаировским писарем и толмачом Кудабаем, после чего неожиданно повернули коней обратно в степь. Люди из окружения вождей Среднего жуза предполагают, что это произошло потому, что хан Абильмамбет узнал каким-то образом о нахождении джунгарских послов при губернаторе и не захотел в их присутствии вести переговоры. Как-никак, а тумены контайчи всегда готовы обрушиться на их кочевья...

— Да, в этом, очевидно, и правда!— решил губернатор.— Но как они пронюхали об этих джунгарских послах? И при чем тут толмач?.. А ну-ка, позвать его!..

Кудабай был немедленно вызван к грозному губернатору. По тому, как крупными, тяжелыми шагами мерил Неплюев губернаторскую палатку, и по тому, как задергались кончики его рыжих усов, опытный Кудабай понял, что шутить тот не собирается.

— Здравия желаю... ваше... ваше...— по-русски закричал писарь, приложив трясущуюся руку к малахаю.

Генерал лишь махнул рукой, выпученные глаза его остекленели от гнева:

— Говори, толмач, зачем ездил от Абулхаира на встречу к Абильмамбету?!

Перед глазами хитрого Кудабая мгновенно встала картина, как приехавший в конце концов Абильмамбет рассказывает этому гроз-

пому генералу о том, что ему известен совет удерживать его в Орске и требовать сыновей-аманатов. А об этом совете, выведанном у Жанат, рассказал вождям Среднего жуза он, толмач Кудабай. Нет, уж лучше все рассказать тому, кто главнее всех...

— Ваше превосходительство, мой повелитель-губернатор!— снова закричал он, путая русские и казахские слова.— Это верно, что меня послали навстречу Абильмамбету и султанам. Не было только возможности доложить вам!..

Неплюев продолжал мерить шагами палатку. «Что же, толмач, по-видимому, говорит правду. Абильмамбет не приехал, узнав о том, что его могут задержать здесь и потребовать аманатов. И толмач говорит, что он предупредил вождей Среднего жуза об этом именно по поручению хана Младшего жуза Абулхаира. Но почему же этот чертов Абулхаир одной рукой подает мне столь благой совет, а другой предупреждает об этом своего противника? Видно, он попросту испугался этих буйных молодцов-султанов из Среднего жуза и решил сыграть отбой... Да, по всему видать, что хитрый Абулхаир решил во что бы то ни стало поссорить меня со Средним жузом. Оно и понятно. Ему ведь хочется, чтобы я все дела со степью вел только через него. Что же, будем делать вид, что нам неведомы его штуки».

Генерал взглянул на Кудабая:

— Послушай, милейший... Твое усердие будет отмечено нами. Однако надо еще послужить государыне-царице, голубчик!

— Рад стараться, ваше...

— Ладно... А про все ли, что услышал, рассказал мне?

— На хлебе и Коране, ваше превосходительство.

— Да, нам обоим известно, как значительна клятва на Коране...— Неплюев усмехнулся.— Что ты слышал насчет сестрички твоего хозяина Абулхаира... Ну, той, по калмыцкой линии, которую сватают джунгарскому контайчи?

Кудабай открыл рот от удивления:

— Не ведаю, мой повелитель-губернатор, ваше...

— Ну, бог с тобой, голубчик...

По всему было видать, что толмач говорит правду. Между тем губернатору стало известно, что обидевшийся на него Абулхаир забрасывал удочки через хивинского хана в сторону Галден-Церена, обещая ему в жены свою сестру Карашаш. Нуралы рассказал про все губернатору.

— Вот за этим-то и следи, милейший Кудабай!

— Рад стараться, ваше...

— Иди, иди...

А через полчаса, вызванный в юрту хана Абулхаира, толмач Кудабай передал ему все, что касалось сватовства Карашаш.

— Неплюеву все известно!..— захлебываясь, говорил Кудабай.— И кто ему доносит про нас?!

— Да, уж это я узнаю когда-нибудь!— загадочно пообещал побледневший от всех этих новостей Абулхаир.

Абулхаир прекрасно знал, что Кудабай связан с канцелярией

губернатора. Но хан не знал о связи своей дочери Жанат с этим писарем. Многое происходящее при его ставке становилось через толмача известным в Оренбурге. Хотя хан порою о чем-то и догадывался, но держал это при себе. Лучше знать человека, который приставлен следить за тобой. К тому же Кудабай доносил и ему про все, что делалось при губернаторской канцелярии.

Самое главное, хан теперь понял, что сын Нуралы предает его. Только как далеко зашли его отношения с губернатором? А может быть, решена уже где-то там судьба хана Абулхаира и завтра царица признает одного лишь хана Нуралы?! А как бы поступил он сам на месте Нуралы?..

Абулхаир опустил голову.

А Кудабай с понимающим видом смотрел на своего повелителя и думал о своем. Как говорится: «Кто поверит — одарит, а кто усомнится — тронуть побоится!» Самое удобное положение у него. Все три стороны одарили его за сведения: Неплюев — своим вниманием и обещанием награды, Абильмамбет — дорогим кинжалом, а хан Абулхаир — темно-серым иноходцем, о котором денно и нощно мечтал Кудабай.

— Да, возьми его насовсем! — сказал хан Абулхаир. — Вижу, что ты верен мне...

Правда, при этих словах что-то промелькнуло в тигриных глазах хана. Ну да ладно, тигр уже стар, и когти у него не те. Две другие стороны защитят, если понадобится...

Пока что мысли Кудабая полетели к красному офицерскому седлу, которое он видел на губернаторском подворье. Как бы хорошо подошло оно к иноходцу. Но чтобы заслужить такое седло, надо еще что-нибудь выведать у своего хозяина и передать в губернаторскую канцелярию. Что же, придется смотреть в оба, повнимательней слушать, что шепчет ему в ночи разгоряченная Жанат...

Оренбургский губернатор генерал Неплюев и виду не подал, что его заботит отсутствие вождей из Среднего жуза. Он приказал начинать празднества, и на следующее утро специально привезенные длинные столы были расставлены в тени деревьев неподалеку от реки. Здесь было все, что любят казахи и джунгары: мясо в различных видах, самый лучший кумыс, баурсаки. А рядом стояли русские и европейские блюда, приготовленные крепостным поваром губернатора. При этом было прослежено, чтобы не попали на столы блюда из свинины. Зато вина, водки, настойки и наливки стояли на столах в изобилии. Губернатор знал уже, что знатные люди из «киргиз-кайсаков» с превеликим удовольствием грешат против этой заповеди пророка Магомета. И, словно напоказ, там, где собрались толстые и приземистые баи, на столе стояли такие же толстые и округлые бутылки с российским бенедиктином...

Да, бедно одетых людей не было на губернаторском приеме ни с той, ни с другой стороны. Перед пиром Неплюев устроил военную игру: парадно одетые гренадеры стройными рядами устремлялись друг на друга, а лихие гусары джигитовали, рубили лозу, меняли на ходу общий строй.

— Эх, молодец!
— Давай, давай, джигит!
— Ойбай-ай, пронеси, аллах!

Эти возгласы гремели из рядов гостей вперемешку. Одни по степной привычке просто подбадривали всадников. Другие же решили, что губернатор собрал их для того, чтобы покончить со всеми сразу, и в испуге приседали, когда с шашками наголо мчалась на них конная масса. Потом стреляли из пушек, и снова слышались радостные или испуганные выкрики:

— Урр-аах!
— Ур-ра-а-а!
— Ойбай-ай!
— Астафыралла!..

Двадцать четыре раза выстрелили пушки, и испуганные степные кони, вырывая колья, к которым были привязаны, обезумело уносились в степь. Жалобно скулили и прятались за юрты огромные волкодавы. Вздрагивали всякий раз и плакали женщины и дети. В ответ на подобострастные вопросы генерал Неплюев самодовольно отвечал, что достаточно трех залпов из шести пушек, чтобы стереть с лица земли средней величины аул.

В своей десятиминутной застольной речи, оборачиваясь попеременно то к сидящему справа от него хану Абулхаиру, то к сидящим по другую руку джунгарским послам и каракалпакским батырам, Неплюев говорил о желании государыни императрицы жить в мире и согласии как с вверившими ей свою судьбу народами, так и с соседними странами.

— Кто не выпьет в честь государыни, покажет, что не уважает ее императорское величество!— сказал генерал, выпил до дна свой бокал и захохотал простуженным басом.

Вконец напуганные грохотом пушек баи залпом осушили громадные бокалы — кто с водкой, кто с настойкой. Выпили даже те, кто до сих пор и не нюхал спиртного.

Однако за другими столами нашлись люди, которые молча отставили свои бокалы. Но тут встал приехавший с Неплюевым из Оренбурга муфтий тамошних мусульман ахун Насибулла-мулла.

— За здоровье матушки-государыни не выпить — значит желать ей нездоровья,— сказал он певучим голосом.— А разве не великий грех желать плохого тому, кого над нами поставил аллах?

И ахун, весело шмыгнув своим сизым носиком, хватил объемистую рюмку водки, да так, что у сидящего напротив гусарского офицера глаза на лоб полезли от удивления. После этого никто уже не мог отказаться, лишь наиболее богобоязненные попытались вылить вино или водку за спину. Большинство чихали, охали, махали руками.

— Ой, как горько внутри, словно отрава!
— У меня все горло прожгло это собачье зелье!..
— Ничего, раз сам мулла выпил, то что нам!..
— Нет... ты скажи, Кира-бай, за что... за что меня не любишь, собака?!

— Вот теперь довольны мной и баба-царица, и губернатор с бабской бахромой на плечах!..

— Будь здоров, Кира-бай!..

И многочисленные баи навалились на еду. Тут уже не требовалось уговоров муллы. Засучив до локтей рукава, они выхватывали из мисок сразу по нескольку кусков и целой горстью отправляли в рот, приговаривая: «Ну, и мясо... Объедение!» Все двенадцать частей огромной бараньей туши в считанные минуты превращались в груды обглоданных добела костей. Крепкие зубы с хрустом перемалывали молодые косточки и хрящи: «А ну, Кира-бай, подай мне ту, кругленькую!» Наткнувшись на картофель, сразу отбрасывали его в сторону: «Ой, это не еда!»

— Ух, и горький этот листок травы!

— Пересолили... Ну и орысы, едят что попало!

— Почему вы так говорите, уважаемый? Вот эта жареная птичка вовсе недурна!..

— Ох и растение: слезы так и льются из глаз... А ну-ка, суньте его в рот моему другу Кира-баю!..

Лишь несколько молчаливых батыров с каменными лицами съели из вежливости по большому куску мяса и теперь сидели, глядя прямо перед собой. Так же поступили три или четыре русских офицера. Как бы найдя друг друга в этой жующей и чавкающей толпе, они начали поглядывать один на другого, словно думали о том, что ждало их впереди, встреча в бою лицом к лицу или дружба...

Снова встал генерал Неплюев, поднял выше головы бокал:

— Господа офицеры и знатные люди Киргиз-кайсацкой орды!.. Я предлагаю теперь выпить за здоровье и процветание верного слуги ее императорского величества матушки-государыни Елизаветы Петровны и нашего личного друга — великого хана Малой орды Абулхаира!

Разноголосый шум, прерываемый отдельными криками «ура!», был ответом на этот тост. Одни пили, другие ели. Но явственно слышались и недовольные голоса:

— Да приумножится твоя слава, Абулхаир!

— Чтоб ты сдох!

— Счастья и новых великих побед нашему повелителю-хану!..

— Да рухнет в вечный огонь шанрак его юрты!

— Осторожней, аксакал, а то услышит!..

— Ну и пусть... Посадил нас за стол с гяурами. Даже меня, грешного, заставил выпить запретного питья. Теперь все мы гяуры. Ой-бая-а-ай!.. Реветь будешь в могиле, Абулхаир!..

— Продал нас гяурам за бесценок, как запаршивевшую овцу!..

— Молчи, дурак, а то вырвут твой паршивый язык!

— Лучше за столом с гяурами, чем в могиле под шуршутами!

Генерал Неплюев взмахнул рукой:

— Многая лета хану Абулхаиру!

И разноголосый хор купцов, офицеров и казачьей старшины грянул «Многая лета». Визгливо и невпопад подпевали вконец опья-

певшие баи и местные торговцы. Выделялся пронзительный тенорок муфтия. Потом кто-то взял домбру, и полилась над степью высокая, с переливами, песня во славу белой царицы, губернатора и хана Абулхаира.

Хан Абулхаир не первый раз участвовал в таких встречах и знал, сколько надо выпить, чтобы сохранить ум. Поэтому, когда он пошел прогуляться с несколько захмелевшим Неплюевым вдоль берега реки, шаг его был тверд, а глаз зорок.

— Завтра начнем беседу о деле, мой друг,— сказал ему губернатор.— Вам, очевидно, будет неловко говорить при наших общих джунгарских друзьях?..

— Да, особенно, если к моим просьбам останутся глухи...

— Все может статься... Для этого и захотел я предварительно поговорить с вами.

— У меня три просьбы. Если первые две будут исполнены, то о третьей нечего говорить...

— Какова же первая?

— Мои враги в степи говорят, что вы мало помогаете мне и всей нашей Орде. Зная мое усердие в дружбе с вами, хан Абильмамбет и султаны Среднего жуза обвиняют меня в предательстве. Они денно и нощно добиваются союза с джунгарским контайчи. Вы же благоволите к ним, а не ко мне...

Генерал Неплюев лукаво погрозил пальцем:

— Они ведь ваши враги, эти султаны!

— Давно уже все, кто замышляет что-либо против Российского царства, являются моими врагами!

— Допустим, мой друг... Однако два года назад тот же хан Абильмамбет, а с ним султаны Аблай и Барак подняли Коран над головой и поклялись в верности перед генералом Урусовым. Мне сам Василий Алексеевич Урусов рассказывал, как протекала церемония. Им в знак принятия в подданство России подарили такие же сабли с серебряными ножнами и рукоятью, как у вас, Богембая и Есета. А еще сто двадцать восемь старшин Среднего жуза дали такую же клятву, как и ваши старшины... Что же, хоть и сменил я Урусова, но присягали ведь не мне или ему, а государыне!..

— Мы — кочевой народ, и не все считают обязательным придерживаться клятвы на книге...

— Вы-то, мой друг, ведь верны ей!

— Я — другое дело.

— Но и Абильмамбет пока не нарушил своей клятвы.

— Так нарушит!

— Какие у вас основания так думать?

— Почему не приехал сюда хан Абильмамбет?

— И я вот думаю...

Они остановились над речным обрывом, и хан Абулхаир принялся подробно рассказывать о замышляемой в Среднем жузе измене. Вступив в прямую связь с контайчи, Абильмамбет и тамошние султаны не пожелали присутствовать на празднествах. Тем более что здесь находятся глаза и уши контайчи...

— Все это очень занятно,— заметил, усмехнувшись, губернатор.— Но в чем состоит ваша просьба, мой друг?

— Дайте мне в подчинение три тысячи солдат!— сказал хан Абулхаир.— Пусть хотя бы тысяча будет из главного войска, а две тысячи могут быть из вспомогательного — калмыки или башкиры...

Довольные огоньки зажглись в глазах Неплюева. Сменив Урусова, он уже два года настойчиво проводил политику приманивания то одного хана из киргиз-кайсаков, то другого. Они ссорились друг с другом из-за его благосклонности, а в этом и заключалась главная его мысль. Но впервые один из этих ханов попросил у него войска для борьбы против другого...

— Какова же вторая ваша просьба, хан?..

— Вторая касается моего сына Кожахмета, который у вас в гостях вот уже семь лет. Мать хочет повидать его, побыть с ним, а к вам поедет погостить другой мой сын — Чингиз...

Теперь и Неплюев вполне протрезвел и искоса посмотрел на Абулхаира:

— От какой жены этот ваш другой сын?

— От Каракыз-ханум, калмычки...

Это о многом говорило генералу Неплюеву. Из донесений соглядатаев, подтвержденных старшим сыном хана Абулхаира султаном Нуралы, он хорошо знал, что Кожахмет был самым любимым ханским сыном, в то время как Чингиз не пользовался благосклонностью отца. Следовательно, такая просьба означала, что старый хан Абулхаир по каким-то причинам не желает оставлять в руках российского губернатора полноценного заложника-аманата. Неплюев как бы пропустил мимо ушей эти важные для него слова хана Абулхаира. Он вдруг подтянулся и значительно свел брови:

— Очень велики ваши заслуги перед государыней царицей, мой друг Абулхаир. И обе просьбы ваши я выполнил бы беспрекословно, если бы не сложное военное положение. Россия, как вам известно, ведет войну. И теперь не время отрывать даже три тысячи солдат. А борьба славного хана Абулхаира с другими подвластными нам ханами и султанами все же внутреннее российское дело...

Абулхаир невольно опустил голову:

— Так, понимаю... А как принята моя вторая просьба?

— Об этом придется написать письмо в Петербург, непосредственно ее императорскому величеству Елизавете Петровне, ибо матушка-государыня настолько ценит вас, мой друг, что только она может разрешить эту вашу просьбу!..

— Вот как!..

— Ну, а какова будет ваша третья просьба?

— Третья...— Хан Абулхаир больше не мог сдержаться, и голос его неожиданно стал хриплым.— Третья моя просьба заключается в том, что известный вам контайчи Галден-Церен добивается взять себе в жены мою сестру Карашаш, что от калмыцкой нашей линии. Поскольку нет у меня за спиной верной и постоянной опоры, нельзя мне все время враждовать с ним...

Неплюев снова тонко улыбнулся:

— Ну, что же, эта ваша просьба разрешима, мой друг. Еще преславной памяти родитель нашей императрицы Петр Великий имел мирный договор с джунгарскими племенами. И все же советуем вам повременить с этим браком. Вот переговорим со всеми, а потом, как у нас говорится, мирком да ладком. Была бы девица, а добрый молодец всегда сыщется!..

В эту минуту хан Абулхаир вдруг понял ясно и до конца, что Неплюеву известно все, что он думает и что собирается делать. И прежде всего это известно через сына Нуралы. Как бы в подтверждение, губернатор сам заговорил о Нуралы:

— Скажу вам по совести, мой друг, что, в отличие от других ваших сыновей, султан Нуралы глубоко и всесторонне разбирается в делах Киргиз-кайсацкой орды.

— Да, Нуралы — вся моя надежда. И если мне суждено будет умереть, то моя главная просьба — утвердить его на моем месте!..

«Эге,— подумал Неплюев.— Да он, кажется, понял, что сын его от начала до конца докладывает нам про его шашни. Ну, да бог с ним!»

— Я думаю, что императрица поддержит это ваше законное желание!— сказал он вслух.

«Эти гяуры вкупе с Нуралы, видимо, ждут не дождутся моей смерти,— подумал хан Абулхаир.— Как быстро он одобрил мою просьбу!..»

— Но мы надеемся на то, что еще не скоро лишимся неоценимой помощи и поддержки во всех наших добрых начинаниях со стороны такого опытного и верного друга, как хан Абулхаир!— быстро заговорил, предупреждая хана, генерал Неплюев.

«Все же не сразу они могут избавиться от меня!»— с некоторым облегчением подумал Абулхаир.

— Мой сын Нуралы хорошо осведомлен обо всем, что делается в Хиве,— сказал он.— И каракалпакские вожди его уважают. Если бы вы помогли ему с войском, он бы с помощью каракалпакской конницы вытеснил из Хивы людей шаха...

— Рано еще говорить об этом, мой друг. К тому же я сказал уже, что мы ведем другую войну и ссориться сейчас с шахом не было бы разумным. Потому и сказал я вам так о трех тысячах солдат, что просили у меня...

— Нет, ни одного солдата не потребуется из главного войска!— Хан Абулхаир впервые посмотрел прямо в глаза Неплюеву.— Они бы там только помешали. Верующие люди Хивы стали бы бунтовать. А наши джигиты для них все равно что родственники. И Нуралы они встретят там с распростертыми объятиями, потому что ненавистен им Надир-шах...

«К чему бы это он завел про Надир-шаха?— подумал Неплюев.— Да, хочет втравить нас здесь в большую войну, чтобы в мутной воде ловить свою рыбку!»

— Нет, без указа императрицы никакие действия невозможны на наших границах!— сказал он твердо.

Абулхаир кивнул головой. Что же, он знал свое положение. Ничего на земле не делается даром. За присоединение и защиту от джунгар было отнято право самостоятельных решений. Теперь он не может, как некогда, неожиданно появиться со своей конницей на тех или иных рубежах степи и вершить там политику. Все надо согласовывать, и это тяготит его, старого воина. Зато Нуралы — его сыну и зримому преемнику — такое состояние, кажется, по душе. Как же станут вести себя внуки?!

— Оба мы с вами люди, зависимые от большой государственной политики,— сказал Неплюев, чтобы смягчить свои предыдущие слова.— Хорошо, что мы понимаем друг друга!..

К вечеру хан Абулхаир еще более встревожился. С момента своего приезда сюда, как ожидающий отставки человек, он ревниво следил за тем, с кем разговаривает губернатор. Перед ужином он увидел Неплюева, беседующего с Джаныбек-батыром...

Выходец из племени шакчак — одного из аргынских ответвлений, Джаныбек-батыр был очень уважаемым человеком Среднего жуза. Женившийся на одной из дочерей Абулхаира, он помог когда-то хану Младшего жуза распространить свое влияние на некоторые роды Среднего жуза. Вместе с Богембай-батыром и Тайман-батыром он долгое время был опорой Абулхаира. Не случайно генерал Урусов, а затем сменивший его Неплюев считались с его мнением не меньше, чем с мнением многих более родовитых людей. По их представлению императрица первому среди «инородцев» присвоила Джаныбек-батыру высокое звание тархана, даваемое лишь за особые воинские заслуги. Впрочем, этому содействовал и сам хан Абулхаир...

Совсем недавно еще Джаныбек-батыр сыграл решающую роль в войне с приволжскими калмыцкими ханами — родичами и союзниками джунгарских нойонов. Главный хан калмыков — Дондук-Омба поступал обычно по пословице: «Когда враг хватает за ворот, собака хватает за полу». Едва начиналась очередная волна джунгарского нашествия с востока, как хан калмыков нападал на казахские кочевья с запада. Хан Абулхаир в 1738 году решил наказать его за это. Пострадал, как обычно бывало в таких случаях, не хан Дондук-Омба, а простые калмыцкие пастухи и табунщики. Абулхаир с Джаныбеком напали неожиданно и разгромили калмыцкое войско, а затем не хуже джунгар прошли по калмыцким аулам. Две тысячи семейств было угнано в качестве заложников и десять тысяч калмыков было продано в рабство на невольничьих базарах Хивы и Бухары.

Затем сын Дондука-Омба — багадур Галден-Норби хотел во главе двадцатитысячного войска нанести ответный удар, но помешали его распри с собственным отцом. А пока они продолжались, тогдашний губернатор Урусов, которому подчинялись и казахи Младшего жуза и калмыки, принудил их к миру. Однако и сам он не желал полного мира между двумя ханствами, да и невозможен был этот мир. Что ни день происходили стычки между враждующими сторонами, угонялся скот и пленные.

Джаныбек-батыр полностью поддерживал политику хана Абулхаира и был среди тех дальновидных людей, кто с самого начала

стоял за присоединение к России. И вот сегодня в присутствии многих знатных людей должно быть объявлено о присвоении ему звания тархана Российской империи. Но сейчас, когда Абулхаир увидел своего зятя и соратника доверительно беседующим с самим губернатором, сердце у него сжалось. Все же Джаныбек больше принадлежал Среднему жузу, а не Младшему. И почему Неплюев не приглашает для участия в разговоре его, хана Абулхаира?

И опять, как бы угадав состояние и мысли хана Абулхаира, губернатор снова подошел к нему.

— Джаныбек-батыра я считаю не только вашим зятем, мой друг, но и вашей правой рукой!— сказал Неплюев, как бы оправдываясь в чем-то.— Хан и султаны Среднего жуза почему-то не явились, вот я и решил поговорить с нашим славным тарханом о делах. Смотрите, сколько батыров и аксакалов присутствуют здесь от Среднего жуза. Нужно, чтобы ими руководил кто-либо из значительных людей...

— Разумеется..

— К тому же,— генерал перешел на полушепот,— к тому же, пусть джунгарские послы увидят, что мы можем решать дела Среднего жуза и без Абильмамбета с его султанами!

— Да, это правильно!— Хан Абулхаир впервые за весь день оживился.— С этим я и приехал к вам. Нельзя судьбу Среднего жуза целиком и полностью доверить Аблаю. Я не случайно так говорю. Хоть он и молод, но главным там уже становится Аблай!

Столы так и не убирались. С утра до вечера подносились к ним все новые и новые блюда и напитки. Где-то за деревьями играли трубы, стучал полковой барабан. Баи, чиновники — все вместе пили водку, разбавленную кумысом. Упившиеся храпели тут же, на зеленой траве. Слуги перешагивали через них. Время от времени раздавалось тревожное блеяние пригнанных на заклание баранов...

Неплюев острым взглядом оглядел столы и поднял руку с полным бокалом. Наиболее трезвые зашикали.

— Господа!.. Заключительный бокал я поднимаю за здоровье всех сидящих и... гм... гм... отдыхающих здесь гостей!..

Нестройные крики заглушили его тост:

— Ур-ра!.. Браво, браво!..

— Жасасын!.. Уррах!..

— Премного благодарны, ваше превосходительство!

— Здоровья и счастья... Десять тысяч лет процветания!..

А на следующий день избранные люди были приглашены в губернаторскую палатку. Две недели шли сложные переговоры. Но главный вопрос заключался в признании факта присоединения казахских земель к Российской империи, которое должно быть получено от джунгарского контайчи.

Несколько дней ушло на выяснение запутанных отношений между Россией, Джунгарией и казахскими ханствами. Генерал Неплюев настойчиво добивался, чтобы все спорные вопросы между Джунгарией и казахскими жузами решались только через него.

— Мы приехали сюда для того, чтобы казахи заплатили нам ясак и дали аманатов,— сказали послы контайчи.— Они виноваты перед нами. В то время, как мы были заняты на границе с Китаем, казахи совершили на нас набеги!

— По законам Российской империи не позволено, чтобы подвластный нам народ платил ясак или отдавал аманатов на сторону!— твердо отвечал генерал Неплюев.

— Вопреки проискам и козням всех наших врагов, мы не допустим неповиновения нашей матушке-государыне, мы клялись ей на Коране,— заявили в один голос от имени Младшего и Среднего жузов хан Абулхаир и Джаныбек-тархан.— А предыдущие наши набеги на джунгарские кочевья были лишь продолжением той многолетней войны, что затеял сам контайчи. Если же нет войны, то мы клянемся, что больше не будем нарушать мир, и присутствие при нашей клятве губернатора великой Российской империи вернее всех аманатов на свете!..

— Никогда казахские ханы не выполняют своих клятв,— упорно возражали послы контайчи.— Они уже не раз клялись нам в мире и дружбе!

— На этот раз от их имени говорю с вами я!— отрезал Неплюев.

— Тогда для продолжения переговоров мы просим вас направить людей к великому и ослепительному Галден-Церену, подобию солнца на земле!— сказали послы Кошку и Бурун.

Но они не сразу уехали, эти послы. Молча стояли они на пышной церемонии, наблюдая, как еще сто семьдесят восемь аксакалов, биев и батыров из всех трех казахских жузов клялись с хлебом у рта и Кораном над головой, что добровольно принимают подданство России вместе со всеми своими сородичами. При этом джунгарские послы косились на громадные русские пушки, стоявшие у кромки степи...

Генерал Неплюев в парадном мундире с аксельбантами и при всех орденах произнес речь, в которой благодарил новых подданных за доверие к матушке-государыне и от ее имени давал обязательство считать равноправными и защищать от внешних врагов все присягнувшие племена. Особенно выделил он старшин и батыров Старшего жуза, чьи кочевья находились под властью контайчи, а сыновья пребывали в аманатах у джунгар. Это был прямой вызов и откровенная угроза джунгарскому контайчи...

Когда послы уехали, Неплюев призвал хана Абулхаира и его соседей — калмыцких ханов решать все вопросы лишь мирным путем и при содействии законных российских органов власти. Чтобы не отвратить и так обиженного хана Абулхаира от России, губернатор дал наконец ему позволение кочевать со своими аулами и табунами вдоль рек Илек и Берды. Казахам разрешалось оседать там на землях рядом с русскими мужиками, и это явилось большим облегчением для наиболее бедной части племен и родов. На этих землях вскоре и возродилось древнее казахское хлебопашество.

Хану Абулхаиру, кроме того, разрешалось днем и ночью въезжать в любую российскую крепость, а его самого и личную охрану впредь предписывалось на правах генерала обеспечивать «казенным

хлебом». В степи властители поступали так со своими туленгутами, и хан вместо радости ощутил вдруг ледяной комок в горле.

Между калмыцкими и казахскими кочевьями проведена была очередная твердая граница по Жаику. Ни одной, ни другой стороне не разрешалось отныне переправляться на противоположную сторону реки. О плененных калмыках, проданных на хивинских и бухарских базарах, уже поздно было говорить, и губернатор лишь обещал похлопотать о них.

Таким образом, оказался довольным один лишь Джаныбек-батыр. После торжественного чтения указа царицы о присвоени ему высшего воинского звания первого тархана Киргиз-кайсацкой орды с последующей передачей этого звания по наследству, снова ударили пушки, ибо тархан империи был равнозначен генерал-фельдмаршалу. И сразу на разные голоса заговорили собравшиеся:

— Будь вечно счастлив, Джаныбек!

— О, как возвысил ты славу рода шакчак!

— Скакун твой доскакал первым, Джаныбек, поэтому не забудь о нас, маленьких!

— Раз добился своего, Джаныбек, устрой же пир на все три жуза!

И седобородый Джаныбек-батыр, самый храбрый из тогдашних батыров, близко стоящих к хану Младшего жуза, много раз видевший смерть лицом к лицу, заплакал, как ребенок. Даже генерал Неплюев опешил от такого непосредственного проявления чувств. «Боже мой, они же просты и доверчивы, как дети,— подумал он.— Да, неплохой народ пришел в подданство к нашей государыне!»

Губернатор оглянулся. Только теперь он увидел, сколько вокруг озлобленных, рассерженных людей, ненавидевших удачливого Джаныбека.

Все же у Неплюева были веселые глаза. «Как и все дети, они еще завидуют друг другу до смерти. Такими людьми управлять — одно удовольствие. Захочешь наказать человека — награди его при всех!»

Перед отъездом гостей губернатор позвал к себе толмача Кудабая.

— Знаешь ли ты, милейший, о том, что Абулхаир давно уже ходатайствует о восстановлении древнего города Жанкента в низовье Сырдарьи. Или, как у вас говорят, Сейхундарьи...

— Да, слышал не раз, ваше превосходительство!

— Для чего это он хлопочет, не знаешь?

— Может быть, ему хочется быть поближе к джунгарам, ваше превосходительство!..

При этих словах лукавый толмач посмотрел невинными глазами на губернатора. Тот все чаще беседовал с ним в последнее время, и Кудабай начал постепенно привыкать к его грозному виду и громовому голосу.

— Что же, это и нам не помешает...— Генерал Неплюев покачался некоторое время с носков на пятки.— Чтобы восстановить разрушенный город, а вернее — построить на его месте новый, следует направить туда топографов и прочих. Вот и поедет от нас в ставку

твоего хана прапорщик Илья Муравьев. Помимо своих ученых дел, он будет тебе прямым начальником. Понял?!

— Рад стараться, ваше превосходительство!..

— Ладно, старайся... Но пока прапорщик приедет, глаз не спускай с хана. Чуть что — ко мне!

И вдруг Кудабай осмелился высказать свою заветную мысль:

— А может быть, ваше превосходительство, не надо прапорщика... Я ведь тоже обучен всяким наукам. Да и подозрений ко мне меньше...

Неплюев внимательно посмотрел на способного толмача:

— Ладно, ты служи, за нами не пропадет. Богат будешь и в чинах, коль так же предан нам останешься. Пока тебе прапорщик не помеха. Ступай!..

А через полчаса тот же Кудабай получил от хана Абулхаира обещанные ему соболью шапку и расшитый золотом кафтан. При этом Абулхаир узнал от своего толмача, что не мешает присматривать за едущим к ним русским прапорщиком.

В тот же вечер оренбургский губернатор Неплюев писал в Петербург, в Коллегию иностранных дел: «Хотя Абулхаир отдал в аманаты родного сына и посему не сможет открыто выступить против России, верить ему нельзя, ибо двуличен он и надменен».

Да, ни одна серьезная деловая просьба хана Абулхаира не была удовлетворена. Хоть и был обещан ему «казенный харч» и право посещения всех крепостей и воинских команд Российской империи, внутри у него все горело от обиды, и ехал он по своей земле, словно пробирался на ощупь во тьме подземелья...

А в это время хан Абильмамбет, считающий, что Россия во всем отдает предпочтение хану Младшего жуза Абулхаиру и хочет сделать его главным ханом казахов, послал в аманаты джунгарскому контайчи своего сына-наследника Абильфаиза. До него уже дошли сведения, что подвластный ему жуз представлял на совещании у губернатора Неплюева Джаныбек-батыр, которому присвоено звание тархана. Это, а также заверения Галден-Церена в том, что казахам будут возвращены Туркестан с прилегающими к нему тридцатью двумя городами, ускорило его решение отдаться под покровительство контайчи. Немалую роль сыграло и то, что у джунгар в это время находился в плену молодой султан Аблай. Так или иначе, а этим решением хан Среднего жуза помогал злейшему врагу в деле полного закабаления казахских земель.

Убедившись в серьезности действия хана Абильмамбета, Галден-Церен уже в 1745 году начал строить военную дорогу через степные солончаки и приготовил на самой границе с подвластными России казахскими землями двадцатитысячное отборное войско. Все чаще джунгарские авангарды нападали на приграничные казахские кочевья, разоряя их и уводя пленных.

Новая волна казахских беженцев прокатилась через степь. Но, согласно договоренности, казахским аулам запрещено было переко-

чевывать на западный берег Жаика. Тех, кто по древней степной привычке не обращал внимания на установленные границы, нарушал этот запрет и переправлялся через Жаик, судили по указу сената от 5 марта 1744 года, в котором предписывалось таковых нарушителей «схватить и отправить из Оренбурга в Роговик или же в Сибирь, на Нерчинские рудники и заводы». Мало того, в письме от 11 мая 1747 года Коллегия иностранных дел предписала выжечь все травы на правобережье Жаика до самого Каспийского моря. Незадолго до этого — 20 сентября 1743 года сенат издал указ о передаче охраны пограничной линии Яицкому казачьему войску. По существу, яицкие казачьи старшины становились в этих краях полными хозяевами. Была передана в руки Сибирского казачьего войска и вся пограничная «горькая» линия по рекам Тоболу, Иртышу, Ишиму. Положение казахских племен и родов вблизи этой линии сразу ухудшилось. Началась первая стадия осуществления царской колонизаторской политики, от которой прежде всего страдали неимущие слои кочевого населения. Все сильнее становился гнет царизма и в русских переселенческих районах. Несладко приходилось и казачьей голытьбе. Приближалась великая пугачевщина, в которой впервые в истории побратались и выступили плечом к плечу против своего исконного врага — царизма — русский народ и народы окраин.

Правда, генерал Неплюев сознавал, что наиболее правильный путь дальнейшей колонизации края — это мирные переговоры и расширение торговли. Он даже писал в своем рапорте в Коллегию иностранных дел о том, что «надо изыскивать возможности подчинения этого народа не только путем насилия и угроз, но и путем благодеяний через расширение торговых отношений». Но наряду с этим тот же Неплюев не преминул попросить войскового начальника на Уильской дороге генерал-лейтенанта Штокмана выделить для насильственного подчинения казахского населения, если таковое окажет сопротивление, две тысячи казаков и пять тысяч солдат из Орской крепости. В дополнение, если в этом возникнет необходимость, предлагалось выделить еще десять тысяч вооруженных людей из числа подвластных России «инородцев», как-то: калмыки, башкиры, крещеные татары, черемисы и прочие.

Куда было отступать казахским родам и племенам, если с другой стороны стоял наготове со своей конницей кровавый контайчи? Ханы и султаны быстро нашли свой путь, приспособившись если не к одной, то к другой стороне, а несчастный народ заметался, как зверь в капкане, неистово и слепо дергаясь в разные стороны и с каждым движением теряя кровь и силы. Снова появились сотни больших и малых отрядов, которыми чаще всего руководили неродовитые батыры, а то и просто табунщики. Эти отряды нападали на царские воинские команды, обозы, караваны и на богатые байские табуны и кочевья. Их называли в различных документах разбойниками, но первая, еще не организованная стадия народного сопротивления всегда и везде принимала такие формы. В движение Степана Разина тоже вливались когда-то такие крестьянские ватаги.

Отряды, которыми руководили батыры Баян, Малайсары, Елчи-

бек и другие, продолжали наносить непрерывные удары по захватившим их земли джунгарским нойонам. В степи разгорался пожар народной войны...

А хан Абулхаир чем дальше, тем все больше отдалялся от дел. Так и не добившись у оренбургского губернатора ни регулярных войск в свое подчинение, ни права на самостоятельные действия на юге против Надир-шаха, ни пастбищных угодий за Жаиком, ни даже возвращения своего сына из аманатов, он быстро терял в степи свой авторитет. Это, пожалуй, было не так его собственным просчетом, как просчетом самого губернатора, ибо хан Абулхаир, заслуженный степной вождь и военачальник, олицетворял политику присоединения к России.

Теперь постаревший хан Младшего жуза метался по степи, не зная, что предпринять. Он докатился до того, что принялся подталкивать некоторые казахские роды к уходу на земли среднеазиатских ханств. При этом он надеялся, что, увидев такое непослушание новых подданных, губернатор снова призовет его и даст ему войска для возвращения беглецов. Когда и это не помогло, потому что в любом случае казахские аулы чувствовали себя в большей безопасности на подвластной России территории, хан Младшего жуза начал исподтишка, а затем открыто выступать против российских властей.

По наущению хана Абулхаира в середине зимы 1746—1747 годов два отряда казахских джигитов перешли по льду через Жаик и в урочище Кзыл-жар разгромили калмыцкие кочевья и поселок русских рыбаков, угнав много скота и свыше шестисот пленных, среди которых были и русские. Вслед за этим большой казахский отряд дошел уже до Волги, разгромив по дороге ряд мирных поселений. Но на обратном пути лихие джигиты наткнулись на засаду и еле спаслись, потеряв немало убитых и пленных, которых судили потом по законам военного времени. Петляющий по бескрайней степи хан Абулхаир подумывал уже о новых больших походах на российские укрепления, которые сам разрешил когда-то строить. Вокруг него начали объединяться другие обиженные родовые вожди, примыкать летучие отряды батыров...

И все же хан Абулхаир прекрасно понимал, что невозможно осилить такую великую державу, как Россия. Все эти действия предпринимались в надежде повысить себе цену в торге с губернатором. Именно поэтому, да еще оглядываясь на своего сына Кожахмета, остающегося в аманатах, он приказал разыскать и немедленно отпустить всех русских пленных. «Поняв тщету своих действий против русских, Абулхаир сделался еще смирнее, чем прежде»,— писал генерал Неплюев в Коллегию иностранных дел. Царские власти опять поняли превратно хана Абулхаира.

Совсем по-другому складывались в это время дела Среднего жуза. Тамошние вожди поняли, что нельзя безоговорочно доверяться джунгарскому контайчи, желающему навечно поработить казахские земли. Единственной силой, способной противостоять джунгарским завоевателям, была Россия. И теперь, когда стало ясно, что Абулхаир не получит полной русской поддержки в своих устремлениях, Абиль-

мамбет и все султаны Среднего жуза начали быстро склоняться в сторону России. Губернатор Неплюев, в свою очередь, тактично напомнил вождям Среднего жуза о их клятве на верность царице и не преминул намекнуть самому строптивому из них — султану Бараку — о том, что он недоволен старым Абулхаиром. Неплюеву уже было известно о вспыхнувшей между ханом Абулхаиром и Барак-султаном прямой ссоре. Совсем недавно джигиты Абулхаира ограбили большой караван, направленный к Барак-султану из Хивы его сыном. Зная крутой нрав Барак-султана, оставалось лишь ждать развития событий.

Вскоре хан Среднего жуза Абильмамбет добился возвращения всех аманатов от контайчи и тут же разорвал с ними всякие отношения. В свою очередь, Галден-Церен отозвал всех своих послов из Среднего жуза, что означало объявление войны. Хан Абильмамбет и султаны окончательно решили перейти в подданство России, и тогда все неродовитые батыры Младшего жуза, такие, как Тайман, Алтай и многие другие, оставили Абулхаира и примкнули к ним. Этих людей мало интересовали ханские и султанские свары между собой, и они с самого начала знали, что главный враг — джунгарский контайчи и стоящие за ним шуршуты. Устоять против этого врага можно было только опираясь на Россию. Хоть по всему становилось видно, что нелегким будет царское ярмо, все же оно было лучше гибели под джунгарскими шашками. У некоторых появились уже друзья среди русских переселенцев, в степи объявились первые дезертиры из царских солдат, и с ними быстро находили общий язык простые табунщики и вольные джигиты.

Немалое значение имела торговля. Казахам теперь частично разрешалось ездить на все российские ярмарки, сбывать шерсть, кошмы и закупать хлеб, мануфактуру, домашнюю утварь, лопаты, топоры, ножи, посуду — все это лучшего качества и по куда более низким ценам, чем на базарах Хивы и Бухары. К тому же благодаря присутствию русских гарнизонов стала безопасней дорога на эти ярмарки. Появились первые казахские купцы и даже промышленники. Многие бедные джигиты нашли себе постоянную работу на рудниках, соляных промыслах и на строительстве дорог и мостов...

Увидев такой поворот событий, считающий себя в степи первым, кто поклялся в верности царице, хан Абулхаир решил в обход самого губернатора обратиться со своими претензиями непосредственно в Петербург. Для этого он поначалу написал хорошо известному ему Тевкелеву письмо, в котором жаловался на Неплюева и просил совета. Письмо, как обычно, составил и привез в Оренбург толмач Кудабай. Сразу же по приезде, едва отряхнув дорожную пыль, он отправился к губернатору.

— Так что ты там привез, голубчик?— спросил генерал Неплюев.

— Письмо нашего хана Абулхаира генералу Тевкелеву в Петербург, ваше превосходительство!..

— Гм... гм...

— Должен отправить его с первой оказией!

— Ты, наверное, знаешь, про что там написано?..

Нет, оренбургский губернатор генерал Неплюев был неплохим воякой и человеком, не лишенным чести. Вряд ли бы он пошел на то, чтобы прочитать чужое письмо где-нибудь в исконных российских пределах. Правила дворянской чести были внушены ему с малолетства. Но здесь, на пограничной линии, могли ли они распространяться на переписку какого-то кайсацкого хана!

Ну, а Кудабай был лишен всяких подобных «предрассудков» и подробно, слово в слово, передал губернатору содержание письма. Память у него была отменная.

— Не забудь только, отправь его с первой оказией, как и приказано тебе почтенным Абулхаиром!— сказал Неплюев, улыбнувшись наивности старого хана.

Кудабай вскочил, чтобы идти выполнять указание, но Неплюев остановил его кивком головы.

— Что еще изволите приказать, ваше превосходительство?— спросил толмач.

— Ты, голубчик, видимо, и сам понимаешь, что мы не можем больше опираться на нашего славного хана Абулхаира...

Кудабай, имевший кое-какие виды на своего хана, помрачнел:

— Ну, а если он раскается и станет, как прежде, служить верой и правдой государыне?..

— Это уже не имеет значения. Как и всегда бывает, появились более молодые и способные деятели из киргиз-кайсаков...

«Хан Нуралы — сын Абулхаира!» — сказал про себя толмач. Да, он-то правильно повел себя с самого начала. Коль такого матерого волка, как хан Абулхаир, слопали, то что для этих людей он, беззащитный маленький зайчик...

— А как думают отстранить нашего хана?— набрался смелости и спросил Кудабай.— Наверное, императрица издаст указ...

— Не думаю...— сухо ответил губернатор и посмотрел на толмача в упор своим страшным взглядом.— Властям нет дела до этого Абулхаира. Он сам породил ненависть среди некоторых султанов и пусть держит сейчас ответ. Мы не станем вмешиваться в эти распри!

«Кто же должен осуществить этот... этот уход хана из жизни?— лихорадочно думал толмач.— Чего от меня хочет губернатор?»

— Среди враждебных Абулхаиру султанов особенно не любит его Барак-султан...— заговорил Кудабай, холодея от ужаса.— Хан Абильмамбет тоже не любит его, но не... не сможет...

— А Барак-султан?

— О, конечно, сможет!— воскликнул толмач.— Султан Барак давно уже обвиняет Абулхаира в том, что тот продается белой царице...

Поняв, что сказал лишнее, толмач закрыл свой рот ладонью, но Неплюев поощрительно махнул рукой:

— Ничего, ничего, говори... Самый подходящий человек этот Барак. Раз он так уж сильно не любит нас, то и его не жалко!..

— Что же прикажете мне, ваше превосходительство?

— А ничего... Сам пораскинь мозгами, голубчик!

— Но... но контайчи лишь обрадуется уходу хана Абулхаира. Зато некоторые роды Младшего да и Среднего жуза станут мстить Барак-султану и... и мне!..

— Ну, тебе же за что? Разве что сам станешь болтать о всяких небылицах... Да не беспокойся. И Барака при случае успокой. В Младшем жузе будет другой хан, а мы... мы, как я уже сказал, не станем вмешиваться не в свое прямое дело. Споры между родственниками нас не касаются!..

— Да, да, они сами...

Неплюев понял состояние толмача и небрежно сказал, как бы между делом:

— Там у казначея твое жалованье накопилось за полгода. Ты ведь у нас на жалованье, голубчик. А там и чины пойдут, и слава...

— Рад стараться, ваше превосходительство!..

— Ну, ступай, ступай... Я буду ждать известий!..

Через десять дней толмач Кудабай оказался в Хиве, в гостях у сына Барак-султана — батыра Жолбарса. Они долго говорили о чем-то, и Кудабаю на прощанье была подарена расшитая хивинская шуба с плеча хозяина и гнедой ахалтекинский конь. Вскоре толмач был уже в ставке Абулхаира и не преминул получить и от него кое-какие подарки. Прямо не стал он рассказывать о разговоре своем с губернатором, но тем не менее намекнул, чтобы хан поберегся ездить по степи в одиночестве...

Дело неминуемо приближалось к развязке. Летом 1748 года сам генерал Тевкелев прибыл из Петербурга в Орск для личных переговоров с Абулхаиром.

— Старый друг лучше новых двух, господин Неплюев!— сказал он в Оренбурге губернатору.

— Ох, ваше превосходительство, вынужден, сидя здесь, выбирать себе друзей по необходимости!— ответил Неплюев.

Хан Абулхаир, понявший, что и в Российской империи сановники враждуют и сживают друг друга со света не хуже, чем казахские ханы и султаны, поспешил со всей своей семьей и поредевшей свитой в Орск, к генералу Тевкелеву. Все свои обиды выложил он перед тем, кто некогда склонил его на присоединение к России. Один из умнейших людей своего времени. Тевкелев сделал все, что в его силах, чтобы не заставить старого хана раскаяться в его политике. Он считал, что такое отношение к одному из виднейших деятелей присоединения дурно отразится на авторитете Российской империи на всем Востоке.

Хан Абулхаир от чистого сердца обещал Тевкелеву и впредь верой и правдой служить России. К хану возвратился из аманатов его любимый сын Кожахмет, а вместо него в Оренбург поехал другой сын — Айчувак. Тевкелев взял полностью на себя улаживание отношений хана Абулхаира с губернатором. Окрыленный и помолодевший, возвращался старый хан в свою ставку на Иргизе.

А губернатор Неплюев лишь отмалчивался в разговорах с Тевкелевым: не его дело вмешиваться в султанскую междоусобицу.

— Режут они друг друга, как волки, ваше превосходительство...— сказал он.— Как могу отвратить их от такого природного дела?!

Полный тревог за судьбу хана Абулхаира и всей российской политики в Большой азиатской степи, уезжал в Петербург генерал Тевкелев. Оснований к этому было больше чем достаточно.

Впрочем, генерал Неплюев мало грешил против истины, когда говорил о невозможности сдержать межплеменную усобицу в степи,— слишком еще мало было войск на пограничной линии. Да губернатор и не очень-то стремился к этому.

Не раз отряды хана Абулхаира разоряли кочевья тех родов, которые волей или неволей подчинялись джунгарскому контайчи. Но бывало, что хан сводил и собственные родовые счеты. Так, он неуклонно преследовал целый род джалаир из Старшего жуза, который в годы «великого бедствия» нашел убежище среди каракалпаков. Джигиты Абулхаира не раз переходили Сейхундарью и грабили аулы джалаирцев, а заодно и каракалпаков. Предводители рода, опасаясь полного его исчезновения, решили искать убежища в Среднем жузе, у аргынцев. Большой их караван, в который входили и два аула каракалпаков, шел через владения Абулхаира к Тургаю. Но тут на него напал отряд родного брата Барак-султана — Кучука, отколовшегося от Среднего жуза и самозванно провозгласившего себя ханом ряда родов и племен. Всадники Кучук-султана дочиста ограбили караван беженцев, оправдывая это тем, что джалаирцы якобы хотели в дальнейшем переметнуться к джунгарам. Спастись удалось лишь полусотне каракалпаков, которые побежали в сторону Оренбурга и по дороге встретили возвращавшегося с переговоров хана Абулхаира. Несмотря на то что его сопровождали лишь полторы сотни всадников, Абулхаир бросился в погоню за Кучук-султаном. Как уж там получилось, но на помощь своему брату пришел неожиданно оказавшийся тут Барак-султан.

— Мы не осилим Барак-султана...— советовали Абулхаиру приближенные.— Давайте вернемся в Иргиз за подкреплением!

— Не воины вы, а бабы!— в ярости закричал старый хан и приказал начать преследование братьев-султанов.

А Барак-султан уходил медленно, всякий раз показываясь на ближайших холмах и вызывая новые приступы бешенства у хана Абулхаира. Всем было ясно, что старого хана заманивают подальше в степь.

И вот наконец произошла эта роковая битва. На пустынном берегу степной речушки Олкеек объединенное войско братьев-султанов легко разметало полторы сотни всадников Абулхаира. Кстати, как часто случалось в то неустойчивое время, султанам помогли и быстро перешедшие на их сторону джалаирцы и каракалпаки из разграбленного каравана, давно уже желавшие свести счеты с ханом Абулхаиром. Хан Абулхаир самолично зарубил нескольких врагов, а потом, увидев скачущего к нему Барак-султана и словно осознав свою судьбу, опустил саблю и закрыл глаза. Подскакавший султан сбил его с коня, прыгнул ему на грудь и вонзил глубоко в сердце

прямой казахский нож. Неподвижное, голубое небо вдруг закрутилось, завертелось, залилось кроваво-красной краской.

— Вот все кончилось...— беззвучно шептали его побелевшие губы. Словно огонь, на миг обожгла его сознание мысль: «До чего ты мудр, мой маленький народ!.. Кроме тебя, кроме казаха, никто этот бренный мир не называл жалганом...[1] Действительно, ты жизнь, оказалась обманчивой, быстротечной... Прошла как один миг...»

Барак-султан воскликнул:

— О предатель и вечный враг мой! Как я поклялся когда-то, так и сделал. Своими руками зарезал тебя и своими устами выпил твою кровь. А если виновен я в чем-либо, то шея моя выдержит веревку правосудия!

Сказав это, Барак-султан хлестнул камчой коня и поскакал не оглядываясь...

Меньше чем через год императрица Елизавета Петровна издала указ об утверждении султана Нуралы ханом Младшего жуза...

---

[1] Жалган — так казахи иногда называют жизнь. Труднопереводимое слово, обозначающее, примерно, быстро проходящее, обманчивое состояние.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Душистая и густая луговая трава достигает пояса. А вдали будто белые чайки опустились вразброс на склоны горы Сырымбет. Это белоснежные юрты султанского аула. Там много еще других юрт — черных, прокопченных, дырявых. Но их не видно отсюда, потому что скрыты они в лощине под горой. Это по существу другой — отдельный аул, в котором живут многочисленные туленгуты и прислужники хана Аблая...

Как возле султанских юрт, так и внизу, в черном ауле, снуют люди. В стороне, на круглой площадке, освежевывают баранов, ставят огромные котлы. Солнце лишь встало, а когда оно дойдет до своей высшей точки, начнется большой пир. Сегодня султану Касыму, семилетнему наследнику Аблая от жены, приходящейся родной сестрой великому джунгарскому контайчи Галден-Церену, произвели обрезание. Это один из самых значительных праздников в степи, тем более когда дело касается торе-чингизидов.

Лет десять назад совсем еще молодой султан Аблай вторично попал в плен к джунгарам. Три года находился он при ставке контайчи в Ташкенте, потому что джунгары с почтением относились к торе — людям одной крови с ними. В 1743 году благодаря ходатайству его дяди хана Абильмамбета и вмешательству русского губернатора генерала Неплюева султан Аблай был освобожден. В аманатах вместо него при ставке контайчи остались сын самого Абильмамбета султан Абильфаиз и сын Барак-султана Шагай.

Но Аблай-султан вернулся не одиноким из джунгарского плена. Присмотревшись к нему, отметив мужество, ум и решительность, столь необходимые настоящему властителю, опытный Галден-Церен, по всем правилам восточной дипломатии, женил его на своей воинственной сестре Хоче. За смелость в бою и участие в государственных делах ее с тринадцати лет называли Хоча-багадур, а по приезде к казахам стали звать Хоча-батыр. Сначала она родила девочку, вскоре умершую от кори, а в 1746 году Хоча родила сына Касыма, виновника сегодняшнего торжества.

К этому времени Аблай пользовался уже огромной славой во всей Казахской степи и за ее пределами. Контайчи не ошибся, предрекая ему великую будущность. Отвага, ум и достойная старцев рассудительность содействовали тому, что, не имея ханского титула, Аблай обладал неограниченной властью в Среднем жузе и с ним считались везде, где звучала казахская речь. Лишь в одном ошибся многомудрый Галден-Церен: взяв себе в жены его сестру, Аблай тем не менее не стал прихвостнем контайчи, а вел самостоятельную политику. Какие бы колебания ни проходили в степи, острие этой политики всегда было направлено на освобождение из-под джунгарского ига.

И все же пока султан Аблай был формальным вождем лишь некоторых аргынских родов Среднего жуза, в том числе немалочислен-

ных родов атыгай и караул, живущих на склонах гор Кокчетау и породнившихся с Аблаем через своих дочерей, отданных ему в жены. Собственно, этот грандиозный праздник сорокалетний Аблай тоже проводил с тайным замыслом вербовки сторонников. С самого начала он поставил перед собой цель — сделаться всеказахским ханом — и шагал к этой цели, не стесняясь в средствах. Когда требовалось, это был спокойный и уступчивый, на первый взгляд, политик, но, когда нужно было пройти по трупам, он шел по ним не оглядываясь.

Накануне вечером приехал к нему знаменитый Бухар-жырау, которого Аблай знал с тех пор, когда был еще юношей по имени Абулмансур и, бежав из плена, скрывался от джунгар в прокопченной чабанской юрте вместе со старым рабом Оразом.

Тогда он и сказал Бухар-жырау, что принимает на себя имя своего кровавого деда Аблая...

— Ты хмур сегодня, мой жырау...— сказал Аблай.— Расскажи нам что-нибудь поучительное!..

— Для этого я и приехал.— Бухар-жырау многозначительно помолчал.— Пришла пора рассказать о предке твоем Есим-хане. Я знаю, что ты чтишь это имя, султан, и мне хотелось бы, чтобы не повторял ты его ошибок...

— Мы слушаем тебя, жырау...

И жырау, несмотря на то что устал с дороги, начал рассказывать...

— Много забот свалилось на молодого Есим-хана после смерти Тауекеля. Прежде всего нужно было решить наболевший вопрос отношений с кашгарскими и бывшими моголистанскими вождями и султанами, которые грызлись между собой за оставленное ханом Абдрашитом наследство. При этом они претендовали на многие киргизские земли. Киргизские манапы, в свою очередь, разделились на сторонников родственной им Белой Орды и кашгарских сторонников. Неопытный Есим-хан не смог встать выше этой мелкой борьбы и увяз в ней. Только участившиеся нападения натравливаемых китайскими богдыханами джунгарских контайчи заставили объединиться мятежных манапов с Есим-ханом. Горячее дыхание китайского дракона уже чувствовалось и в Семиречье... Как было не раз раньше, джунгарские владыки думали, что опять казахи и киргизы рука об руку пойдут против восточных врагов.

А пока что, вмешавшись в кашгарскую междоусобицу, Есим-хан, по совету заинтересованных людей, решил поддержать одного из сыновей Абдрашита — правителя Шалыша и Турфана — хана Абдрахмана. Объяснялось формально это тем, что мать Абдрахмана была родом из местного казахского племени уйсунь, и он обычно выступал на стороне Белой Орды. Пять тысяч всадников выделил ему Есимхан для помощи в его борьбе с другими наследниками Абдрашита. А во главе этого войска был поставлен Туяк-батыр.

На следующий день после торжеств в честь почившего хана Тауекеля молодой хан Есим приказал Туяк-батыру явиться к нему во дворец. Горячий и подвижный, с быстрыми карими глазами, Есим-

хан был почти одного роста с великаном Туяком. Он самолично резким движением бросил батыру подушку, что было высшим выражением ханского благоволения, и тут же принялся рассказывать ему о предстоящем задании.

— Мы должны привлечь к своей груди уйсуней и все казахские роды Семиречья и Туркестана!— закончил он свое напутствие.— Поклянись, что выполнишь мою волю!

— Воля хана вдвойне священна, когда не расходится с волей людей,— спокойно ответил Туяк-батыр.— Но все мы — люди, и позволь твоему слуге высказать одно свое заветное желание.

— Говори, батыр!

— Вера в счастье — это челн, который проносит джигита через бурные и широкие жизненные реки. Когда сильна она, то и в сердце у джигита горит огонь храбрости, и конь джигита не спотыкается. А счастье мое целиком в ваших руках, мой повелитель-хан...

— Говори до конца, батыр!

— Если вы снизошли до того, чтобы выслушивать сына рабыни, то я выскажусь до конца. Довольны ли вы моей службой в вашем войске? Равны ли мои дела ратным делам других воинов, какого бы высокого происхождения ни были они?!

— Клянусь богом, вы с покойным братом всех превзошли в минувшей войне!— вскричал нетерпеливо хан Есим.— Только говори поскорее, батыр!

— Я услышал святые слова из ваших уст, мой хан. Вот моя рука и мое сердце. Отдайте мне в жены вашу невестку Акторгын!..

Молодой хан вздрогнул и покраснел, словно кто-то дал ему пощечину. Он даже отшатнулся от неожиданности:

— Эй... что ты там мелешь?!

— Вы богом поклялись, что я не хуже других, мой хан!..

Смуглое лицо молодого хана стало чернее ночи. Он мотнул головой, словно дикий жеребец, на которого нежданно-негаданно набросили аркан. Разумеется, нет такого закона в степи, по которому вдова уходит в могилу вслед за умершим. И не останется навеки вдовой жена хана Тауекеля. Но она ведь ханская невестка. Можно ли допустить, чтобы она вышла замуж за сына рабыни. Весь мир станет говорить о таком несмываемом позоре!

— Акторгын, твоя невестка, мой хан, тоже умоляет тебя об этом!— сказал Туяк-батыр.

— Значит... значит, вы стакнулись еще до смерти моего высокого брата!— Есим-хан говорил теперь холодно, и глаза его смотрели куда-то вдаль.— Тогда вы будете наказаны втройне!

— Это не так, мой хан!

— Молчи, раб!

Нет, не таким уж плохим и жестоким человеком был молодой хан Есим. Но неслыханной наглостью показалась ему просьба какого-то безродного батыра о том, чтобы породниться, хотя бы косвенно, с ним, потомственным торе... И еще одно обстоятельство примешалось к его гневу. Дело в том, что молодой хан сам исподтишка посматривал на красавицу вдову, предвкушая разделить с ней ложе. Она была кра-

савицей, его невестка, и он решил про себя взять ее по закону себе в жены, несмотря на разницу в возрасте. На десяток лет старше хана была Акторгын, но рядом с ней тусклыми пятнами казались все другие красавицы...

Бешено забился, зазвонил серебряный колокольчик в ханской руке. Вбежала стража.

— В зиндан его... Под землю!

Весть о том, что прославленного батыра и военачальника бросили в смрадный зиндан на черной площади позади ханского дворца, мигом облетела весь Туркестан. К вечеру об этом знали уже во всех прилегающих аулах, а через три дня про это говорила вся Казахская степь.

Акторгын заплетала свои чудные косы, когда вбежавший мальчик-слуга сообщил ей о том, что батыра Туяка повели в цепях на черную площадь. Она побледнела, схватившись за сердце, но тут же взяла себя в руки:

— Призовите батыра Жолымбета!

Он приходился ей дядей, батыр Жолымбет, командовавший лучшим отрядом батыров из Младшего жуза. Акторгын поняла, что просить у хана прощения она не станет. Да и ни к чему хорошему это не приведет. По неписаным древним законам она до конца своих дней должна принадлежать этому мальчишке-хану. На его стороне право и суд аксакалов. Другое дело, что более умный и опытный хан ни за что не пошел бы на разрыв с народными батырами, на прямой разрыв с ней, а следовательно, со всем Младшим жузом ради своей прихоти. Что, кроме мимолетной страсти, может внушить она, которой уже за тридцать, этому юному хану... Кроме того... кроме того, сдержанный, полный скрытой мужской силы взгляд батыра Туяка достиг ее сердца. И когда, подставляя большую руку, он помогал ей сходить с коня, ей никак не хотелось отрывать колено от этой руки....

— Нечего ждать милости от этого хана...— сказала она вошедшему батыру Жолымбету.— Я сейчас же должна уехать на родину. Нужно скрыться, пока твои джигиты стоят еще в городе. А ты, кажется, приходишься другом батыру Туяку. Кроме того, ты — мой дядя. Вырви его из зиндана, пока будут гнаться за мной. Пусть нашу судьбу с ним решат бии страны Ногайлы!

Батыр Жолымбет и не мог поступить иначе. Акторгын после смерти Хакназара была отдана в жены Тауекель-хану как залог верности всего Младшего жуза Белой Орде. Теперь в ее лице был оскорблен весь Младший жуз. Как могли воины этого жуза пройти мимо такого оскорбления! Что же касается Туяк-батыра, то, снимая голову, по волосам не плачут. Освободив его из зиндана, Жолымбет-батыр получал поддержку всех неродовитых батыров орды, всего простонародья. А это в той смутной обстановке, которая создавалась в степи, огромная сила. Так или иначе, а именно «черная кость» сорвали поход хана Тауекеля на Бухару...

А главный виновник всего — батыр Туяк сидел в это время в тем-

ной каменной яме с узким отверстием в потолке и лишь время от времени позвякивал тяжелыми цепями... Началось все с того самого момента, когда Акторгын решительно надела кольчугу покойного мужа, села на его коня и бросилась в бой. Тогда впервые он и помог ей сесть в седло, подставив под колено свою ладонь. Он сразу почувствовал вдруг теплоту этого округлого колена и поднял глаза. Женщина смотрела на него откуда-то с неба, и глаза ее были ярче звезд... Потом он десятками отбрасывал пики, нацеленные в ее грудь, одним взмахом своей страшной сабли отметал замахнувшихся на нее врагов. После боя он опять помог ей сойти с коня...

По приезде в Туркестан во все сорок дней тризны он не видел ее ни разу. Зато на сорок первый день к нему подошел мальчик и сказал, чтобы батыр следовал за ним. Туяк-батыр пошел, ни о чем не спрашивая. И не удивился, когда увидел себя в комнате Акторгын.

— Сможешь ли ты за один день объездить для меня коня?— спросила его Акторгын, и он как во сне кивнул головой, еще не веря своему счастью. В древнем сказании говорилось о том, что царица, прежде чем отдать свое сердце простому безродному джигиту, испытывала его таким образом. Это был открытый знак благоволения женщины к мужчине, и требовалось немало мужества, чтобы решиться на такое. Впрочем, мужества Акторгын было не занимать...

Конь был громадный красавец семилетка, но совершенно дикий, присланный ей в подарок от башкирской родни. На рассвете Туяк-батыр вскочил на него, обхватив своими могучими коленями, и конь с бешеным ржанием вынес его в степь. К вечеру батыр возвратился верхом на тихом послушном коне. Когда подошедшая Акторгын при помощи Туяк-батыра вставила ногу в стремя — конь не шевельнулся.

— Благодарю тебя, мой батыр!— сказала она.

Поздним вечером мальчик пришел за батыром и повел его темными переходами в малый ханский дворец. Там его встретила женщина-мамка, приехавшая с ханшей из страны Ногайлы. Она провела его к маленькой двери и осталась снаружи. В полутьме батыр увидел протянувшиеся к нему белые руки:

— Подойди, мой батыр!

Он подошел не дыша, и она прикоснулась к нему тонкими пальцами.

— Чего ты просишь, батыр, за то, что усмирил моего коня?

Он продолжал молчать, не в силах выговорить ни слова.

— Ладно, дай я поцелую тебя за это!..

Она приподнялась на носках, но достала лишь до груди батыра. Как в чудном сне послышался ее серебристый смех:

— Что же ты не подставляешь руку, мой храбрый батыр?

Тогда он подставил большую ладонь, как делал это, когда ей надо было садиться в седло. Она встала на его ладонь горячим обнаженным коленом и дотянулась до его губ. Все пошатнулось и закружилось вокруг: комната, дворец, степь, вся его жизнь. И до самого утра не отпускала его она...

Акторгын забеременела, но просторная шелковая одежда, принятая при ханском дворе, и недосягаемость знатных женщин для нескромных взглядов помогли ей скрывать это несколько месяцев до повторной, главной тризны по Тауекель-хану. Теперь же все раскрылось, и только бегство могло спасти ее от позора...

— Или смерть, или Туяк-батыр!— сказала она своему дяде Жолымбет-батыру при прощании.

Глухой ночью небольшой конный отряд джигитов Младшего жуза подъезжал к западным воротам Туркестана.

— Кто такие и по чьему повелению?— спросил начальник стражи.

— По моему приказу!— сказал, выехав на свет, Жолымбет-батыр, и начальник стражи почтительно отступил к воротам. Отряд с подсменными конями в поводу поскакал в ночь. Посредине его мчалась на белом коне закутанная в чапан Акторгын...

Разъяренный хан Есим утром снарядил погоню. Но он и сам понимал, что это бесполезное дело. Зато хан приказал получше стеречь в зиндане Туяк-батыра. Ему доложили, что ночью его пытались освободить. Не удалось это лишь потому, что узника с вечера перевели в другую яму, под самой стеной дворца...

Вместо Туяк-батыра на помощь хану Абдрахману в Восточный Туркестан хан в этот день направил батыра Жолымбета...

Не прошло и полугода, как батыр Жолымбет вернулся с победой. Но сражаться ему пришлось не с кашгарскими братьями хана Абдрахмана, а с более серьезным противником. Подталкиваемые китайскими советниками, джунгарские отряды как раз совершили кровавый набег на семиреченских казахов и киргизов. Отягощенные добычей, они возвращались через границу, когда на них неожиданно обрушился пятитысячный отряд Жолымбет-батыра, рассеял воинов, освободил пленных и захватил много добра. Шесть месяцев его джигиты не получали никакой платы за службу, и батыр самолично распорядился разделить между ними и ханскую военную долю. Об этом не преминули донести Есим-хану, вдесятеро преувеличив при этом сведения о количестве захваченной добычи. Хан разгневался на батыра. Но самое главное случилось в день возвращения отряда. Именно в этот день оказалась пустой каменная яма, в которой сидел Туяк-батыр. Стража показала, что это воины Жолымбет-батыра ночью выкрали арестанта...

В тот же день — день возвращения из тяжелого похода — батыр Жолымбет был закован в цепи и брошен в ту же яму, где сидел перед этим Туяк-батыр. По всей степи прокатилась весть о том, что славному батыру готовятся снести голову...

На этот раз Жиенбет-жырау сам пришел в ханский дворец. Так было принято в степи, что признанный певец имел право прийти к хану в любое время. Тем более это было дозволено Жиенбету — вещему певцу покойного хана Тауекеля. Ждать уже не приходилось, потому что на главной площади Туркестана, напротив ханского дворца, все было готово для казни батыра Жолымбета. Понимая, что могут произойти волнения, хан Есим приказал своим телохранителям оцепить площадь...

— Добро пожаловать, великий певец!— сказал с нескрываемой насмешкой молодой хан, сразу понявший, зачем приехал жырау.— По всему видно, что ты очень спешил. Все ли во здравии на твоей родине?..

Ни слова не ответил гордый жырау хану, лишь взял домбру и запел:

Там, где власть порождает одну лишь жестокость,
В страхе прячется мудрость, мой хан...
Нет, не к добру приносишь ты своим чувствам
В жертву батыра...
Вспомни, что ты — хан,
А тигроподобный Жолымбет не одинок на свете.
Род Бай-улы с двенадцатью ветвями за его спиной,
И каждая ветвь затоскует по убитому тобой батыру!..
Если же плачешь ты по своей части добычи,
То мы возместим тебе втройне твою часть.
В остальном мы надеемся только на бога!..

Даже молодой и горячий Есим-хан понял, какая угроза таится в словах жырау.

— Ты хорошо поешь, мой жырау, но надо бы раньше поздороваться!— сказал он.

Жиенбет преклонил колено, как воин:

— Здоровья и благополучия тебе и нашему большому ханству, мой повелитель!

Глаза Есим-хана сверкнули:

— Ладно, мой жырау... Дарю тебе жизнь батыра Жолымбета!

— Славлю твою ханскую мудрость, мой повелитель!— сказал с облегчением жырау.— Сейчас ты показал всей степи, что недаром подняли тебя на белой кошме. «Есим» назвали тебя при рождении, что означает «мудрость». Значит, родители твои не ошиблись в выборе имени. Самая высокая ханская смелость и заключается в том, чтобы не бояться быть мудрым!

Да, именно таким был этот «Большой Есим», как называли его в народе,— достаточно умным, вспыльчивым, но отходчивым. Таким он и остался в песнях жырау.

— Зачем ты рассказал об этом, жырау?— спросил Аблай, когда вещий певец закончил свой рассказ о Есим-хане.

— Может быть, завтра поймешь ты это!— загадочно ответил Бухар-жырау.

— Но завтра праздник в честь моего сына.

— Тот, кому дана власть, и в праздники должен оставаться мудрым!

И вот наступило утро...

Аблай продумал каждый поворот предстоящего праздника, каждый свой жест и слово, которое он скажет на нем. В просторном черном плюшевом кафтане, наброшенном на плечи, в собольей шапке, он вышел из своей личной юрты и без прищура посмотрел на чистое солнце. Погода благоприятствовала празднику. Окинув взглядом живописные окрестности, Аблай уже сделал шаг к почтительно застыв-

шему юноше с медным кумганом в руке и расшитым полотенцем на плече, но вдруг насторожился и застыл, как коршун, увидевший добычу.

Два всадника на взмыленных конях вылетели из оврага за горой и полетели наискосок, словно кобчики, едва касаясь верхушки трав. Потом они круто повернули к белым юртам, и донеслось извечное степное: «Тревога!.. Враг идет!»

На подходе они разделились. Один из всадников, с простой белой повязкой на голове, поскакал к туленгутам, а другой, в белом верблюжьем чекмене и капюшоне, осадил коня у самых ног Аблая. Соскочив с коня, он откинул капюшон и встал на одно колено. Это был совсем молодой джигит.

— Пять тысяч аргынских всадников уже в переходе отсюда!— закричал дозорный-ертоул.

— Слышал ли ты их разговоры?— спросил Аблай, даже не шевельнув бровью.

— Да, мой султан... Они злы, как одичавшие собаки. Говорят: «Едем, чтобы отсечь голову Аблая за смерть Ботахана!»

— Кто их ведет?

— Бекболат-бий — старший сын Каздаусты-Казыбека.

— А где сам великий бий?

— Они говорили между собой, что он болеет с самой весны. Чем болеет, я из камышей не расслышал. Они лишь сказали, что сделался он «весом с копыто тулпара». Зато Бекболат полон гнева и торопит их!..

— Если ускорят они свое движение, то когда их можно ожидать здесь?

— К полудню! С ними еще этот..

Ертоул потупился, не решаясь говорить.

— Кто?.. Говори, ертоул!

— Батыр Олжабай со своим приемышем Котешем-жырау...

Султан Аблай невольно повернул голову. О, это уж серьезно, если правдолюбец Олжабай с ними!.. Батыр Олжабай из рода каржас прославился тем, что, дожив до сорока, так и не мог окончательно решить: кем ему стать — батыром или жырау. Собственно говоря, он уже добрых двадцать лет был одним из самых храбрых батыров Среднего жуза, и не было ни одной серьезной битвы с джунгарами, в которой бы он не участвовал. Но, кроме того, Олжабай знал наизусть все степные сказания от времен легендарного Коркута до наших дней. Полстепи мог проскакать он на своем пегом иноходце, если узнавал, что в каком-то ауле появился новый интересный сказитель-жырау. Речь его была пересыпана примерами из древних сказаний, а каждое слово — свое, казахское, или арабское, персидское, русское — он проверял на слух, многократно повторяя и находя древние, общие для всех народов звучания. Больше всех других подтверждал он принятое в степи мнение, что аргынов издревле тянет к науке и искусству.

Но так уж сложилась жизнь Олжабай-батыра, что лишь только брал он в руки домбру, чтобы сложить что-нибудь самому, как при-

летал на взмыленном коне какой-нибудь джигит и уведомлял, что джунгары опять набежали на соседнее кочевье и родственники просят его помощи. Отказать в таких случаях батыр не мог. А каждое лето он с другими воинами вливался в постоянный отряд Аблая, с которым совершал длительные походы против джунгар. Когда молодой Аблай попал в плен, Олжабай отбился от насевших на него трех джунгар и ускакал в степь.

Однако, несмотря на возраст, батыр Олжабай всем и каждому говорил, что скоро забросит свой меч-алдаспан и станет ездить по степи как простой жырау. А пока что он свою любовь к искусству выражал тем, что покровительствовал и помогал всем большим и малым жырау на две тысячи верст вокруг. При нем всегда проживал какой-нибудь способный подросток, который вскоре обязательно становился известным жырау. Вот и теперь с ним живет сирота-приемыш Котеш, который своим звучным пением и хорошей памятью затмевает уже многих видных сказителей.

Возможно, за свои чудачества или за великую любовь к правде и справедливости в любом казахском ауле этот высокий, стройный батыр с опущенным до плеч черным айдаром и всегда задумчивым лицом вызывал к себе невольно почтение. Верным помощником был он всегда султану Аблаю в битвах его с джунгарами, и слово его вдохновляло людей. И вот теперь Олжабай-батыр идет сюда с теми, кто хочет крови Аблая!

Это, наверно, и привело Аблая к необычному решению...

Аблай кивнул головой, подошел к прислужнику и подставил руки под чистую сверкающую струю подогретой воды. Помывшись, он обтер полотенцем руки, шею, лицо, бросил использованное полотенце на дощатый помост и круто повернулся к своему слуге, ожидавшему приказаний:

— Бей в дабыл! Все, кто называет себя мужчиной, пусть через время, равное дойке кобылы, будут здесь!

В тот же миг два здоровенных полуголых джигита ухватились за деревянные колотушки на длинных ручках и принялись равномерно ударять ими то в громадный, до отказа надутый воздухом бычий желудок, висящий на шесте, то в два небольших барабана-даулпаза. Время было военное, и боевые кони у джигитов были всегда привязаны к главному поясу юрты или, стреноженные, паслись неподалеку. Надеть оружие и вскочить на них было делом нескольких минут. Послышался молодецкий посвист, заклубилась пыль со всех сторон, женские встревоженные голоса отозвались из-за юрт.

Это была не случайная тревога. Как и бывает чаще всего среди кочевников, распря произошла тоже во время праздника. Люди племени каракесек справляли богатую тризну по одному из своих вождей. Как повелось издавна, на тризну съехались многие знаменитые люди всех трех жузов. Среди них был, конечно, и Аблай со своими лихими туленгутами.

Все было как водится: конная байга, борьба палванов «казакша-курес», стрельба из лука по мешочку с золотом, а в самый разгар пиршества возле Аблая оказалась толпа острозычных народных

шутов — шаншаров, без которых не обходился ни один праздник в степи.

— А что сделал бы султан, если бы сбили с него шапку?— весело закричал один из них.

— Не успела бы она долететь до земли, как слетела бы и голова того, кто решился бы на это!— ответил другой.

— А я решусь!

И с этими словами шаншар взмахнул плетью и как бы невзначай сбил с Аблая шапку. Султан и ухом не повел.

— Правду говорят, что в большом пиру большое опьянение!— сказал он, так и не подняв шапки.

Зато когда в следующем году царский генерал Киндерман устроил первую ярмарку в только что отстроенном городе при урочище Кзылжар, названном вскоре Петропавловском, и на нее прибыла большая группа людей из племени каракесек, султан Аблай, которому принадлежали здешние места, велел задержать двух единоплеменников оскорбивших его некогда шаншаров, а именно Жаная и Ботахана. Люди вспомнили, что эти двое смеялись особенно громко над униженным султаном.

— Но ведь это была обычная шутка...— пробовали урезонить султана приближенные и друзья.— Покажи широту характера и понимание смешного, наш султан!

— Горе султану, который понимает шутки!— ответил очень серьезно Аблай и велел бросить одного из задержанных, Ботахана, в вырытую специально для этого могилу.

Несколько дней пролежал в могиле, откуда нельзя было вылезти, Ботахан, а когда Аблай пришел и сказал, что тот может «вылезти из могилы», оскорбленный и униженный Ботахан ответил: «Человек, однажды попавший в могилу, никогда не выходит оттуда». И с этими словами он вспорол себе ножом живот.

И вот теперь все мужчины племени бесмейрам сели на коней, чтобы отомстить за своего земляка. Ертоул Аблая не успел увидеть всего. По дороге к бесмейрамцам примкнуло еще несколько групп обиженных в разное время Аблаем простых людей из других племен, и приближающийся отряд насчитывал не менее пяти тысяч всадников. Все они горели жаждой мести.

Триста джигитов выстроились на майдане перед султанской юртой. Это и было войско Аблая. Правда, все джигиты были закаленными воинами, потому что не проходило года для них без войны. Но разве совладать небольшому отряду с целым войском? И тогда Аблай сказал:

— Мы уходим...

Сразу зашумели старики, женщины, дети:

— А что же будет с нами? Куда мы денемся от гнева Бекболата и его людей? Горе нам!..

— А вы угощайте гостей бесбармаком и кумысом,— Аблай указал на дымящиеся в стороне котлы.— Вон сколько наварено всего. Как-никак, а все мы — родичи. Нехорошо встречать родственников без угощения!..

О, это был ход, достойный Аблая! Нет, он и не думал позорно бежать. Все оставлено было на своем месте. Так же величественно, как и прежде, стояли белоснежные юрты. Постельные принадлежности и домашняя утварь были опрятно убраны, как перед гостями. В огромных котлах варилось жирное мясо. Весь скот находился при ауле, а не на пастбище. А в ауле ожидали врагов лишь дряхлые старики, женщины и дети...

Знал людей султан Аблай! Разъяренная толпа, которую представляло из себя подошедшее войско, при виде мирного аула сразу же умерила свой пыл. Как и везде, нашлись мудрые люди, которые объяснили происходящее как добровольное признание своей вины султаном Аблаем. Усталые, проголодавшиеся джигиты обрадовались гостеприимству и быстро подружились с варящими мясо жителями аула. У кого же поднимется рука на тех, кто встречает тебя вкусной едой и улыбкой!

А когда джигиты утолили первый голод, на окраине аула слез с коня султан Аблай. С ним был только его соратник из племени балта-керей батыр Турсунбай. Один из врагов-гостей, двоюродный брат погибшего Ботахана знаменитый стрелок Капан-мерген, установил свой шити-мултук, то есть «мушкет с сошками», и начал прицеливаться. Но тут прогремел голос Бекболата:

— Дело об убийстве свободного казаха решается обществом!..

И Капан-мерген нехотя встал с колена.

А султан Аблай медленно шел через толпу, приветствуя, как положено, всех знакомых. Если учесть, что в степи люди на тысячу верст вокруг знают друг друга в лицо, то незнакомых ему людей здесь не было...

И вдруг из толпы выскочил парень с украшенной перьями филина домброй и громко запел:

О Ботахан, безвинная жертва, спроси у убийцы,
За что на тебя обрушил он свой неправедный гнев?
Мой султан, поссорившийся со своими подданными,
Мы пришли, чтобы кровью твоей омыть наше горе!
И вот догорает построенный тобой дом, Аблай...
Но, прежде чем заплатишь за все, отвечай:
В чем провинилось перед тобой племя мейрам,
Что убил одного, а другой у тебя в неволе?..
На суд приведи ты оставленного тобой в живых Жаная.
Или дети твои останутся сиротами, а жены — вдовами!..

Это пел Котеш-акын из племени суюндик, и песня его сохранилась в веках. Семнадцать лет всего исполнилось ему, и большой честью для него было выступить от имени народа с обвинением старого султана Аблая.

Здесь же, на майдане, в окружении многотысячной толпы, начались речи биев, представляющих стороны. Аблай без препирательств признал свою вину и, как простой смертный, заплатил за смерть Ботахана как за смерть трех взрослых мужчин — три раза по девять голов разнородного скота: коров, коней и овец, трех белых верблюдов и боевого аргамака под седлом с расшитым серебром кафтаном

для наследника убитого. Поспорившим между собой — убивать ли сразу или не убивать Аблая — батыру Бекболату и стрелку Капан-мергену султан подарил по аргамаку из своего личного табуна и по собольей шубе с собственного плеча. После этого старшины всех присутствующих родов и племен сели за один дастархан, и началось празднество в честь обряда, совершаемого в этот день над семилетним сыном Аблая. От такого приглашения никто по закону не может отказаться...

Говорят, что Аблай впоследствии не раз утверждал, что народ, как и льва, следует держать в железной клетке. Пусть рычит, мечется, прыгает на прутья, у него все равно не хватит ума просунуть лапу и открыть клетку с внешней стороны, ибо ум и находчивость властителя и есть эти железные прутья.

И еще говорил султан Аблай, что когда народ ранен обидой, то, как на дороге раненого льва, нельзя становиться на его дороге. Нужно успокоить его, покормить и... загнать опять в клетку. Ибо страшнее всех внешних врагов взволнованный народ.

После необходимых в таких случаях байги, кокпара, стрельбы и айтыса, во время которых совсем позабылись причины прихода сюда такого количества людей, «черная кость» разошлась по своим аулам, делясь по дороге впечатлениями о большом султанском празднике, где они побывали. Послушать их, то получалось, что всех их пригласили на этот праздник радушные хозяева.

Зато все вожди и батыры аргынских племен остались на большой совет. Это и были подлинные гости султана Аблая. Помимо тех, кто уже находился на месте, Аблай пригласил многих других людей из всех близлежащих кочевий Кокчетау, Кара-Откеля, Атбасара и Кзылжара. День и ночь прибывали все новые всадники в аул Аблая. Когда родовитые и знатные люди увидели среди них многих неродовитых батыров и просто лихих джигитов из бродячих отрядов, то они поняли, что дело здесь не просто в празднике обрезания.

На второй день праздника султан Аблай позвал всех в свою знаменитую двенадцатикрылую юрту.

— Галден-Церен, мой высокородный тесть, собрал двадцать пять тысяч всадников по ту сторону Иртыша! — сказал он спокойно, тихим голосом, как будто говорил о том, что предстоит еще один пир.

Между тем у сидящих похолодели сердца. Разных возрастов и званий были здесь люди, но у всех было такое ощущение, словно змея поползла по голому телу. Живы еще были страшные воспоминания о „годах великого бедствия''. Но если в то время здесь происходили только джунгарские набеги, а основные тумены контайчи пошли к югу, на Туркестан, то теперь ставка контайчи Галден-Церена уже несколько лет находилась как раз напротив основных кочевий Среднего жуза.

Да, уже много лет занимавший трон Срединной империи богдыхан Цзянь-Лун упорно продолжал политику своих предшественников. Кочевье за кочевьем отнимались у разнородных джунгарских племен, а малейшее сопротивление подавлялось в двадцать раз превосходящими джунгар силами регулярной китайской армии, которая

хоть и была отсталой для того времени, но тем не менее превосходила в военной технике и стратегии кочевое войско контайчи.

Когда же контайчи предпринимал очередную кампанию против страны казахов, воинственные джунгарские нойоны немедленно получали необходимую поддержку из Китая боеприпасами и продовольствием, прежде всего рисом. Широко практиковался и прямой подкуп золотом наиболее влиятельных нойонов, от которых зависело, в какую сторону направить джунгарские тумены.

Совсем недавно побывал у Аблая Баян-батыр из рода уак-керей, чьи кочевья расположены на самой границе с Джунгарией. Он лишь подтвердил то, что уже знал сам Аблай от своих ертоулов, находящихся в землях контайчи. Галден-Церен ждет удобного момента, чтобы обрушиться на казахов, и надеется на то, что, увидев бесполезность сопротивления, Аблай поддержит его. А Аблай сейчас в Среднем жузе имеет большее влияние, чем сам хан Абильмамбет... Переход Аблая к джунгарам особенно нужен Цзянь-Луну. Если нейтрализуется казахский Средний жуз, то обнажатся русские города. Это необходимо китайским политикам. Рано или поздно должны же встретиться орел и дракон лицом к лицу...

Что думал сам султан Аблай, никто не знал. Сейчас, воспользовавшись праздником по случаю исполнения обряда над сыном, он пригласил на совет всех своих друзей и сторонников, а с враждебно настроенными людьми пришли сюда и принимали участие в совете и его противники. Случилось то, что было необходимо: все наиболее влиятельные люди близких к джунгарам казахских кочевий собрались вместе, чтобы обсудить положение...

— Где же Бухар-жырау?

— Великий провидец давно уже здесь!

Султан Аблай, знающий обычаи и понимавший, что в такие моменты только великий жырау — певец и провидец — может убедить и объединить народ, привстал с подушек на ноги, а когда в проеме юрты показалась рослая, внушительная фигура вещего певца, пошел к нему навстречу и, поддерживая под руку, усадил на подушки рядом с собой.

Ему было шестьдесят лет, знаменитому Бухару-жырау, и происходил он из древнего рода каржас в Баянауле. Вся Казахская степь знала его острый язык и неуравновешенный нрав. Он никого не боялся, вмешивался во все дела и мог бросить обличительные слова в лицо самому хану. Знатные люди побаивались его за это, зато в народе любили и повторяли его острые, соленые шутки. Не в пример многим другим вещим жырау, он держал себя равно со всеми, вне зависимости от происхождения, и это еще больше укрепляло его авторитет.

Бухар-жырау оглядел присутствующих быстрым оценивающим взглядом и сразу заметил, что тут собрались люди, которых уже больше полувека не видели вместе за одним дастарханом. Глаза его сразу повеселели:

— Здравствуйте, светочи мои!

— Во здравии ли вы, горный орел аргынов?.. Гладкой ли была

ваша дорога сюда?— заговорили те, кто еще не видел Бухара-жырау.

— Не очень гладкой, потому что вместе с птицами облетал селения, которые строятся на нашей земле. Слушал по дороге, что говорят люди...

— Ну, и что они говорят?

— Те русские люди, которые строят дома и дороги, сами называют свои поселения Горькой линией. Видать, кругом нелегко жить простому человеку. Хлеб сеют они, чтобы не умереть с голоду, а живут так же плохо, как и наши туленгуты...

— Да тебе что за дело до них?— вскричал нетерпеливо Аблай.

— А как же ты думаешь, султан? Неужто безразлично мне, что делается на нашей земле? Ее у нас много, и коль начнет она родить хлеб, то всех людей на земле можно накормить. Говорил я и с нашими бедняками, не имеющими скота...

— Ну!..— Аблай насторожился.

— Все больше их приходит на заработки в новые города и селения. Хорошо, что могут они теперь прокормить своих детей...

— А что говорят обо всем этом в степных аулах?

— Люди говорят, что с тех пор, как начал ты войну с джунгарами, они все больше доверяют тебе. Одни считают, что правильно ты поступил, разрешив строить города и дороги на нашей земле, другие сомневаются. Но у бедных людей появился хлеб. Я видел уже пашущих землю казахов...

— Все это так, жырау, но не испортятся ли наши люди, общаясь с русскими мужиками? Непокорность в этом народе!..

— А разве твои аулы всегда покорны тебе?! Не в этом дело. И мне день и ночь не дает покоя мысль, правильно ли поступаешь ты, разрешив строить чужие крепости на нашей земле...

— Аргамак и шуба для вас давно уже поджидают хозяина...— сказал Аблай.— Они явятся достойной платой за отгадку моего сна. Накануне праздника я увидел его и не могу с тех пор успокоиться!..

— Расскажите свой сон, мой султан... Если мне, простолюдину, позволено будет разгадать сон торе, то уж постараюсь!

— Снилось мне, мой жырау, что лежу я на одре смерти. Знамя трех казахских жузов над моей головой пытаются утащить три группы людей. По бокам моего саркофага сидят лев и дракон, а у ног — все мои многочисленные наследники. Те, что от сына моего Вали, читают по мне молитву. Те, что от сына моего Каыма,— стоят с кинжалами в руках. А я — между львом и драконом — думаю о том, как мне встать из мертвых...

Некоторое время Бухар-жырау сидел молча, потом тряхнул головой.

— Ладно, мой султан... Но помните, что разгадка сна похожа на охоту за лисицей: то недоскок, то перескок!

— Говори, жырау!

— Кому снится собственная смерть во цвете лет, тому жить до глубокой старости. А то, что знамя над тобой, станешь ты ханом трех жузов. Но в день твоей смерти разойдутся эти жузы в трех направлениях...

— Ну, льва и дракона нетрудно угадать?— серьезным голосом спросил Аблай.

— Да, всю жизнь пребывать тебе между ними, мой султан...

— Ну, а про сыновей что означает мой сон?

— Одна ветвь прославит тебя ученостью, другая — кровавыми битвами!

Так это было или не так, но в народе осталось предание, что вещий жырау угадал всю будущую жизнь Аблая и судьбу его потомков. Да и нетрудно было угадать, потому что из одних крайностей состоял этот человек, торе-чингизид по происхождению, в котором острый ум сочетался с тупым упрямством, тяга к знаниям — с верой в шаманство, благородство — с коварством, проявления доброй воли — с крайней волчьей жестокостью. Это был подлинный сын своего страшного века, когда полна неопределенностей была судьба страны казахов. Высокое и низкое шли в этот век рука об руку...

— Твое имя останется на земле, Аблай!..— вскричал проницательный жырау, наблюдая, как сверкнули холодные глаза самолюбивого султана.

Все помнили знаменитый ответ Аблая на вопрос его будущего тестя Галден-Церена.

— Что самое худшее на земле?— спросил контайчи у своего высокородного пленника.

— Самое худшее на земле — быть распределителем скудной пищи и быть властителем малого края!— ответил молодой султан.

Казахи говорят, что «у мужчин от сорока до шестидесяти лет ум прибавляется, а с шестидесяти лет убавляется». Аблаю был сорок один год. Он мечтал по меньшей мере владеть половиной мира. На то он и был султан-чингизид со всеми присущими этому роду претензиями. Но так уж случилось, что именно ему пришлось хоронить древние иллюзии кочевых владык и вместе со всей Казахской степью поворачивать к будущему. Реки крови пролились при этом повороте, и в крови предстает перед потомками фигура хана Аблая...

Многое понимал уже к этому времени Аблай. Он всегда исходил из ясно видимых кочевому вождю реальностей. А вот Бухар-жырау, отвечающий лишь перед небом за свои песни, не хотел тогда еще признавать меняющийся с каждым часом мир. Он пел лишь о желании видеть во все стороны степь свободной для скачущего всадника. Всю землю хотел бы он увидеть такой: пустой и свободной, полной воздуха, солнца и зеленой травы. На то он и был поэт...

Он схватил свою вечную и неизменную спутницу — сосновую домбру и, неистово ударяя по струнам и деке, пел высоким и пронзительным голосом о том, что каменные степи перегораживают вольную степь и плачет сердце в груди кочевника. Он требовал от всех вождей, и прежде всего от Аблая, одуматься. И сидящие вожди и батыры в такт его речитативу все быстрее качали головами. Но ум Аблая был холоден, и, словно заноза, оставалось в памяти привезенное накануне Баян-батыром известие. Султан Аблай, долго живший при шатре Галден-Церена и знающий о шуршутских происках, лучше всех понимал, какая опасность нависла над казахскими кочевья-

ми. Хотят этого или нет те или иные люди, но, только имея за спиной эти русские укрепления, можно противостоять все испепеляющему на своем пути шуршутскому дракону. Ну, а там... там будет видно!

Жырау прокричал последний куплет и бросил с размаха домбру к двери. Знающий этот прием молодой поводырь и телохранитель подхватил на лету инструмент, не дав ему удариться о землю. В воздухе повис долгий жалобный звук струны.

— На тебя уповаем, Аблай!— Бухар-жырау мрачно посмотрел на Аблая.— Убежище от шуршутов ищешь под шубой у гяуров. Ох, неспроста строятся эти укрепления в нашей степи, мой султан!

Аблай слушал молча, с твердо сжатыми губами, и только зоркие глаза его внимательно наблюдали за выражением лиц присутствующих. Да, степь была встревожена. Царское правительство развернуло к этому времени широкую колонизацию края. Еще в 1713 году сибирский генерал-губернатор писал царю Петру о необходимости строительства российского укрепления на Иртыше. В 1718 году было построено Старосемипалатинское укрепление, а в 1720 году — Усть-Каменогорская крепость. Вслед за этим, между двадцатыми и тридцатыми годами, были построены Акмолинское, Баянаульское и Каркаралинское укрепления. С 1737 года началось строительство военной дороги от Кокчетау на Акмолинск. Десять тысяч так называемых государственных крестьян было пригнано с семьями на строительство этой дороги из глубинных российских губерний, и за десять лет дорога была построена. Вдоль нее и осели поселенцы. А когда при строительстве крепостей и поселений происходило отчуждение земель и пастбищ, то всегда оказывалось так, что это не касалось интересов султана, биев и знатных аксакалов. Пастбища в первую очередь отнимались у наименее имущих людей. Им, как всегда, доставалось вдвойне: от собственных родовых владык и от царских правителей. Именно эти бедняки вынуждены были первыми оседать на землю рядом с русскими крестьянами. Не мудрено, что не прошло и полувека, как они с этими крестьянами влились в пугачевские отряды, а карательные отряды против них посыпались с двух сторон: из царских крепостей и из ставки того же султана Аблая.

А пока что знатные люди обоих жузов — Младшего и Среднего — кивали в сторону российских укреплений, объясняя только их присутствием наступивший в степи голод и прочие неурядицы. Народ искренне верил в это, и песни Бухара-жырау отражали настроения народа. Не знали только в народе, что лучшие тумены джунгарского контайчи ждут лишь сигнала, чтобы снова обрушить пожары и смерть на страну казахов...

Вот и сейчас, словно позабыв о сообщении Баян-батыра, люди поддались гневной песне жырау, который еще ничего не слышал о новой джунгарской угрозе. Все они смотрят на Аблая и ждут ответа. Ведь это он, который по рождению должен быть их заступником, в 1740 году на Коране и хлебе поклялся вместе с Абильмамбетом в верности бабе-царице. Это же он, Аблай, сразу после освобождения из джунгарского плена послал своего единоутробного брата Жолбарса к губернатору Неплюеву с письмом о «верности русскому трону и

готовности вести торговлю с Россией». Мало того, в 1745 году он написал письмо тобольскому генерал-губернатору А. М. Сухареву с просьбой принять дополнительно в российское подданство и род уйсунь из Старшего жуза. Кто, как не он, постоянно посещает все ярмарки, устраиваемые в новых русских городах. И разве не Аблай в полном парадном облачении прибыл на похороны хана Абулхаира — первого слуги гяуров, а генералу Неплюеву отправил послание, в котором обзывал Барак-султана «злодеем». Не он ли поддерживает и сыновей проклятого Абулхаира — ханов Нуралы и Ералы, которые верой и правдой служат гяурам...

Но разве он, султан Аблай, взявший на себя управление всеми этими людьми, может сейчас раскрыть перед миром свои думы? Разве не становятся его слова немедленно известны как в Оренбурге и Тобольске, так и в ставке контайчи, а затем и во дворце шуршутского богдыхана? Но нужно отвечать, и Аблай медленно поворачивает голову к жырау:

— Ты обвиняешь меня, жырау, в даче клятвы гяурам... Но разве не давал я клятвы и контайчи? А сегодня, видишь, думаю о том, как получше встретить его тумены...

— В таком случае, почему ты не думаешь о том же, когда смотришь в другую сторону?— спросил жырау.

Аблай медленно покачал головой:

— О, страна орысов это не Джунгария!

— Но и страна шуршутов велика и сильна.

— Да, поэтому мы и разрешаем строить крепости в степи... Без России нам пока не одолеть шуршутского дракона. Знаю я от самого контайчи, что уготовили нам шуршуты. И джунгары не спасутся от них!..

— Но шуршутский богдыхан не строит на нашей земле своих укреплений!— угрюмо сказал жырау.

— Если бы он строил их, то ни одного живого казаха уже не осталось бы на этой земле!— сурово сказал Аблай.

Наступило тяжелое молчание. Из века в век слыхали эти люди рассказы о беспощадности китайских богдыханов. Там, где проходили их солдаты, не оставалось ничего. Целые народы прекращали свое существование, поглощенные драконом.

— Что же тогда делать?— спросил старый жырау.

Он, прищурившись, посмотрел на Аблая. Ему показалось, что он разгадал этого человека. Да, он хочет разделаться раньше с Галден-Цереном, так сильно виноватым перед страной казахов и замышляющим новые козни. Ну а потом он примется и за царские крепости. Теперь же султан просто не может прямо говорить о том, что задумал. У второго волка ведь есть уши...

Между тем султан резким движением раскатал перед собой кожаный рулон-карту:

— Вот здесь стоят тумены контайчи, моего хитроумного тестя. Но рано или поздно, а он подведет их сюда, к Иртышу. Коль подойдут силы из всех трех жузов, джунгары не найдут щели, чтобы выползти из этого капкана, в который сами заскочат. Они ведь не

думают, что мы опередим их и ударим первыми. Первыми, еще со времен хана Даяна, к нам на спину прыгали они!

— Я не верю, что все батыры из Младшего жуза прискачут сюда, чтобы воевать с джунгарами на Иртыше,— сказал Сырымбет-батыр из племени бесентиин.

— Но ведь батыры Среднего жуза воюют с калмыками на Жаике!— возразил коренастый батыр из рода аракты.

— Кто от вас там воевал?

— Ну, хотя бы батыр Джаныбек, нынешний тархан!

— Он просто защищал интересы своего тестя!— Огромный, широкоплечий, с открытой волосатой грудью, Сырымбет-батыр стал красным от негодования.— Твой Джаныбек только носит звание уроженца нашего славного Среднего жуза, а владения его на Иргизе, рядом с Младшим жузом. Вот он и побеспокоился!..

Аблай глубоко задумался, опустив начавшую седеть голову. Это было привычно ему. Только заговоришь о деле, как сейчас же: «Твой жуз — мой жуз!.. Твой Иртыш — мой Жаик!» И в середине каждого жуза грызня, как у собак из-за кости. Разве и здесь не собрались они вместе только благодаря случаю?! Даже аульные псы прекращают грызню и объединяются при виде волка. А тут враг похлеще волка. Галден-Церен с шуршутским драконом на хвосте!

Шум и взаимные обвинения вдруг затихли. Это вернулись ертоулы, еще неделю назад посланные на тот берег Иртыша. Они сказали, что в прибрежных джунгарских кочевьях еще не появлялось воинов контайчи. Люди же говорят разное...

Да, контайчи, как всегда, не дает застать себя врасплох. Вот и сейчас он не подвел свои тумены к какому-то определенному месту, откуда удар может быть нанесен только в одном направлении. Джунгарское войско продолжает находиться в глубине. Пользуясь необычайной выносливостью своих злых косматых коней, они могут неожиданно стронуться с места и в три-четыре дня оказаться на любом направлении — Туркестанском, Аральском или ударить здесь, через Иртыш, по аулам Среднего жуза. Имея объединенное войско трех жузов, можно было бы распределить его на трех направлениях и спокойно ожидать джунгар. Но разве сейчас времена легендарного Касым-хана, который мог в одну неделю выставить двухсоттысячное войско? Нет, заржавел и притупился заговоренный меч казахов. Слишком долго рубили им по чему попало, а то и просто кололи дрова!..

На совете у Аблая было решено избрать местом сбора казахского ополчения район озера Теликоль, которое находится примерно на равном расстоянии от всех трех жузов. И хоть среди окружения Аблая понимали, что после гибели хана Абулхаира от руки Барак-султана войско Младшего жуза не придет сюда, но разве мало в Младшем жузе воинственных батыров, которые сразу же вольются в ополчение вместе со своими отрядами. Даже если присоединятся тархан Джаныбек и другие сардары Среднего жуза, входящие сейчас в состав Младшего жуза, то и это будет неплохо. Что же касается Старшего

жуза, то там ждут не дождутся, как бы избавиться от ига джунгарского контайчи.

О решении совета Аблай сразу же поставил в известность хана Абильмамбета, продолжающего, несмотря на болезнь, считаться главой Среднего жуза и находящегося сейчас в глубине степи, на берегах реки Сарысу. Сам же Аблай вместе со своими аулами двинулся к возвышенности Кокчетау, на берега озера Бурабай. Огромный караван растянулся на день пути. По бокам двигались бесчисленные султанские табуны знаменитых темно-серых, пегих и вороных лошадей, подобранных строго по масти. Богатство султана Аблая было известно не только в степи, но и далеко за ее пределами.

Время было смутное, тревожное. Но никто не поверил бы в это, глядя на медленно бредущие по степи многочисленные отары овец с ягнятами, на мирно пасущихся во время перехода коров, на скачущих между караванами и горланящих детей. И только плотно сбившиеся в отряды, сверкающие железными латами и шлемами джигиты по краям каравана напоминали о войне. На три-четыре перехода вперед и назад, а также в обе стороны от пути каравана были опытные ертоулы.

Так и дошли до удобно расположенной между холмами зеленой долины, известной как «Поле Аблая». Здесь были разбиты юрты — белые и черные, оставлено охранение, а сам Аблай со своим главным отрядом поскакал к Теликолю, на место общего сбора.

Это была длинная и извилистая, почти в две тысячи верст дорога. Но Аблай не случайно избрал такой окольный путь. Дело в том, что на этом пути жили многочисленные племена и роды Среднего жуза, от которых в основном зависел успех ополчения и восстановления единого Казахского ханства, к чему с самого начала стремился Аблай. Кокчетау, Сандыктау, Атбасар, берега Ишима и Терсаккана, святые горы Улытау, берега Кара-Кенгира и Жезды, потом извилистая Сарысу, и от нее прямая дорога на Теликоль. Аулы родов аргын, кипчак, найман, таракты, уак, керей и многие другие составляют теперь, после десятилетнего джунгарского нашествия, большую часть населения всей страны казахов...

«Аблай идет на контайчи!» Этот клич опередил на много переходов его отряд, и с каждой верстой войско росло как снежный ком. Эти места не подчинялись контайчи, но что ни год подвергались жестоким набегам джунгарских нойонов. Теперь пришла пора рассчитаться за это, и, когда Аблай подходил к Теликолю, безбрежное людское море катилось вместе с ним. Не считая вспомогательных отрядов, у Аблая сейчас имелось свыше тридцати тысяч всадников — самая большая казахская армия, собранная после джунгарского нашествия.

Самое значительное количество батыров оказалось в ставке при Теликоле. Особое значение имел приезд Джаныбек-тархана, означающий, что перед лицом общего врага подлинные воители забывают любые обиды. С ним примкнули к Аблаю достигшие «возраста пророков», то есть шестидесяти лет, самые знаменитые батыры из простонародья — канжигалиец Богембай и каракерей Кабанбай с женой

Гаухар, сопровождающей его во всех походах с тех пор, как она поклялась ему в верности в осажденном Туркестане. Кроме них здесь находились известные аргынские батыры Тайджигит, Басбулат, Джанатай, Олжабай, Малайсары, Оразымбет. Вскоре прискакал и престарелый Тайман-батыр.

И все же Аблай тревожился. До сих пор не появился здесь оставленный на самой границе Баян-батыр, который с другим батыром, Напеком, побывавшим вместе с Аблаем в джунгарском плену, являлся главным советником и опорой султана, поставившего себе целью новое объединение страны казахов.

Аблай тревожился не зря. Батыр Баян, потомок легендарного батыра из простонародья Саяна, осевшего в конце жизни в аулах рода уак, во всем походил на своего великого предка — сподвижника хана-объединителя Джаныбека. Как только нависали вражеские тучи над степью, Баян-батыр первым седлал боевого коня. Впрочем, и время было такое, что его и не приходилось держать расседланным. И вот сейчас этого батыра все не было и не было...

Батыру Баяну было теперь около сорока лет — самый боевой и зрелый возраст для воина. Громадный, светловолосый и светлоглазый, с густыми жесткими усами на открытом лице, он мог одним ударом палицы буквально вогнать в землю обычного человека. При этом он имел широкую и добрую душу, несвойственную батырам в то жестокое время. И солнцем этой души был его младший брат Ноян — единственный, кто остался в живых из его многочисленной родни после джунгарского нашествия.

Пятнадцатилетний Ноян еще не участвовал в боях с джунгарами, но уже не раз поплевывал на руки, примеряясь к батырской палице. Словно из пламени был создан этот подросток. Пылкий и гордый, ночами грезил он о битвах, пугая этим старшего брата. «Настанет и твой черед,— говорил Баян-батыр.— Учись владеть оружием и собой. Но помни, что только с горя берется человек за дубину. Для другого бог создал людей!»

Прошлым летом полутысячный отряд Баян-батыра в отместку за набег совершил ответное нападение на джунгарские аулы за рекой Или. В жестокой схватке с джунгарами, обороняющими свои семьи и добро, погибло больше половины казахских джигитов, а оставшиеся в живых укрылись в густых прибрежных плавнях. И вдруг они увидели, что джунгарские аулы по всему побережью снимаются с мест и беспорядочно уходят на восток, в свою пустыню. Потом они узнали, что один из раненых и взятых в плен джигитов из их отряда сказал джунгарам, что на их аулы напали только ертоулы, а вот-вот подойдет основное казахское войско.

Воспрянувшие духом при виде непонятного еще для них бегства джунгар джигиты Баян-батыра неожиданно навалились на последний джунгарский аул. Вмиг были перерезаны застигнутые врасплох багадуры и их джигиты. Уцелевшие бросились на конях и верблюдах в разбухшую от половодья реку, но мало кто достиг другого берега. В джунгарском ауле, который был не слишком богатым, захватили лишь немного скота и женщин.

Баян-батыр хмуро осматривал трофеи и думал о несправедливости войны. Не эти несчастные люди, чьи жалкие пожитки валялись на земле, затеяли нашествие на страну казахов. Но расплачиваются полной мерой они, а контайчи и его кровавые нойоны спят себе сейчас на шелковых подушках вдали от карающих мечей!

И вдруг батыр Баян остановился, и глаза его расширились от изумления.

— Это, наверно, гурия, а не человек!— сказал он почему-то шепотом своему другу Жапек-батыру.

Да, она была похожа на соболя среди зайцев, эта девушка, среди других джунгарских пленниц.

— Кто она?— спросил Баян-батыр.

— Она дочь того самого Хорен-багадура, который вчера отправил к предкам нашего Джанатай-батыра и которого ты сегодня ударом своей палицы послал вдогонку за его жертвой!— ответили ему джигиты.

Держа в поводу своего коня по имени Тулпар-кок, батыр Баян подошел к девушке.

— Как твое имя, серна?

— Меня так и зовут — Куралай!— ответила она, удивившись, откуда красивый казахский батыр знает ее имя.

— Значит, я угадал твое имя!— задумчиво сказал батыр.— Выходит, что это судьба...

Глаза у Куралай, что и означало «Серна», были большие, бездонные. По таким приметам и даются старыми бабками имена среди кочевников. А лицо у девушки было матовое, чистое, и едва заметная бледность только подчеркивала чудную его красоту. Черные как смоль волосы почти достигали земли.

Какая-то искорка вспыхнула в девичьих глазах в ответ на прямой взгляд батыра. Что это: встречное чувство или ненависть? Но он уже не владел собой. Вытянув правую руку с плетью, батыр Баян крикнул на всю степь:

— Эта девушка — моя добыча!

От удивления все замолкли, потому что никогда перед этим не участвовал Баян-батыр в дележе пленниц и всегда уезжал, когда он начинался.

— Пусть будет так!— сказал Жапек-батыр, пожимая плечами, и крикнул своим джигитам:— Эй, вы, как зеницу собственного глаза берегите эту серну, чтобы ненароком не склевал ее какой-нибудь коршун. Она добыча самого Баяна... Слышите!..

— Слышим!— ответили как всегда взволнованные дележом женщин джигиты.

И Куралай все слышала. Накануне она своими глазами видела, как этот батыр с чистыми глазами вонзил ее отцу Хорен-багадуру огромное копье в бок, и слышала его победный, ликующий рев. Теперь он тем же ликующим голосом воскликнул: «Эта девушка — моя добыча!»— и она встрепенулась, как птенец в силке. Неужели совершит она этот смертный грех — достанется в утешение убийце собственного отца! По-джунгарски сложив руки на животе, девушка

прошептала: «Клянусь не быть твоей добычей, светлоглазый убийца!.. Клянусь отомстить тебе, молоком матери клянусь!» И люди стали свидетелями исполнения девичьей клятвы...

Как в огне горел батыр Баян, всю дорогу оглядываясь в сторону каравана, где находилась Куралай-слу. Он даже позабыл о трехстах джигитах, погибших во время этого набега. Но товарищи его были угрюмы.

А Куралай оставалась спокойной. Больше того, она отвечала на шутки охранявших ее джигитов. От них и узнала она о том, что никого нет у батыра Баяна, кроме младшего брата Нояна, в котором тот души не чает. Страшная мысль заползла ей в голову и не давала покоя. Ночами, на привалах, ей снился хрипящий в предсмертной агонии отец...

Еще издали послышались вопли и плач родственников погибших джигитов. Их по обычаю предупреждали о гибели мужей и сыновей поскакавшие вперед вестники несчастья. Другие люди поздравляли батыра Баяна с удачным походом и трофеями. Распустив постепенно свой отряд, Баян-батыр с двадцатью всадниками направился наконец в свой аул, находившийся тогда на берегу реки Убаган.

— О коке, как хорошо, что ты вернулся живым и невредимым!

— О единственный мой, здоров ли ты?!

Этими словами обменялись, как всегда, при встрече братья: Баян и подросток Ноян. Пленница Куралай внимательно смотрела на них из-под своего покрывала.

И вскочивший на коня Ноян встретился вдруг с этим ярким, обжигающим взглядом больших раскосых девичьих глаз. Он почувствовал какую-то слабость и чуть не свалился с коня.

— Что это с тобой?— удивился Баян-батыр.

— Это... это кто там, на верблюде?— спросил Ноян, указывая пальцем на Куралай.

И взрослый батыр непонятно почему смутился и не мог сказать, что это его будущая, третья по счету, жена.

— Да так, невольница...

А Куралай тоже вдруг почувствовала, что не в силах оторвать глаз от статного, красивого, не по летам развитого юноши, похожего на убийцу ее отца и вместе с тем такого милого. Сердце ее заколотилось. Глаза их встретились, и тут же оба — юноша и девушка — покраснели. Сами еще не понимая этого, они в душе знали, что созданы друг для друга.

Ноян вдруг вскинул голову:

— Коке, сделай мне подарок!

Словно острый нож вошел в грудь Баян-батыра. Он знал уже, о чем попросит его единственный брат, и не ошибся. У него не хватило решимости дать прямой ответ.

— О мой дорогой брат, зеница моего ока, тебе еще рановато получать такие подарки,— сказал Баян-батыр.— Вот вырастешь, тогда я тебе райскую гурию подарю!..

— Не хочу гурии!— твердо сказал Ноян, не отрывая взгляда от джунгарки.— Дай мне эту пленницу!..

И тут послышался ласковый, нежный голос самой девушки:

— О кокежан!.. Разрешите мне называть вас так, потому что я лишилась отца... Уступите своему брату меня. Я вас тоже прошу об этом!

Она говорила неправильно, с сильным джунгарским акцентом, и еще милее был поэтому ее голос. Нoян невольно подъехал к ней поближе, потянулся рукой к покрывалу.

Баян-батыр стиснул зубы.

— Ладно, потом разберемся!— пробормотал он и огрел плетью коня.

Тулпар-кок заржал и рванулся с места в галоп, увлекая за собой других коней, в том числе и коня юноши.

Но Ноян уже не мог жить без Куралай. День и ночь проводил он возле юрты для пленниц. Теплыми осенними вечерами выходила она к нему, но не разрешала прикасаться к себе. Она любила и страдала, но перед глазами у нее все время стояла страшная картина гибели отца. Потом она видела мать, которая билась на прибрежном песке, протягивала к ней руки и кричала: «Дочь моя, не дай коснуться себя ни одному мужчине, пока не встретишь меня и я по обычаю не поцелую тебя в лоб!» И еще Куралай в особенно темные ночи повторяла шепотом данную ею страшную клятву...

А батыр Баян горел на медленном огне. Он видел вспыхнувшую любовь своего брата к пленнице, но и с собой ничего не мог поделать. Отречься от любви к Куралай было равноценно тому, чтобы перековать булатный клинок и затем вторично закалить его на огне. Такая уж была у батыра натура. Одно только могло помочь ему: смерть и рождение уже новым человеком.

И все же безмерно широким было сердце батыра Баяна, и он разрешил своему брату Нояну жениться на Куралай...

Просты, чисты и бесхитростны отношения юноши и девушки у кочевников-казахов. Летними теплыми и осенними сухими вечерами ставятся на краю аула алтыбаканы, то есть сооруженные из крепких жердей качели. Там и встречаются обычно влюбленные. А Куралай, как и многие другие пленницы, еще не отданные замуж, пользовалась по древней степной традиции всеми правами аульных девушек. Здесь, у качелей, и сказал трепещущий от радости Ноян своей возлюбленной об ожидающем их счастье. Но не радость, а слезы увидел он в ее глазах.

Да, она в эту минуту ясно вспомнила свою клятву о том, что заставит Баян-батыра не заплакать, а завыть от скорби, как выли в ту страшную ночь теряющие детей матери-джунгарки. А Ноян уже обнимал ее и вел в темень, туда, где шелестели кусты и слышался счастливый смех влюбленных...

Там, на густой луговой траве, когда все вокруг кажется как будто во сне, обезумевший от любви юноша Ноян дал ей клятву... Страшную клятву!

— Что же я должен сделать?— спросил у нее Ноян.

— Мать обязана перед этим поцеловать меня в лоб, иначе не будет мне счастья!— твердо сказала Куралай.— Если она жива, то по-

лучим ее разрешение. Если мертва от горя и скорби, положим на ее могилу красные цветы...

И Ноян, восхищенный стойкостью и силой ее чувств, дал согласие исполнить ее просьбу. Он и не подумал о том, что покинуть родину и бежать с пленницей в стан лютого врага является таким проступком, который никогда не прощается. Словно молодой орел, он смотрел на мир с высоты, не ведая хлябей и болот...

— С появлением в небе Северной звезды жди меня здесь!— сказал юноша своей возлюбленной.

И он выполнил свое обещание. Как только яркая Полярная звезда показалась над окоемом ночной степи, Ноян подъехал к ожидающей его Куралай на лучшем темно-рыжем аргамаке, ведя такого же в поводу.

— Дай нам, аллах, удачную дорогу!— прошептал он и тронул коней. Высокая трава заглушала их удаляющийся топот...

О том, что Ноян, брат самого батыра Баяна, увел ночью двух аргамаков, узнали лишь после полудня, когда табунщики пригнали коней на водопой. Исчезли из сарая и две пары серебряных уздечек, специально заказанных батыром для этих коней. А охотник с беркутом на плече рассказал, что видел далеко в степи двух всадников на темно-рыжих конях, скачущих во весь опор в сторону заилийских джунгарских кочевий. Теперь уже никто не сомневался в содеянном, и аксакалы решились сообщить обо всем самому батыру.

— Ер-кочке, Ер-Косай, батыр Баян, вы вознесли до небес воинственный дух и славу нашего рода уак!— обратились они к нему, войдя в его юрту.— Эту славу твой брат, мальчик Ноян, сбросил с небес на землю. Твое это дело, славный батыр, ты его сам и решай!..

Понимая, что любовь к прекрасной джунгарке лишила его брата разума, батыр не стал ни о чем спрашивать. Но душу его охватила ярость, терзали горечь потери единственного брата, которого он любил больше жизни, ревность, стыд и позор перед людьми, неистовый гнев и досада. Он уже ощущал на себе соболезнующие взгляды друзей, чуял радость многочисленных врагов. Не надев даже воинских доспехов, батыр Баян снял со стены юрты березовый лук и вложил в колчан две стрелы с закаленными на огне наконечниками. Потом он застегнул свой широкий пояс, вышел из юрты и молча сел на Тулпар-кока. Весь аул провожал его взглядами, пока не скрылся он за волнистым горизонтом...

Да, никто не задержал его, никто не крикнул ему: «Остановись, батыр!» Долго ровным стремительным галопом мчался поджарый и сильный Тулпар-кок. Мчался он одни сутки, вторые... Когда на второй день солнце начало склоняться к западу, увидел Баян-батыр впереди две черные точки. Он знал, кто это, и нисколько не увеличил бег своего коня. Как бы ни были быстроноги оба темно-рыжих скакуна, на которых уходили Ноян и Куралай, их еще не тренировали для долгого бега, а кроме того, они давно не были под седлом и нагуляли лишний жир на сочных пастбищах.

Беглецы тоже узнали догоняющего их всадника и поняли, что гнев его безмерен.

— Быстрее... Быстрее!..— шептала Куралай, и они все подстегивали и подстегивали коней.

Солнце еще висело над горизонтом, когда впереди показалось урочище Жолды-Озек. Это было несчастливое, обойденное богом место, представляющее собой лишь голый бесплодный солончак, окаймленный жесткими кустами таволги, курая и баялыша. Вот почему жырау Асан-Кайгы — Асан-Горемыка назвал его не Жолды-Озек, а Канды-Озек, что означает «Кровавая лощина». Полный суеверного страха род атыгай, которому принадлежало это урочище, никогда не выезжал сюда на джайляу.

Заметив впереди Кровавую лощину, Ноян понял, что обречен на смерть. Резко дернул он поводья своего коня и повернул его к брату.

— Нет, не задерживайся!— крикнул он начавшей придерживать своего коня джунгарке.— Спасайся, а я встречу свою судьбу, как подобает батыру!..

Потом он соскочил с коня, безоружный, пошел навстречу своему брату.

— Прости меня, коке!— Он протянул вперед обе руки, и улыбка появилась на его губах.

Гулко, протяжно запела стрела, выпущенная из бухарского лука. Ломая ребра, вонзился каленый наконечник в горячее сердце Нояна.

— О кокежан, что вы сделали!..

С криком смертельно раненной птицы подлетела и бросилась к падающему на землю юноше Куралай. Выпрямившись на стременах, посмотрел на нее батыр кровавыми глазами и выпустил вторую стрелу. С насквозь пробитым сердцем упала девушка рядом с любимым.

И тогда, сделав полный круг на коне возле мертвых, пал на землю сам Баян-батыр. С глухим рыданием повалился он на тело своего единственного брата, и содрогался весь, и выл, как волчица, потерявшая детенышей. «О, горе мне, горе!»— ревел он, ударяя себя кулаками по голове. И вдруг застыл, потрясенный. Яркими, живыми глазами смотрела на его муки джунгарка Куралай. В грозной улыбке приоткрылся пунцовый рот, и радость удовлетворенной мести светилась на ее остывающем лице. В первый раз за всю свою жизнь в ужасе закрыл свои глаза батыр. Может быть, все это показалось ему, сломленному великой скорбью. Потому что, услышав тихий стон, батыр открыл глаза, и она улыбнулась ему печально, без всякого гнева...

— О коке, похороните нас вместе с Нояном, не кладите земли между нами!..

Сказав это, она закрыла свои прекрасные раскосые глаза, словно бы спешила опередить заходящее солнце.

Всю ночь недвижно просидел батыр Баян над двумя трупами, а как только показалось солнце, принялся рыть кинжалом горько-соленую землю Кровавой лощины. Просторной и глубокой была могила влюбленных. Он положил их вместе и ни одной горсточки земли не проронил между ними...

После смерти влюбленных Баян-батыр три дня был в Кровавой лощине. Почерневший, заросший, угрюмый, вернулся он в аул и

сразу же приказал седлать боевых коней. Этим и объяснялась его задержка.

У Теликоля все обрадовались его приезду, но были удивлены его потемневшим лицом. Говорили, что он болен, но никто ничего толком так и не узнал. Баян-батыр приказал своим джигитам не упоминать о случившемся, и, глубоко уважая своего предводителя, они сдержали слово.

Лишь наедине Баян-батыр покаялся в содеянном Аблаю.

— Я не знаю, почему я так поступил...— сказал он и опустил голову.— Может быть, это была и месть отвергнутого мужчины. Так или иначе: вот моя голова, рубите ее!

— Мы бы сделали это, если бы ты поступил иначе. Твои переживания пусть остаются при тебе, но переход казахского юноши на сторону врага всегда карался у нас смертью. И приговор в таких случаях выносили и приводили в исполнение самые близкие родственники. Если они отказывались это сделать, то сами карались смертью. Это древнее правило, и не теперь нам отказываться от него!..

Голос Аблая звучал глухо и гневно. Он смотрел куда-то вдаль, поверх головы батыра, и тому стало почему-то спокойней.

— Да, мой султан, вы говорите правду...— сказал он.— Но у меня в груди остается незаживающая рана. Вылечить ее можно только кровью: чужой или... или своей!

— Что же, тебе уже завтра представится эта возможность!— спокойно ответил Аблай.

В тот же день, посоветовавшись с прибывшим сюда ханом Абильмамбетом и не дожидаясь подхода войск Младшего жуза под начальством хана Нуралы, Аблай, получивший от ертоулов необходимые сведения о нынешнем расположении туменов Галден-Церена, двинул свою конницу на Туркестан и захваченные джунгарами присырдарьинские кочевья. Это произошло в начале второго месяца желтоксан, и войско Аблая насчитывало свыше сорока тысяч всадников. Это был первый большой наступательный поход казахского войска со «времени великого бедствия».

Казахское войско было, как диктовалось военно-кочевой тактикой того времени, разбито на три традиционные части, которые двигались в трех направлениях. Первой частью войска руководил опытнейший батыр и военачальник канжигалиец Богембай, о котором так пел знаменитый жырау Умбетай:

Ой, мои милые горы и долины:
Баянаул, Кзылтау и Абралы,
Козы-Манрак, Кой-Манрак и Чингизтау,
Сколько сновало меж вами джунгарских разбойников!..
А ты, Богембай, как достойный учитель, указал им
на прежнее место,
По ту сторону Черного Иртыша, где издавна они обитали.
Ты прогнал их обратно за реку, за Алтайские горы,
Лагерь для храбрых и верных разбил ты на Ак-Шауле.
Услышав твой клич, как птицы, слетелись туда джигиты,

И с ними вы били и били джунгарских нойонов...
О, Кабанбай и Богембай, великие батыры!..
Аргыны и найманы поют вам славу
За то, что вернули им древние земли и пастбища!..

Сейчас Богембай-батыр во главе десяти тысяч всадников стремительно двигался к Созаку, откуда контайчи Галден-Церен намеревался выступить на Улытау, древний политический центр Казахской степи. С этим войском, как и положено было издревле, ехал специальный летописец — жырау Умбетай.

Второй частью войска командовал знаменитый Джаныбек-тархан, и двигалось оно в низовья Сейхундарьи. В отрядах, которые вел первый казахский тархан, помимо джигитов из Среднего жуза, находились многие батыры и джигиты из родов шекты, табын, тама и адай, относящихся к Младшему жузу. Они горели желанием освободить от захватчиков принадлежавшие им земли на Сейхундарье. Певцом-«историком» в этом войске был известный Татикара-жырау из племени калиак.

Третьим, главным войском руководил сам Аблай. Оно направлялось через Шиели и Жана-Курган непосредственно к Туркестану. В нем состояли в качестве военачальников знаменитые батыры того времени — Баян, Малайсары, Жапек и догнавший войско уже на марше Кабанбай-батыр. Теперь уже не жена — знаменитая воительница Гаухар сопровождала старого батыра, а всем похожая на мать его юная дочь — красавица Назым.

Бухар-жырау, которому уже перевалило за шестьдесят и у которого не было боевого коня, не смог участвовать в этом знаменитом походе и остался жить в ауле своего друга — батыра Баяна. Вместо него Аблай взял с собой в качестве летописца семнадцатилетнего Котеш-акына, того самого, который нынешним летом смело обвинил его в преднамеренном убийстве Ботахана.

Словно вешние потоки, ринулись по трем низинам казахские отряды, затопляя степь. Хоть и превосходили они количеством джунгарские тумены, но дисциплина, вооружение и подготовка их были намного ниже. Народное ополчение это было, где с опытным воином ехал в одном строю обычный пастух или табунщик. Поэтому Аблай с самого начала избегал общего столкновения главных сил. Джунгарских нойонов следовало распылить и уничтожить поодиночке. И казахское войско было разделено на три части тоже для того, чтобы раздробить силы джунгар...

Но хитрый контайчи, сам кочевник и всю жизнь воевавший с кочевниками-казахами, быстро разгадал замысел Аблая. Он сразу понял, что войско Богембай-батыра, идущее к Созаку, и войско Джаныбек-батыра, устремившееся в низовья Сейхундарьи,— только отвлекающие силы. Главная опасность для джунгар — это войско, которое под главенством Аблая идет к Туркестану. То же самое думали и джунгарские ертоулы, все время маячившие у горизонта при каждом казахском войске.

Церен-Доржи, ставший к этому времени правителем Джунгарии, послал в Созак и Казалинск только вспомогательные отряды, а сам

с пятнадцатью тысячами отборных воинов устремился навстречу Аблаю. Подоспев раньше неторопко двигавшихся казахов, он занял урочище Жана-Курган. В центре была поставлена спешившаяся часть войска с пятнадцатью пушками и китайскими мушкетами. Легкие пушки были установлены на горбах гигантских верблюдов и в любую минуту могли быть передвинуты в нужную сторону. Несмотря на то что животные были «обстреляннными», им в уши заложили ватные пыжи. При стрельбе верблюдов укладывали на живот и, словно корабли на якорях, крепили с трех сторон веревками и колышками. На флангах, как обычно, Церен-Доржи расставил грозную джунгарскую кавалерию.

Узнав накануне, что Церен-Доржи стал джунгарским контайчи вместо Галден-Церена и что именно его войско преградило дорогу на Туркестан, Аблай рассвирепел. Именно этот нойон из джунгарского рода чорас был всегда самым ярым его врагом. Когда-то он требовал казни попавшего в плен молодого Аблая, а совсем недавно настаивал, чтобы главный удар джунгарские тумены нанесли по казахам от Иртыша, то есть прямо по владениям Аблая и всего Среднего жуза. Тот же Церен-Доржи скрывал у себя бежавшего после убийства Абулхаира султана Барака, которого по положению должен был судить совет казахских биев. А позже этот же Церен-Доржи приказал отравить Барак-султана, несмотря на то что был женат на его сестре. Правда, со смертью Барак-султана Аблай становился безраздельным хозяином Среднего жуза, но ненависть его к коварному человеку от этого не уменьшилась. Теперь этот воинственный нойон стал главным джунгарским контайчи и закрывает ему дорогу к объединению страны и к славе!

И здесь, по традиции, Аблай разместил свое войско тремя колоннами. Взятие крепости Жана-Курган он поручил батыру Кабанбаю, который имел опыт штурма городов и в отряде которого было полтысячи лучших казахских лучников. Сарымбет-батыр командовал правым крылом, Баян-батыр — левым. Впереди крыльев было выставлено по три тысячи всадников, а за ними под началом Оразымбет-батыра и Малайсары-батыра встали вспомогательные отряды с копьями, дубинами и русскими фитильными ружьями. Сам Аблай со своим семнадцатилетним сыном Жанаем занял позицию в центре, позади воинов Кабанбая. При Аблае находился тысячный отборный отряд его личных воинов-туленгутов.

Сражение началось рано утром в среду. Равнина перед урочищем вся просматривалась, во все стороны давно уже были высланы разведчики — ертоулы с обеих сторон, так что ожидать каких-либо хитростей не приходилось. Все решали отвага и мужество сражающихся. В одну и ту же минуту последовала команда обоих военачальников, и ударили пушки и пищали, завизжали стрелы, застучали барабаны. Десятки тысяч всадников, выхватив острые мечи и сабли — алдаспаны, ринулись навстречу друг другу. Взрытая тысячами острых лошадиных копыт красноватая пыль пустыни тяжело поднялась к небу, заволокла солнце...

Это был раскаленный, пахнущий человеческой кровью самый на-

стоящий ад. Дикое конское ржание перемешивалось с воплями раненых и растоптанных людей, рыканьем озверевших батыров и багадуров, гиканьем джигитов, хрустом костей и железным скрежетом. Когда где-нибудь войско поддавалось и начинало отступать, военачальники с той и с другой стороны немедленно посылали туда три-четыре сотни свежих всадников. День уже подходил к концу, а смертоубийство не прекращалось ни на миг.

Аблай решился на последнее. Весь день он просидел на коне, вглядываясь в красную мглу и прислушиваясь к шуму битвы. Каждую минуту к нему подлетали гонцы и докладывали, что творится на тридцативерстном поле боя. И вот к концу дня Аблай вдруг расправил плечи, приподнялся на стременах и сделал знак рукой.

— Аттан!.. Вперед!..

Словно каменная лавина в горах, ринулся вперед тысячный отряд туленгутов. Впереди на ахалтекинских аргамаках неслись молодые батыры личной охраны султана — Сагимбай и Канай. Будто саблей, рассекли они джунгарский передний край и вынеслись прямо к холму, на котором стоял шатер с хвостатым знаменем контайчи. Но опять ударили джунгарские пушки и ружья, пробив широкую брешь в линии нападающих. Завертелись на месте кони, повалились с седел на песок люди. А задние всадники продолжали давить на передних, создавая еще большую неразбериху. Джунгарские пушкари в это время заряжали свои пушки раскаленными докрасна ядрами. Еще минута-две, и новый огненный смерч завертится среди казахской конницы. За шатром контайчи подкатывали рукава до локтей и горячили коней приготовившиеся к преследованию бегущих телохранители Церен-Доржи...

— Неужели не найдется в нашем войске батыра, который бы не испугался грома пушек!— воскликнул Аблай, привстав на стременах.

Сын его Жанай схватил вдруг султанский родовой бунчук и рванулся вперед:

— Аблай!.. Аблай!..

Но конь вынес его куда-то в сторону от холма, на котором находился контайчи со своими советниками. Помчавшаяся за ним сотня лихих молодых джигитов невольно замедлила ход в кустах джингила. Но не успел семнадцатилетний Жанай-султан выбраться оттуда, как с другой стороны на поле боя перед шатром контайчи вынеслась маленькая девушка на громадном вороном коне без седла с одной только нагайкой в руке.

— Кабанбай!.. Кабанбай!..

И все сразу узнали ее — красавицу Назым, дочь батыра Кабанбая и знаменитой воительницы Гаухар.

— Аблай!.. Кабанбай!..

Это присоединились к ней выпутавшиеся наконец из колючего кустарника молодые джигиты во главе с Жанай-султаном. Они оказались вместе, конь к коню, перед страшными пушками на холме,— девушка и юноша. Именно эта их отчаянность так подействовала на казахское войско, что в один миг даже раненые поднялись с земли и схватились за оружие.

— Аблай!.. Кабанбай!..

— Уррах!..

В едином страшном порыве устремились вперед батыры и джигиты всех родов, племен и жузов:

— Аблай!

— Атыгай!

— Акжол!

— Каракипчак Кобланды!.. Уррах!

— Кабанбай!.. Аблай!..

— Аблай! Аблай! Аблай!

Сам султан Аблай с отрядом закованных в латы батыров устремился в атаку, и прислужники на холме стали быстро сворачивать походный шатер контайчи. Дрогнуло и поплыло к заходящему солнцу хвостатое джунгарское знамя с черным шуршутским драконом на желтом шелке...

Больше половины джунгарского войска было уничтожено в этом кровопролитном сражении. Два месяца продолжалась эта война, и впервые со «времени великого бедствия» джунгарские тумены терпели поражение за поражением. Аблай освободил крепость и урочище Жана-Курган, являющиеся ключом к Туркестану, и медленно продвигался к древней казахской столице, сметая на пути джунгарские заслоны. Разъезды батыра Баяна появились уже на берегах Таласа, предвещая скорое освобождение от джунгарского ярма родам и племенам Большого жуза, а также киргизским кочевьям. Богембай-батыр между тем взял Созак и Сайрам. А Джаныбек-тархан гнал джунгарских завоевателей с казахских и каракалпакских земель в Приаралье, Контайчи Церен-Доржи запросил мира...

И Аблай пошел на этот мир. Утомленное, потерявшее более половины своего состава, войско нуждалось в отдыхе. К тому же это было ополчение, и у каждого джигита в далекой Сарыарке были свои хозяйственные дела. Отбросив джунгар и устранив угрозу нового нашествия, люди думали теперь о том, как прокормить себя и семью в наступающую зиму.

Целый месяц находились в ставке Аблая семь доверенных послов контайчи Церен-Доржи. После долгих переговоров они от имени контайчи согласились передать хану Среднего жуза Абильмамбету уже освобожденные казахские города Созак, Сайрам, Манкент и Чимкент, а в течение зимы обсудить вопрос о полном возвращении казахам Туркестанского вилайета с крепостью Туркестан и пригородами. Возвращались также огромные территории по рекам Сейхундарье и Таласу, а на оставшейся под управлением контайчи казахской земле значительно понижались поборы и налоги с местного населения. Еще только год назад контайчи бы зло рассмеялся, если бы казахские вожди предложили ему такие условия...

— Война в этом году закончена! — многозначительно сказал Аблай, распуская по домам ополчение.

Сам он в сопровождении доверенных людей и видных батыров направился в Созак, где находилась пока ставка хана Абильмамбета.

Там в честь успешного окончания войны был устроен, как водится, грандиозный пир. Но в самый разгар его на радостного Аблая, словно гром среди ясного неба, обрушилась страшная весть. Расталкивая стражу, в зал дворца созакского хакима, где проходил пир, ворвался молодой Котеш-жырау. Сев в стороне, он заиграл на своей домбре заунывную, хватающую за сердце мелодию.

— Почему столь жалобна твоя музыка, мой жырау?— спросил Аблай, неожиданно побледнев.— Здоров ли мой сын Жанай?

Юный Котеш наклонился к домбре, словно прислушиваясь к ее голосу, и запел:

Кто обрадуется в степи закату ясного солнца?
Кто обрадуется среди людей убийству белого лебедя?..
Закатился, как ясное солнце, пал на землю, как раненый лебедь,
Твой сын Жанай, сраженный джунгарской стрелой!..

В наступившей тишине слышно было, как плачет жырау, который дружил со своим одногодком — Жанаем. За спиной его украдкой утирал слезы великий правдолюбец Олжабай-батыр, воспитавший султана Жаная...

Праздник не удался, и султан Аблай, безмерно любивший убитого из засады сына Жаная, от горя заболел. Словно обвиняя Олжабай-батыра в том, что тот не уберег сына, султан не предложил ему остаться. Из далекой Сарыарки приехал сам Казыбек-бий, по прозвищу Гусиный Голос. Из Старшего жуза, многие роды которого были благодарны Аблаю за освобождение от джунгар, приехал Толе-бий, а из Младшего жуза — Бала-бий. Приезд трех столь значительных людей из всех трех жузов для передачи соболезнования обычному султану по поводу гибели сына означал негласное признание его всеобщим вождем в этой войне.

Верный себе, Аблай, при понятной горечи от потери сына-любимца, не преминул использовать и это событие в интересах своего пути к ханскому тропу. Именно об этом сказал прямо в глаза ему в своей песне известивший султана о принятом решении Татикара-жырау:

Долго совещались между собой
Люди трех жузов,
Пока не пришли к согласию
О том, что быть тебе ханом!
Но слишком долга и глубока твоя грусть.
Неужто всех наших погибших сыновей
Променял ты на одного своего, мой хан?
Да отрубите тогда хвост коня, связывающий нас с ними!..
Садитесь на пятнистых коней
И дотла разорите такого хана-себялюбца!..

— Да, ты прав, мудрый жырау!— только и сказал Аблай.

А на следующее утро к нему неслышно вошел юный Котеш-жырау, присел на корточки, тронул струны домбры. И не запел, а вдруг заплакал.

— Что с тобой, мой смелый жырау?!— всполошился Аблай.

— Олжабай-батыр... умер...

И Котеш-жырау рассказал, как это произошло... Они ехали вдвоем по ночной степи и вдруг услышали песню. Хорошая это была песня, но не казахская, а джунгарская. Тем не менее Олжабай-батыр тут же повернул коня к виднеющемуся костру.

— Это джунгары!— шепнул ему Котеш-жырау.

— Ничего, уже ведь мир...— ответил батыр.— И они поют хорошую песню!..

В тот же миг прилетевшая из тьмы стрела пробила горло Олжабай-батыра. Кони взвились на дыбы и унесли их от певших во тьме джунгар. Взявшись рукой за торчащую в горле стрелу, Олжабай-батыр хрипло сказал:

— Ничего, мой жырау, говорят, что в седьмом поколении мы повторяемся... Может быть, повторится и моя любовь к песне!..

С этими словами он вырвал из горла черную стрелу, и кровь брызнула фонтаном на коня, на землю, на кусты вокруг, с ног до головы забрызгала Котеша-жырау...

Только теперь султан Аблай посмотрел на Котеша и увидел, что юный правдолюбец-жырау весь забрызган яркой кровью.

— Да, он любил песни!— сказал Аблай.

Потом султан Аблай встал с постели и велел подать ему латы и оружие...

А через семь поколений в роде каржас родился мальчик, которому по свято хранимой традиции дали имя предка-батыра, больше всего на свете любившего песни. И мальчик этот стал поэтом...

II

В 1745 году умер контайчи Галден-Церен. Но еще за два года до его смерти правителем Джунгарии стал его средний сын Церен-Доржи. При нем усилилась та кровавая борьба за власть, которая всегда была свойственна этой стране. В конце 1753 года, убив своего брата Церен-Доржи, великим контайчи стал Лама-Доржи, которого тут же ухватил за горло его племянник Амурсана. Аблай быстро использовал ситуацию в своих интересах. То он помогал родившемуся от казашки Амурсане, то принимал сторону Лама-Доржи. В результате этих междоусобиц и казахских походов Джунгария истекала кровью. В конце концов, пользуясь поддержкой чиновников нового малолетнего маньчжуро-китайского императора, великим контайчи стал Амурсана.

Но дни Джунгарии были сочтены. В Поднебесной Срединной империи сменилась династия, но политика осталась все той же.

Только что завоевавшие Китай и утвердившие на троне свою династию Цинь маньчжурские феодалы, объединившиеся с самыми реакционными китайскими деятелями, как бы вдохнули новые силы в древнюю захватническую политику Китайской империи. На протяжении более чем века планомерно теснившая джунгарские племена и натравливавшая их на казахов китайская и затем маньчжуро-

китайская правящая верхушка решила, что пришла пора действий. Казахи и джунгары, по ее представлениям, достаточно обескровили друг друга. Пришла пора убирать с арены «раненых тигров». Это следовало сделать поскорее, пока занятая своими внутренними неурядицами Россия не могла еще в полную силу вмешаться в центральноазиатские дела...

Воспользовавшись как предлогом очередным столкновением джунгарских племен с непрерывно теснившими их китайскими войсками, огромные маньчжуро-китайские армии под командованием генералов Фу Де и Чжао Хоя вторглись в Джунгарию. Это не была обычная война. За два месяца полчища захватчиков, многократно превосходящие в численности разрозненные джунгарские отряды, по существу уничтожили целый большой народ и государство. Джунгары специальным приказом были объявлены вне закона, и уничтожался всякий из них, будь то древний старик или только что родившийся младенец. Свыше миллиона человек было безжалостно истреблено в результате этого страшного похода. Остатки джунгар бежали к своим недавним врагам, в Казахскую степь...

Контайчи Амурсана бежал под защиту Аблая. Здесь его приютили родственники матери-казашки, которых лишь вчера он намеревался разорить и ограбить. Аблай выделил ему скот, поставил юрту и назначил правителем небольшого улуса, в который объединились уцелевшие от китайского разгрома джунгары-торгауты. Вскоре он умер от оспы, которая вместе с китайскими отрядами пришла в Казахскую степь.

Джунгария перестала существовать. Долгие месяцы еще кружились над бывшими кочевьями по ту сторону гор тучи черного воронья да ветер приносил с востока едкий запах мертвечины. И притихли вожди и бии казахских родов и племен, прекратили на время свои усобицы, понимая, какая беда грозит с востока. Если раньше между Китаем и казахскими ханствами находились джунгарские кочевья, то теперь жаркое дыхание кровавого дракона достигло уже казахских земель...

В третий раз беспорядочно бежали через перевал Алтын-Эмель обезумевшие солдаты знаменитого маньчжурского военачальника Фу Де. Это были пехотинцы, опытные и хорошо вооруженные. Но когда на камнях ущелья спешивалась быстрая конница Аблая и крепкие джигиты выставляли перед собой длинные закаленные пики, китайские солдаты были бессильны что-либо сделать. А пока они возились у перегородившей ущелье живой стены, пробравшиеся через головокружительные пропасти казахи-горцы, которые издавна охотились тут с учеными орлами и соколами, сбрасывали на головы шуршутов целые гранитные скалы.

Да, уже не джунгарские нойоны, а регулярные императорские войска вошли в пределы древней страны казахов. Поднебесная империя всегда считала себя центром мира, и поэтому для ее войска не существовало границ. Просто Сын Неба — император — послал сво-

их послушных слуг на свою окраину наказать каких-то строптивых дикарей-кочевников...

Когда в третий раз побежали шуршуты, Аблай уже не очень радовался. Так было уже два раза, и оба раза новые китайские полчища однообразными серыми колоннами выплывали из ущелья, будто и не было никакого побоища. Это было похоже на муравейник в Сарыарке: сколько ни топчи ногами, все новые и новые муравьи вылезают на поверхность. Где взять огонь и воду на бесчисленный шуршутский муравейник? А батыр Дербилай, начальник ертоулов, доложил только что: с той стороны гор приближается новая китайская армия под командованием полководца Чжао Хоя.

Ни в какое сравнение не идет шуршут-кавалерист на своей кургузой лошаденке с казахским джигитом, но когда на одного джигита приходится десять или двадцать таких вояк, то не хватит силы в руках столько раз поднимать дубину. К тому же не кавалерией опасны армии богдыхана, а пехотой — упрямой, настойчивой, не считающей потери.

Все нужно сделать для того, чтобы не дать соединиться этим двум китайским армиям, но для этого следует перелететь на ту сторону гор. И если не сделать этого, то под знаменем шуршутского дракона придет такое несчастье на казахскую землю, что раем покажутся прошедшие «времена великого бедствия». Пример джунгар перед глазами. Но что можно сделать, если сама судьба против. Белый верблюд перед этим походом лежал в каком-то сомнительном положении!..

С самого начала боя в ущелье Аблай не мог избавиться от этой навязчивой мысли. Белый верблюд появился у него после джунгарского похода, во время которого погиб его любимый сын — первенец Жанай. В то утро все еще не оправившийся от горя Аблай вышел из своей юрты и увидел стоящего на краю аула необычного белого верблюда. Он был огромен, снежно-белая грива его длинными космами свисала до самой земли. Верблюд не испугался, а лишь скосил глаз, когда султан подошел к нему. Ноздри животного были еще целы — не проткнуты погонщиками, а на горбу не было следов хома — особого приспособления для вьюков. По всему угадывалось, что это дикий дромадер-аруана. Когда Аблай поднял руку, верблюд вдруг взметнулся и побежал.

А на следующее утро Ак-бура — «Белый верблюд» был на том же месте, словно ждал пробуждения безутешного Аблая. И Аблай, как всякий кочевник, не мог не связать это событие с гибелью сына. Всю следующую зиму появлялся при султанском ауле этот верблюд, и в эту зиму ни одного козленка не задрали волки в султанских стадах. Год выдался на редкость удачным, и это тоже связывали с Ак-бурой...

А уж весной белый верблюд показал всю свою силу... Султан Аблай решил снова выступить против джунгар. Но созванный им совет биев и вождей родов и племен так и не мог прийти к единому мнению: против кого направить боевую конницу — против прииртышских джунгар-торгаутов или против прилийских ойротов. И вот

тут пришел черед белого верблюда. Так, во всяком случае, рассказывает предание. Выйдя утром из юрты, Аблай увидел, что белый верблюд лежит головой не на запад, как обычно, а на восток. «Что бы это значило?» — подумал султан и вспомнил о том, что с верблюдом пришла к нему удача. Он выступил с войском в том направлении, куда указывала голова вещего верблюда, и поход получился на редкость удачным.

С тех пор, куда бы ни отправлялся султан Аблай, за ним всегда вели в поводу белого верблюда. Трудно сейчас сказать, искренне ли верил султан в таинственную силу Ак-буры. Но в преданиях о том времени белый верблюд султана Аблая занимает достойное место. Рассказывают, что однажды Аблай выказал строптивость перед ниспосланным ему судьбой верблюдом. «Неужто от этого животного зависит моя судьба!» — воскликнул он как-то и повел войско в противоположном указанному лежащим верблюдом направлении. Нечего и говорить, что войско попало в ловушку и еле спаслось от разгрома, да и то благодаря присутствию в нем все того же Ак-буры.

Вот и на этот раз, прежде чем выступить против идущих по течению Или китайских полчищ, Аблай в утро перед боем прежде всего посмотрел на белого верблюда. Он лежал как-то неопределенно, головой в сторону от перевала, где султан Аблай решил остановить углубившихся в казахские земли захватчиков-шуршутов. Это явно не сулило удачи, но делать было нечего. Если шуршуты перейдут через перевал, выбивать их потом придется, может быть, веками!..

И вот теперь, хоть и в третий раз откатились китайцы, султан Аблай чувствовал себя не лучшим образом. И без верблюда он знал, насколько превосходят численностью шуршуты его войско. Но он решил все же опередить китайского полководца Чжао Хоя и атаковать войско Фу Де до его подхода.

— Эй, пусть уйдет в заросли джиды отряд Баян-батыра! — приказал он. — А Сарымбет-батыр пусть укроется за вон теми холмами. Но чтобы не увидели шуршуты. В бой вступать по моему знаку!

И сразу же оставив преследование, повернули коней казахские воины, стали рассасываться по зарослям, укрываться в приречных рощах, и через несколько минут исчезли из поля зрения, словно растаяли в сыром приилийском тумане. Одни лишь оставшиеся в ущельях незримые сртоулы слышали, как китайские горны настойчиво сзывают войска для новой атаки.

Нет, не впервые столкнулись вплотную казахи с китайским императорским войском. С незапамятных времен стремились многочисленные китайские богдыханы овладеть этой землей и населявшими ее народами. По всей восточной кромке степи, особенно на землях Большого жуза, виднелись старые развалины и пожарища, оставленные здесь шуршутами. Из века в век китайские завоеватели пытались не просто покорить эти роды и племена, но превратить их в китайцев. Когда это не удавалось, с целыми народами поступали точно так, как только что с джунгарами.

Произошла джунгарская трагедия, и неистовый Бухар-жырау, до сих пор ополчавшийся в своих песнях против «гяуров-орысов»,

строящих укрепления в пределах Казахской степи, сразу же перестроил струны своей вещей домбры и запел:

В священном писании «Инжил»,
Что состоит из четырех книг,
Посланных людям богом,
Говорится о неких шуршутах...
Бунтуют они за горами, и качаются горы...
И если придут они в мир, шуршуты,
То поедят даже трупы,
Выкопав их из могил!..

Следует сказать, что мудрый жырау прекрасно знал звериную натуру китайских императоров. Он говорил, что они более жадны, чем изголодавшиеся шакалы, и призывал казахов точить пики.

А к этому времени новая беда нависла над казахскими родами с юга. Едва пало Джунгарское государство, как только что образовавшееся Кокандское ханство, полностью унаследовав политику Бухары, захватило Ташкент, а за ним казахские города Туркестан и Арысь. Кокандские отряды продвигались вниз по течению Сейхундарьи, захватывая один город за другим.

Аблай мог бы с находящимися под его начальством войсками остановить продвижение кокандцев, но слишком большая угроза нависла с востока. Дракон-людоед переваривал Джунгарию, придерживая страшной когтистой лапой часть казахских кочевий Большого жуза, находившихся перед этим под властью контайчи. Вторая лапа дракона нацеливалась из-за Черного Иртыша на земли Среднего жуза...

Вот тогда, оставив до лучших времен расчеты с кокандскими владыками, Аблай собрал огромное ополчение. Возглавленное самыми знаменитыми батырами того времени, среди которых было немало выходцев из народа, оно двинулось от Голубого моря — Балхаша на восток. Там, едва расправившись с Джунгарией, подтягивали свежие силы и готовились к новым захватам огромные маньчжуро-китайские армии генералов Фу Де и Чжао Хоя. Аблай не тешил себя надеждой, что сумеет одолеть Китайскую империю, но сорвать их поход этого и следующего года было в его силах. При этом, по мысли султана Аблая, невольно объединятся все казахи, и он рано или поздно станет их ханом.

А разрозненным казахским кочевьям не осталось ничего иного, кроме объединения. Пример Джунгарии показывал, что китайские правители не станут предлагать пряник одним или другим племенам и жузам, настраивая их друг против друга. Дракон проглотит все сразу и даже костей не выплюнет. Недаром гласила древняя пословица, что «тогда придет конец света, когда двинется с места Черный Китай». Война предстояла жестокая и длительная. Все могло произойти, и тот же Бухар-жырау пел:

Коль придет шуршут, не оставайся на месте,
Перекочевывай к Сейхундарье,
Там всегда найдешь ты воду питьевую...

И кто его знает, что символизировал белый верблюд, который перед этим походом как бы снимал с себя ответственность, улегшись головой в неопределенном направлении...

— Ты видел, мой жырау, как неясно была повернута утром голова нашего Ак-буры?— спросил Аблай у стоящего рядом с ним Бухара-жырау.

Старый певец смотрел, как в четвертый раз выползал из ущелья серо-зеленый шуршутский дракон. Не выдержав его оскала, медленно прогибалась линия казахского войска. По двадцать солдат на одного казахского джигита приходилось сейчас в этой битве. Слабосильные от многовекового недоедания, насильно согнанные в эти огромные армии маньчжурскими повелителями и их великоханьскими сподвижниками, несчастные крестьяне были одурманены и забиты до нечеловеческого состояния. Они знали лишь одно: отступившего с поля боя ждет смерть. И они покорно шли вперед, находя эту смерть под казахскими дубинами...

— Коль сам пастух не верит в сохранность стада, то волки будут сыты...— ответил Бухар-жырау.— Избавься от сомнений, султан, иначе горе тебе и всем нам!..

— Как же смогу я избавиться от сомнений?!

— Это тяжкая болезнь, которую излечивает одна лишь...

— Говори, жырау... Что же ты замолчал?!

— Лишь смерть избавляет от сомнений!

— Что же мне делать, жырау?

— Искать свою смерть!

Аблай внимательно посмотрел на жырау, покосился в обе стороны. Слишком много людей слушало их разговор. Выпрямившись в седле, султан Аблай вгляделся туда, где, теснимые врагом, побежали наконец казахские воины.

— Значит, я должен разыскать свою смерть?.. Что же, ты правильное лекарство нашел от моей болезни, жырау!..

И Аблай поднял на дыбы и с места бросил в галоп своего послушного коня.

Бухар-жырау слез с коня на землю, встал на колени с перекинутым через шею ремнем и принялся громко молиться. Любой муфтий сошел бы с ума от негодования, услышав эту молитву, ибо половину слов в ней представляли заклинания духов земли и неба, которые испокон веков произносили в этих краях язычники-баксы.

— Аблай!.. Аблай!..

С этим кличем побежавшие было джигиты повернули и опять вступили в бой. И спешившийся Аблай был среди них, в первом ряду. Чего-чего, а смелости было не занимать этому человеку. Лишь когда первый натиск китайцев стал ослабевать, вернулся он к холму, где молился Бухар-жырау. Аблай был весь забрызган кровью — своей и чужой.

— У меня больше нет сомнений, мой мудрый жырау...— крикнул он подъезжая.— Зачем они властителю!

Когда через некоторое время снова прогнулась казахская оборонительная линия, султан Аблай тронул было коня. Но на этот раз цепкий Бухар-жырау словно барс ухватился за поводья:

— О, не искушай смерть, мой султан... Чаша разбивается один лишь раз!..

— Но я лишен сомнений, мой жырау!— воскликнул Аблай.

— Неужели ты думаешь, султан, что бог всякий раз будет исполнять все то, что я прошу в своих молитвах?!— возмутился старик, и все присутствующие рассмеялись.

У казахов, как у всех кочевых народов, певцы-прорицатели пользовались огромным авторитетом. Их устами феодально-родовые вожди отстаивали свои вольности перед властью султанов и самого хана. Но наибольший авторитет в народе имели те из них, которые раздвигали рамки своих сказаний за пределы одного племени и начинали говорить от имени всего народа. С их мнением приходилось считаться самым самовластным правителям. Таким был искренне преданный Аблаю Бухар-жырау, который тем не менее часто высказывал грозному султану то, что не решались сказать приближенные. С каменным лицом выслушивал его тогда Аблай, и ничто не говорило о его крайнем раздражении. Только что этот старик всенародно усомнился в твердости Аблая, и тому пришлось так же всенародно доказывать, что он, будущий хан казахов, не ведает сомнений. Только за человеком, не ведающим сомнений, устремится импрам — толпа, как презрительно называли народ все предки Аблая, сам он и все его потомки...

А битва продолжалась, и все новые и новые отряды китайской пехоты выливались из черного зева ущелья. Устилая землю трупами, шаг за шагом продвигались они вперед, и казалось это войско бесконечным облаком саранчи, изливающейся на широкую Казахскую степь. Прилетевшая издали стрела ранила в руку Бухара-жырау, и Аблай приказал сопроводить его в тыл. Вместо него на положенное для главного певца войска место встал Татикара-жырау.

Аблай посмотрел на солнце, которое склонялось к западу. По всему было видно, что сегодня еще не придется пускать в ход спрятанную в засаде конницу. Пусть за ночь побольше шуршутов накопится в ущелье, чтобы было где погулять дубинам с коваными наконечьями и закаленным в степных кузнях клинкам-клычам...

Султан вдруг быстро поднял обе руки к обнажившейся голове. Пробитая длинной тяжелой стрелой лисья шапка мягко слетела на землю. Туленгут прыгнул с коня, подхватил ее и подал султану. К стреле у самого оперения был подвязан кусочек светлой кожи. Аблай развернул письмо... «Будь осторожен, султан... Сегодня ночью один из твоих приближенных людей должен лишить тебя жизни!»

Стрела прилетела слева, из кустов джиды. «Какой меткий стрелок!»— подумалось Аблаю. По всему было видно, что это искренний доброжелатель. Если бы не так, стрелку ничего бы не стоило опустить лук чуть ниже. Ищи его потом в этих кустах.

— О чем написано там, на этой коже?!— спросил Бекболат-бий.

Аблай посмотрел в его внезапно побледневшее лицо и равнодушно пожал плечами:

— Так, о тяжести войны пишет.

Бекболат-бий кивнул головой, хоть явно не поверил словам Аблая.

Да, чем дальше, тем сильнее родовые вожди опасались укрепления власти Аблая. Уже несколько раз стреляли в него из засады. Бии и многочисленные его родственники-торе опасались прихода к власти над всеми тремя жузами султана с твердым характером. Им всегда нравились слабохарактерные и слушающиеся их властители. А в том, что Аблай, придя к власти, сразу же урежет их права, они не сомневались. Именно в борьбе с ними широко использовал Аблай вещих певцов, таких, как Бухар-жырау, выражающих мнение простонародья. Именно на импрам — неродовитую толпу можно было опираться в борьбе со всесильными родовыми биями.

Вот и Бекболат-бий, один из главных недоброжелателей Аблая, не случайно спросил его о том, что сказано в принесенном стрелой письме. Этот бий, а также его всемогущий отец Казыбек — Гусиный Голос, которому уже за девяносто, не скрывали своего отрицательного отношения к возвышению над ними султана Аблая. Но когда пришла весть о шуршутах, оба они — отец и сын — поняли, что только Аблай сейчас в состоянии возглавить ополчение казахских родов. Что бы там ни было, а табуны Бекболат-бия пасутся чуть ли не по всей границе с бывшей Джунгарией. А прожорливость солдат-шуршутов издавна известна в степи...

— Если шестеро будут враждовать между собой, то обязательно станут жертвой седьмого!

Так сказал Аблаю Бекболат-бий, присоединяясь со своим отрядом к ополчению. Почему же так побледнел он при виде стрелы с письмом?.. Аблай снова оглянулся на быстро катящееся к горизонту солнце. В глубине ущелья загрохотали многочисленные китайские барабаны, извещавшие об окончании битвы.

— Что же, на этот раз и мы подчинимся их сигналу!— весело сказал Аблай, стегнул коня и поскакал к стоящим в степи юртам.

Загремели и казахские даулпазы. В ту же минуту воины опустили руки с оружием, повернулись спинами друг к другу и пошли в разные стороны. Уже при свете луны выехали на поле высокие арбы с подборщиками трупов. Им предстояла работа на всю ночь...

Ставка Аблая находилась на небольшом притоке Или — горной речушке Куркреук. Посредине высились белые юрты Аблая, а с разных сторон ставку окружали шатры многочисленных биев и батыров. У каждой юрты стоял шест с родовым или племенным знаком военачальника.

Проведя короткий военный совет, султан Аблай по давней привычке сразу же лег спать. И хоть спал он чутко, но засыпал сразу, едва коснувшись головой подушки. Как и принято в походе, он лег не раздеваясь, а лишь чуть отпустил пояс и положил рядом лук со стрелами и обнаженный клинок. Но как только утих лагерный шум, Аблай открыл глаза, легко встал на ноги. Ведь недаром предупреждал его об опасности неизвестный стрелок.

Однако Аблай не стал усиливать караул. Посидев несколько ми-

нут в раздумье, он усмехнулся и снова лег на плотную жесткую кошму, не так спасавшую от сырости, как от ядовитых пауков предгорья. «Коль суждено мне сегодня умереть, то ангел смерти отыщет меня хоть в золотом сундуке!» — подумал он и тут же уснул опять. В судьбу султан Аблай верил до последнего дня своей жизни.

Черный верблюд-дромадер величиной с гору снился ему. Он захотел заарканить его, но верблюд вдруг превратился в шуршутского дракона и раскрыл кровавую пасть...

— Абеке!.. О султан Аблай!

Аблай успел все же бросить аркан на шею дракона и открыл глаза. Рука его сжимала родовую шашку.

— Это я, мой султан... Я... Нуржан!..

Аблай выпустил серебряный эфес. Тормошил его родной брат средней жены Камшат из рода караул.

— Что случилось?

— Вы рубили шашкой воздух, Абеке!..

— Кто с тобой на посту у шатра?

— Один Малик и я!..

Сон пропал. Аблай лежал и думал о полученном предупреждении. Там ясно говорилось именно о сегоднящней ночи и о том, что покушение должен совершить кто-то из близких. На постах у дверей и вокруг шатра стоят лишь самые близкие люди из доверенных родов атыгай и караул. И еще... Малик!..

Нет, не может быть, чтобы это был Малик, хоть он и из башкирского рода. Его прислал сам Карасакал. Но так ли это? Действительно ли Карасакал послал к нему этого самого меткого стрелка и лихого джигита? Надо было спросить об этом старого Кабанбай-батыра!

Карасакал был одним из родовых башкирских вождей, восставших против царицы. Оттесненный регулярными войсками, он ушел в Казахскую степь и был принят казахскими родичами. Многие ушедшие с ним башкиры из простонародья впоследствии вернулись на родину и приняли в отрядах Салавата Юлаева самое деятельное участие в пугачевском движении. А пока что Карасакал, или Кара-хан, как называли его приближенные люди, чтобы избавиться от преследования со стороны царских генералов и одновременно поднять свой авторитет в здешних краях, назвал себя Шуно-Доржи — младшим братом контайчи Сыбан Раптана. При этом он рассказывал, что якобы бежал из Джунгарии от преследований своего племянника, узурпатора Галден-Церена...

Казахи так и не выдали его ни царскому правительству, знавшему его как Карасакала, ни джунгарскому контайчи, знавшему, что это самозванец. Все враги джунгар бежали в Казахскую степь и тоже поступали в отряд самозваного «великомученика Шуно-Доржи», ослабляя тем самым главного врага казахов — контайчи. Особо покровительствовал самозванцу знаменитый батыр Кабанбай. Джигиты Карасакала славились своим мужеством и не раз участвовали в битвах казахского народа с тем же самым контайчи, а затем и с китайскими регулярными войсками. После захвата Джунгарии вой-

ско Карасакала еще больше увеличилось за счет успевших избежать уничтожения джунгарских джигитов.

И вот не так давно этот Карасакал, пользовавшийся особым доверием Аблая, прислал ему одного из своих приближенных джигитов — Малика. Своим воинским умением и меткостью в стрельбе тот сразу завоевал доверие султана. В последнее время Малик стоял на часах при юрте Аблая вместе с самыми доверенными людьми.

Синяя рваная тучка нашла на луну, и Малик обнажил холодный нож. Уже рука напряглась в предчувствии страшного прямого удара под ложечку, и родич султана Нуржан повернулся к нему нужным боком, как вдруг негромкий сдавленный крик послышался из белой юрты, которую они охраняли. Нуржан откинул полог и принялся тормошить Аблая, которому приснился кровавый дракон. Не отпуская костяной рукояти ножа, Малик напряженно прислушивался к тому, что говорится в юрте...

Нет, не Карасакал прислал Малика к Аблаю, а совсем другие люди... Правители Кокандского ханства давно уже следили за успехами Аблая. Избавившись от джунгарской угрозы и отделенные пока что отрядами того же Аблая от смертоносного дыхания шуршутского дракона, они решили воспользоваться положением и отхватить как можно большую территорию по среднему течению Сейхундарьи, а если удастся, то и по ее нижнему течению. Один лишь султан Аблай со своим войском представлял тогда на казахской земле какую-то политическую и военную силу. Со смертью его, как они надеялись, намечающееся единое ханство снова рассыплется на тысячу частей, которые можно будет заглатывать одну за другой, не встречая серьезного сопротивления. И наемный убийца Малик, хитрый и коварный, как змея, прибыл к Аблаю по их поручению. Неисчислимые блага были обещаны ему по удачном завершении дела...

Время не ждет. Еще утром ему передали прямое указание из Коканда поторопиться. Оседланный конь-аргамак с обвязанными мешковиной копытами и мешком на морде ожидает в полуверсте от султанского лагеря. Да вот не вовремя проснулся Аблай!

А может быть, все это неспроста — осторожность Нуржана, с которым Малик давно уже внешне подружился, пробуждение султана. Да и сам султан выглядел сегодня настороженным. Или это только показалось?..

Лишь один глухонемой джигит-коновод прибыл с Маликом в ставку султана Аблая якобы от Карасакала. Был он беглым башкирским туленгутом, и в Кокандском ханстве оставались два его сына. Глухой не знал, с каким поручением послан его хозяин Малик, но сегодня утром он видел кокандского связного, передавшего Малику лоскут с какими-то письменами. Возможно, глухой заглянул в этот лоскут бумаги, когда убирал шатер, пока Малик разговаривал с прибывшим? Нет, это невозможно: туленгут так же безграмотен, как и глух!..

Вдруг Малик вздрогнул. Из шатра вышел сам султан. В лунной полутьме казалась еще выше и мощнее его крупная фигура. Наметанным взглядом убийца определил, что при султане нет оружия. Может быть, нож в сапоге, но вряд ли успеет тот пустить его в ход.

— Я прогуляюсь на воздухе!— бросил султан на ходу, не поворачивая головы.

— Я с вами, мой султан...— сказал Малик и сделал знак Нуржану.— А ты здесь присмотри, Нуреке!..

Малик не увидел, как усмехнулся султан Аблай. Он бросил на землю свою шашку и прислонил к юрте лук, потому что, по древнему закону, нельзя было идти ночью рядом с ханом человеку с оружием. Аблай уже негласно считался ханом...

Они шли в призрачном лунном свете — впереди Аблай и чуть поотстав от него Малик. Вот он ускорил шаг, и снова напряглась рука с холодным ножом. Но резко повернулся к нему Аблай.

— Что это там, мой Малик?..

Рука султана показывала во тьму.

— Это... это белый верблюд...— Голос телохранителя задрожал.— Ак-бура!..

— Почему же он оказался здесь?..

— Не знаю, мой султан. С вечера верблюд лежал далеко за шатрами!..

— Ну-ка, ну-ка, моя судьба!..

Султан Аблай подошел к белому верблюду. Верблюд начал медленно подниматься на ноги, и во тьме увидел Аблай, как встала дыбом длинная белая шерсть. Это было до того страшно, что даже сам Аблай сделал шаг назад. И вдруг взметнулись к небу гигантские копыта, обрушились куда-то за спину Аблая. В то же мгновение страшный крик боли и отчаяния прорезал тишину ночи. Закричали, засуетились часовые, зажглись факелы в разных концах огромного лагеря.

— Ойбаяй, вы живы, султан?!

Подбежавший первым Нуржан широко открытыми глазами смотрел, как дикий белый верблюд рвет зубами и втаптывает в землю чье-то растерзанное тело. Он было рванулся спасать несчастного, но Аблай остановил его знаком:

— Не нужно, Нуржан, все равно этот человек мертв!

Что-то сверкнуло при свете факела. Нуржан наклонился и взял из руки растоптанного Малика нож. Верблюд, все еще рыча и всхрапывая, поднялся и пошел во тьму. Зубы мертвого Малика были оскалены в страшной улыбке.

— Он... он хотел заколоть вас, мой султан!..— сказал Нуржан и оглянулся на уже собравшихся людей.— Ак-бура спас вашу жизнь. Это посланец божий!..

Аблай молча повернулся и пошел назад в свою юрту. Так рассказывает об этом случае легенда. Не говорится в ней лишь о том, что спасенный таким чудесным образом султан зло усмехнулся во тьме ночи. Никто не увидел этой усмешки. А султан шел и думал о подброшенном ему со стрелой письме, где в уголке крошечными арабскими буквами было приписано имя того, кто должен был сегодня ночью лишить его жизни.

А потом к мертвому телу своего одноплеменника пришел глухонемой раб и унес его останки. Он тут же похоронил их по древним

законам своего народа. И никто так и не узнал в лагере Аблая, что жалкий глухонемой раб знал грамоту и хорошо умел стрелять из кривого башкирского лука.

К утру в белую юрту привели глухонемого раба погибшего Малика-убийцы и оставили наедине с Аблаем. Султан внимательно посмотрел в непроницаемое лицо раба, потом взял мелок и написал на вощеной дощечке:

«Это ты вчера прострелил мою шапку, человек?»

Глухонемой спокойно взял из руки султана мелок и написал:

«Да».

«Благодарю тебя за меткий выстрел».

«Благодари свою звезду, султан!»

«Откуда прибыли вы с хозяином?»

«Из Коканда».

«Кто посылал?»

«Бии Ерден и Нарбота...»

«По каким делам?»

«В Коканде тебя боятся, султан!»

Аблай кивнул головой, снял с верхней стойки юрты свой парадный, расшитый золотом кафтан и шапку на куньем меху, надел их на раба. А едва взошло солнце, пятеро джигитов поскакали на запад. Они должны были через верных купцов в Коканде выкупить из неволи детей глухонемого.

А в народе все шире распространялись легенды о том, что сама судьба в образе белого верблюда покровительствует султану Аблаю, и это верный знак, что только ему следует стать ханом трех жузов. И до наших дней сохранились эти легенды о чудесном Ак-буре.

Еще солнце не показалось над горами, как из зева ущелья раздался глухой несмолкаемый гул. Казалось, мощная река бушует и рвется из берегов. Одновременно ертоулы донесли, что подошли передовые части другого китайского генерала — Чжао Хоя.

— В основном это конница, мой султан...— рассказывал начальник ертоулов Турсунбай-батыр.— И кони у них уже не мелкие, как прежде, а наши — степные. По всему видать, что они их награбили в Кашгарии и в кочевьях Большого жуза...

— Все же пеших у шуршутов больше!..— задумчиво сказал Аблай.— Как ты думаешь, станут они сегодня наступать на нас?

— Нет, мой султан. Те, что пришли сегодня ночью, устали. Ну, а вчерашние еще больше устали. Как-никак, а тысяч семь мертвых тел собрали ночью их повозки... А сейчас они разжигают большие костры и варят двойную порцию риса, а не проса. Значит, предстоит «Праздник прибытия». За оружие взялись лишь те, кто идет в заграждение.

— Эй, созвать всех военачальников!— коротко приказал Аблай.

Нарочные взлетели на оседланных коней и поскакали во все стороны — туда, где в степи были разбросаны шатры главных батыров. Султан Аблай сидел в одиночестве на подушках в своей главной юрте. Сегодня утром предстояло ему решить, что делать дальше. Ну,

а когда он решит, то уж белый верблюд ляжет головой в нужную сторону...

А решать нужно незамедлительно. Пусть потери шуршутов вдесятеро больше, для них это незаметно. Еще и обрадуются их поставщики пищи, что меньше придется кормить. А вот страна казахов, не восстановившая и половины своего населения после «времен великого бедствия», дорожит пока что каждым джигитом. Это лишь вторая китайская армия подошла с той стороны, и уже не поможет никакая засада. Предположим, что даже разобьет он армии Фу Де и Чжао Хоя, но тут же появится третья армия, за ней четвертая, пятая... Нет, не под силу сейчас противостоять во весь рост тысячеглавому дракону. Пусть потерпят остающиеся в его пасти казахские племена и роды. Они должны пригнуться к самой земле, забиться в щели гор и расщелины. А мы, показав дракону, что с нами шутки плохи, уведем свое войско в целости и сохранности обратно в степь. Коль решатся шуршуты за нами в погоню, то им несдобровать в степи. Тут наша конница разгуляется в полную силу, не то что в этих горах. Но, судя по всему, не решатся уже они на это, и мы разойдемся, как раньше.

А войско надо сохранить во что бы то ни стало. Ведь не случайно именно сейчас послали кокандские правители к нему Малика-убийцу. Расчет у них самый простой: в то время как шуршуты перемелют казахское войско, наемный убийца уберет его, будущего хана. Кто тогда будет в состоянии противостоять кокандским лашкарам? Словно освежеванного вола, разделят они страну казахов. Для себя, конечно, кокандские властители уготовили самую большую часть. Недаром их отряды появились уже в виду приаральских кочевий. Они не думают о шуршутском драконе, надеясь на милость божью. А между тем только казахское ополчение стоит сейчас между этим драконом и Кокандским ханством. И хивинские прислужники Надир-шаха забывают о том же ненасытном драконе. Не проходит дня, чтобы они не тревожили казахские рубежи. Нет, не помощники это в войне с шуршутами. И даже если бы вдруг произошло чудо и примкнули бы они к его войску, все равно не остановить им огнедышащего дракона, который рано или поздно все равно полезет в степи и долины, открывшиеся его глазу. А пока...

— Сегодня вечером мы собираем свои юрты!— тихо сказал Аблай, когда один за другим вошли военачальники и уселись полумесяцем на бархатные подушки.

Наступила тишина. Все сидели потрясенные неожиданным решением.

— Но ведь это бегство!— вскричал старый Кабанбай-батыр.

— Нет, это отступление!— твердо ответил Аблай.

— Наши джигиты, которые дерутся вот уже столько дней с шуршутами, не захотят уступить!

— Тогда через двадцать дней останемся в живых лишь мы с вами...— тихо ответил Аблай.— Сегодня наши подборщики трупов захоронили семьсот тел. У двухсот двадцати четырех джигитов за вчерашний день отрублены руки или ноги, рассечены головы. Посчитайте, на сколько дней нас хватит!

Джаныбек-батыр бросил перед собой плеть в знак начала разговора:

— Аблай рассуждает здраво. Только в какую сторону нам двигаться?

— До Тургая...— прыснул известный Канай-шутник.— Оттуда уже недалеко и до Оренбурга!

Даже теперь, когда приходится рубиться вплотную с шуршутами, многим не хватает дальновидности. Канай-шутник вслух высказал то, что на уме у многих врагов Аблая. Уже столько лет, днем и ночью, обвиняют они его в том, что пошел на сближение с Россией. Что бы там ни ждало впереди, судьба джунгар перед глазами. К сожалению, новая царица никак не может справиться с неурядицами в своей империи. А то бы и он иначе разговаривал сейчас с шуршутами...

— Дальше Голубого моря не отступим!— твердо сказал Аблай.— Оставим в качестве щита одного из батыров с отрядом и двинемся.

Присутствующие переглянулись и опустили глаза. Еще не было такого случая, чтобы столь важные решения не принимались большинством совета. Каждый бий и батыр обычно в знак своего согласия с вождем бросал перед собой плеть рукояткой от себя. Но Аблай на этот раз не стал их спрашивать. Так имел право поступать лишь избранный всеми тремя жузами хан.

— Я прикрою вас, султан и батыры!

Это в наступившей тишине сказал Баян-батыр.

Аблай встал со своей подушки:

— Что же, остается только посмотреть, каковы предзнаменования у Ак-буры!

И все присутствующие направились вслед за султаном Аблаем на край степи, где лежал белый верблюд. При виде приближающейся толпы верблюд встал на ноги. Аблай остановился в десяти шагах. Ак-бура медленно повернулся и улегся хвостом к султану Аблаю и головой в сторону Голубого моря...

Весь день продолжались стычки в ущелье, и Аблай, стоя на холме со своими батырами, спокойно наблюдал за ними. А вечером, как и в предыдущие дни, зажглись большие костры по всей степи. Но если бы кто-нибудь в полночь проехал здесь, то увидел, что в предгорьях не осталось ни одной юрты и только одинокие подростки-туленгуты подбрасывают в костры сухой бурьян...

Основное казахское войско прошло на рысях уже верст пятнадцать в сторону Балхаша. Едущие в походном строю джигиты ополчения удивленно переглядывались.

— Кажется, мы убегаем!

— Да, судя по быстроте... А говорят, за спиной у шуршутов наши восстали. Из Большого жуза...

— Как же восстали они без султанов?

— Как будто мало били мы джунгар без всяких султанов!

— Знает ли Аблай, что в Синьцзяне поднялись уйгуры и казахи?

— А откуда ты знаешь?

— Говорят...

— Ох, а что сказать своим?.. Уж лучше погибнуть в бою!

— Успеешь еще, вояка...

— Да, большого ума для такого решения не требуется. Не нужно быть султаном, чтобы дать приказ бежать!

Едущий рядом Татикара-жырау вгляделся в угрюмое лицо сказавшего последнюю фразу джигита.

— Ладно, не горюй,— сказал жырау.— Умный волк всегда побежит перед десятью собаками. А повернется к ним клыками тогда, когда собаки растянутся в линию!..

На ночном привале, когда немного уже оставалось времени и до рассвета, к Аблаю подъехали оба певца — Татикара и Котеш.

— Разреши, султан, повеселить джигитов песнями!— сказал Татикара-жырау как старший.

— Пойте, жырау!..

И едва успели воины стреножить коней, как сначала в голове войска, а затем и в хвосте забились, обгоняя друг друга, две лучшие домбры своего времени. И резкие, сильные голоса взметнулись над степью. Оставив свои костры, поспешили джигиты на эти голоса.

Красные озорные огоньки искрились в глазах Татикара-жырау:

О, берегитесь, джигиты!
Вспомните того толстого шуршута,
Как трясся у него живот, когда бежал от нашего Жабая!
И хоть подобно ангелу смерти Азраилу мчался Жабай,
Через мгновение исчез за горизонтом вояка-шуршут!
Никто из живущих в разные времена людей
Не видел еще подобной быстроты.
Как лучший в табуне аргамак, бежал важный шуршут,
И ветер свистел от мелькающих пяток...
Так что уж если догонят нас шуршуты,
То и не пытайтесь бежать,
Ибо кто же сравнится в беге с шуршутами?!

Тысячеголосый хохот гремел над степью...

Джигиты спали, положив под голову седла, как спали в этой самой степи их деды и прадеды еще два, и три, и четыре тысячелетия тому назад. И так же, как и теперь, приползал сюда из своих далеких речных долин ненасытный тысячеглавый шуршутский дракон, желая поглотить их, высосать кровь и выплюнуть кости, чтобы и воспоминаний не осталось о древнем народе, живущем в этой степи. Но всякий раз, обломав зубы, уползал он обратно через каменную пустыню. Об этом пели сегодня казахские жырау, и грядущая победа над этим кровожадным драконом снилась джигитам. Они кричали во сне и хватались за шашки.

На рассвете небо заволокло тяжелыми тучами, и пошел холодный дождь. Вымокшие до нитки люди молча ехали через потемневшую скользкую степь. А когда доехали до небольшой в обычную пору речушки, то увидели, что черная вода в ней бурлит и клокочет, а другой берег просматривается где-то у горизонта.

Сумрачно смотрели джигиты, как пенистые холодные валы выбрасывали на песчаный берег глыбы камней величиной с верблюда и целые деревья, подхваченные глинистым потоком где-то в горах и принесенные сюда вместе с корнями. Корни топорщились в воде страшно, как драконьи перепончатые лапы. Пока они смотрели в этот бушующий поток, прискакала тысяча джигитов батыра Баяна. Они, как и условлено было, атаковали передовую линию шуршутов и навели среди них порядочную панику. Однако китайская кавалерия Чжао Хоя устремилась в погоню за ними, и таким образом китайские военачальники узнали об отступлении казахского ополчения. Само собой разумеется, они уже прошли роковое ущелье и движутся сюда. Здесь, прижатое к реке, ополчение могло погибнуть всё до единого человека...

А речной грохот все усиливался, и вода прибывала. Кони и верблюды пятились от реки, тревожно поводя ушами. И тогда опять выехал вперед Татикара-жырау, тронул струны, и высокий пронзительный голос его прорвался сквозь шум и грохот:

Мягкая бахрома и длинный корень у камыша...
Река перед нами, а за нами дракон!..
Неужто только саблей горазды махать наши батыры?
Где ты, Джаныбек-Шакчак-улы, с тяжелой пикой?
А куда задевался Бакей — гордость родов сагир и дулат?
Где же они: Дербисал и Мандай из кипчаков?
Ой, не видать мне Сары и Баяна из уаков!
Воды испугавшись, втянули головы в плечи!
В лесу самое высокое дерево — сосна...
Где же эта сосна нашего войска — Богембай?
А грозный батыр Жабай из рода емепалы-керей
Только и умеет, что ворочать своей пикой!..

И снова громовой хохот потряс сырую, холодную степь. А батыры, даже те из них, кто не умел плавать, немедленно выехали вперед. Тяжелые брызги поднялись выше прибрежных деревьев. Это вместе со своим конем, не сняв даже доспехов, первым рухнул в реку Баян-батыр. С того дня, как от его собственной руки пал его брат Ноян, батыр ежечасно искал смерти.

Лишь несколько джигитов вместе с лошадьми унесены были течением. Войско быстро привело себя в порядок, обсушилось у костров и к тому времени, когда на другом берегу показались шуршутские ертоулы из недавно покоренных кашгарцев, оно уже двинулось дальше. На берегу реки, которая названа была Куркреук — Грохочущей, осталась лишь тысяча всадников Баян-батыра. Султан Аблай приказал стоять здесь и не тревожить шуршутов.

Целую неделю прождали джигиты из отряда Баян-батыра китайские армии. Но их все не было. Отправленные на тот берег ертоулы донесли, что в ущелье оставлен лишь заслон, а основное войско захватчиков двинулось обратно в глубь «Новой Земли» — Синьцзяня. Вскоре стало уже точно известно, что едва армия Чжао Хоя двину-

лась в Казахскую степь, как во вновь завоеванных китайцами землях вспыхнуло восстание искони проживающих там уйгур и казахов. Уже успевшие по традиции поссориться друг с другом китайские генералы устремились туда каждый со своей армией. Это и спасло Казахскую степь от неминуемого нашествия, которое было бы намного страшнее джунгарского. Но ничто не спасло восставших. Казахское ополчение по неясным для них причинам отошло к Балхашу...

В этот же день тысячный отряд Баян-батыра переправился обратно через успевшую обмелеть речку и к ночи уже оказался возле ущелья Алтын-Эмель. Посланные вперед ертоулы доложили, что оставленный китайцами заслон составляет не менее десяти тысяч человек пехоты и двух тысяч всадников. Укрывшись в густых зарослях джиды, всадники Баян-батыра выспались и отдохнули. Едва пала ночь, как они выступили в поход.

В ущелье каждые двадцать шагов горели костры и стояли часовые. И казахские джигиты не пошли через ущелье. Ночью они вместе с лошадьми переплыли Или и по одним им известным тропам почти над головой у китайских охранников перешли на ту сторону гор. Было еще совсем темно, когда тысяча всадников Баян-батыра построилась боевым клином с той стороны, откуда захватчики никак не могли ждать нападения,— со стороны Китая.

— А будет ли радоваться Аблай твоему решению, батыр?— прошептал за спиной Баяна чей-то голос.

— Арруах!..— коротко и страшно крикнул батыр Баян, вставший на своем Тулпар-коке во главе клина.

— Уа... Арруах!.. О тени усопших здесь предков!..

— Акжол!

— Ойныбай!

— Караходжа!

— Аблай!..

И с места в боевой галоп, все сметающей на своем пути лавой двинулись вперед казахские джигиты. Подобные степному пожару мчались они, и все загоралось там, куда приближались они, потому что сотня за сотней выпускали они на спящий лагерь зажигательные стрелы. В пыли и дыму, голые, обгорелые, бежали шуршуты. Их настигали и рубили закаленными клычами, длинными дедовскими саблями — алдаспанами, простыми дубинами. Предсмертные вопли и проклятия слышались там и тут. Пригнанные своими правителями за тридевять земель для завоевания никогда не принадлежавших им степей, сотнями гибли на чужой земле солдаты. И перед смертью виделись им спокойные многоводные реки, легкие пагоды, зеленые пальмы на покатом океанском берегу. Грезилась родина...

Свыше трех тысяч захватчиков было уничтожено этой ночью. Пока китайские командиры опомнились от неожиданного нападения, пока собрали и привели в порядок свое войско, нападавших и след простыл. Казалось, что джинны напали на китайский лагерь, и только убитые и раненые казахские батыры, лежащие на земле вперемешку со своими жертвами, не оставляли сомнений в том, кто совершил набег.

А отряд Баян-батыра уже готовился в обратный путь. Но когда подсчитали собственные потери, выяснилось, что не хватает более трехсот джигитов.

— Негоже оставлять своих товарищей в руках у шуршутов,— сказал Баян-батыр.— Все вы знаете, что они делают с пленными!

Джигиты, всю ночь не слезавшие с загнанных коней, молчали. «На одном пиру дважды не делают подарки» — гласит пословица. Рок не любит повторений, а степняки всегда верили в рок...

— Давай, батыр, тех, кто остался в руках врага, поручим богу, а мертвые уже все равно в его ведении!— сказал один из джигитов ополчения.— Мы устали и только понесем лишние потери. Шуршуты уже ждут нас...

— Разве есть у нас другой выход?— поддержал его другой.

— Да простят нас павшие!..

И тогда вдруг выехал вперед джигит, поднял правую руку.

— Я с батыром Баяном!

К нему присоединился второй — тот самый, который только что сомневался в разумности нового нападения на китайцев:

— Неужели только ты уродился мужчиной у своей матери!..

— И я!..

— Я с вами, батыр!

Через минуту все примкнули к батыру Баяну. Он махнул рукой:

— Двинемся сейчас по другой лощине, вон туда!

— Эй, батыр Баян, а будет ли доволен всеми твоими действиями наш султан?!— тихо произнес все тот же голос за его спиной.

— Не знаю...— Батыр выхватил свой страшный алдаспан и показал на виднеющийся впереди дым.— Вперед!

— Уррах!

— Акжол!

— Аманжол!.. Борибай!..

И опять словно поднявшиеся из этой земли предки ринулись вместе с ними на врага. Но уже залпом из китайских фитильных ружей встретили их солдаты императора. Присев на колено, они выставили перед собой пики, образовав единую линию. И все же линия эта была прорвана, и опять побежали в разные стороны, как тараканы от кипятка, завоеватели-шуршуты. Вот как пел поэт об этом бое в своей песне-сказании:

Но закипела кровь у казахских батыров,
И хоть верная смерть была впереди,
А на каждого из них приходилось по сто шуршутов,
Устремились они на врага!..
Уже не пот, а кровь проступила сквозь поры тела,
Кровь лилась с батырских сабель,
Но, подобные миллионам ядовитых каракуртов,
Окружили их враги-шуршуты.

Да, слишком велико было неравенство сил. На много верст раскинулся китайский лагерь, и со всех сторон подходили подкрепления. А силы казахских джигитов таяли. Не более сотни их уже остава-

[illegible]
лось на конях. Баян-батыр огляделся и увидел, что близок конец. И еще увидел он, что все предгорья вокруг потемнели от трупов завоевателей. «Нет, не зря мы погибаем...— подумал батыр.— Останется это черное поле в памяти шуршутов на века. Может быть, привидится оно им, когда снова придут за нашей землей!»

Громадный маньчжур устремился на него с длинной железной пикой. Баян-батыр одной рукой вырвал у него из рук эту пику и в мгновенье ока завязал узлом, потом схватил свой дедовский алдаспан и до седла разрубил его.

В ту же минуту он почувствовал, как холодная сталь вошла в бок, пробила огромное батырское сердце.

— Арруах!.. На шуршутов!..

В предгорьях отозвался эхом страшный крик Баян-батыра и, многократно повторяясь, укатился через горы в родную степь...

Они сидели друг против друга — хан страны казахов Абильмамбет и один из султанов Среднего жуза Аблай. Да, так оно и было, несмотря на многие победы Аблая над джунгарами и шуршутами, несмотря на всю его славу. В глазах престарелых биев, чтущих незыблемые законы предков, в глазах всех казахских родов, в глазах толпы он все равно лишь простой султан. И хоть в степи и за ее пределами знают имя Аблая куда лучше, чем имя этого болезненного человека, большая ханская подушка все равно под задницей у Абильмамбета. И крепкий, полный сил и жажды власти Аблай вынужден смотреть снизу вверх на своего дядю...

Если бы он был наедине с самим собой, Аблай бы усмехнулся. Он хорошо понимал, почему этот болезненный хан, презрев свои горести и страдания, прибыл вдруг за полторы тысячи верст в его ставку на берег Голубого моря. Хан Абильмамбет прибыл праздновать великую победу над шуршутами, которую одержал один из его многочисленных султанов — Аблай!

Нет, не получилось так, как рассчитывали его враги. Султан Аблай был и остается первым человеком в стране казахов, и ему решать, чему быть — миру или войне. Увязни-ка он со своим войском в войне с шуршутами, все бы пропало. Предположим, что он пришел бы на помощь восставшим родам Большого жуза, и ему при их поддержке удалось бы разбить обе китайские армии. Все самые верные его батыры лежали бы сейчас там, в черной юрте на краю ставки, где лежит вывезенное с поля боя и завернутое в белую кошму тело Баян-батыра. Аблай остался бы без войска, которое будет так необходимо, когда он станет ханом Большой Орды — трех жузов. Правда, для этого нужно, чтобы вовремя ушел в иной мир хорошо относящийся к нему родной дядя — этот вот болезненный хан Абильмамбет...

О, он хорошо знает их, окружающих хана Абильмамбета родовых вождей: биев, аксакалов и наследственных батыров. У каждого свои интересы, свои страсти — большие и малые, свои привязанности. И каждый если не сам лелеет мечту сделаться ханом трех жузов, то уж, во всяком случае, имеет на примете своего человека, который

был бы хорош для него на белой ханской кошме. Таковы они, торе-чингизиды, и кому, как не ему, знать своих родичей!

За каждым шагом следят они, ожидая, как волки, когда же он споткнется. Каких только обвинений не предъявляли ему, когда он принял российское подданство. Некоторых жырау настроили против него, возбуждали толпу — импрам. И разве вон тот старец, что трет сейчас рукой руку, не рассказал тогда сказку о хитром соседе. «Дай мне в знак дружбы кусок земли величиной с воловью шкуру»,— предложил хитрец. А когда простодушный сосед согласился, тот разрезал шкуру тонкими ленточками, и оказалось у него земли до горизонта. Так, мол, и орысские генералы: просили землю лишь под крепости, а возле крепостей насадили огороды, потом все вокруг засеяли пшеницей, привели сюда своих мужиков-туленгутов...

Так говорили все они. Теперь, когда шуршуты ухватили степь за горло, то уже не считают, что Аблай продался гяурам и самого хана толкнул на это. Этот дракон посерьезней джунгарского ящера, и, имея за спиной орысские крепости, куда легче разговаривать с ним.

Нет, не торе-чингизиды пока что главная опора. Вот они, неродовитые батыры, а то и просто люди неизвестного происхождения, утвердившие свое имя саблей и пикой в эти смутные годы. За ними стоит та безликая масса простонародья, которую называют импрам. Это ее испокон веков используют умные властители для завоевания трона. Все можно пообещать этим людям, а делать по-своему. Уж они-то не спросят отчета о его действиях, а слепо пойдут за ним. Он, султан Аблай, не первый и не последний. Так всегда поступали степные властители, так делал его рыжебородый предок, потрясавший некогда вселенную...

Вот они сидят по правую и левую руку от него, их повелителя и будущего хана Аблая... Пожилой, но еще полный могучей силы Богембай, а за ним Жабай-батыр из рода еменалы-керей, кипчакские батыры Дербисал и Мандай, дулатовец Бокей, Сары-батыр из уаков и другие, чьи имена повторяют в степи люди всех родов и жузов. Хмуры их лица, потому что мечтали они о победе над захватчиками-шуршутами, а пришлось отступить. Да еще завернутое в кошму тело их батыра Баяна привезли из Алтын-Эмеля. Однако никто не возразил против приказа, никто не потребовал объяснений.

Что же, может быть, и удалось бы одолеть шуршутов и освободить те казахские роды и племена, которые лежат, придавленные брюхом дракона. Потому и поднялось всеказахское ополчение. И восставшие за спиной шуршутских армий казахские кочевья ждут помощи. Но поступить так было невыгодно сейчас ему, будущему великому хану. А что выгодно ему, то отныне должно быть законом для всех в степи.

Да, никто из сидящих здесь не знает, что вечером того же дня, когда была пробита стрелой его шапка, два бродячих дервиша в грязных и заштопанных халатах побывали в его белой юрте при Алтын-Эмеле. Через стражу ему был передан серебряный кружочек с одним лишь иероглифом, и он велел пустить их к себе. Один из дервишей со слезящимися глазами тут же молча снял с себя халат и развернул

чалму на голове. Легкий холодок пробежал по спине Аблая, когда он узнал этого старика с ничего не выражающими глазами. Когда Аблай находился в почетном плену у джунгарского контайчи, к тому два или три раза приезжал этот китаец. И надутый, самовластный контайчи, считающий себя законным владыкой полумира, бледнел и понижал голос, разговаривая с этим человеком. Потом султан Аблай узнал, что именно этот старик, который сидел теперь перед ним в грязной одежде, уничтожил Великую Джунгарию...

Недолгим был разговор в белой султанской юрте. А когда дервиши сели на своих ослов и уехали в неизвестном направлении, Аблай приказал уходить от ущелья Алтын-Эмель к Голубому морю. И белый верблюд Ак-бура, спасший в этот день султана от смерти, сразу же послушно лег головой к Балхашу...

Да, он избрал этот путь. Ему, чтобы сделаться ханом трех жузов, было невыгодно сейчас побеждать шуршутов у Алтын-Эмеля. Ослабнет угроза с их стороны, и тут же заворочаются, заговорят, зальются соловьем все эти бии-златоусты, толстозадые политики-хитрецы, родовые властители и судьи. Кто переговорит их в дни мира! А пока висит шуршутский меч над головой, только он, султан Аблай, представляет какую-то силу. Вот когда он станет великим ханом, тогда можно будет вернуться к Алтын-Эмелю.

Пока же он будет скользить между российским львом и шуршутским драконом, сохраняя нетронутыми свои силы и придерживая на цепи кокандских шакалов — Ердена и Нарботу-бия. Нет удобнее положения, когда обе стороны в тебе заинтересованы. Российское подданство он уже давно признал. Что же, теперь он признает свою определенную зависимость и от богдыхана. Большего приезжавший к нему старик и не потребовал.

Нет, не такой уж он близорукий, чтобы не понять замысел этого старого шуршута с больными глазами. Судьбу Джунгарии хочет уготовить этот страшный старик всем трем казахским жузам. Пока что шуршутская империя переваривает Джунгарию. Но когда три раза отрыгнется ей и заполнятся пригнанными из глубин Китая людьми джунгарские пепелища, наступит пора страны казахов. Вот тут-то и пригодятся те русские крепости, которые он вместе со всеми знатными людьми трех жузов разрешил строить в степи. К тому же тогда он уже станет ханом!

А пока что он будет неуклонно идти к своей цели, и в тот день, когда поднимут его на белой кошме над степью представители всех трех жузов, эта цель будет достигнута. Горе тому, кто станет на его пути к ханской кошме. Все те, кто сидят сейчас здесь — родовитые и неродовитые,— должны беспрекословно выполнять его предначертания. Иначе... иначе их ждет судьба Баян-батыра. Да, по одному взгляду, брошенному Баян-батыром, понял он, что тот разгадал причину отступления от Алтын-Эмеля. Потому и попросился батыр в прикрытие. И Аблай знал, что батыр нарушит его приказ не ввязываться в сражение с шуршутами. Что же, всем известно, что Баян-батыр действовал по собственному разумению. Все произошло так, как и предполагалось. Шуршуты узнали силу удара казахских джи-

гитов и поостерегутся лишний раз задирать его, Аблая. А Баян-батыру — правой руке отчаянного и бесстрашного султана Аблая — пришла пора умереть. Он не смог бы быть правой рукой великого хана Аблая.

Да, и впредь он будет без сожаления отсекать те руки и головы, которые захотят действовать и думать сами по себе. То, что можно было сказать простому султану, даже во сне не говорится настоящему хану. Но те батыры, которые с ним, сами не очень жалуют всевозможных родовитых биев и торе. Они всегда будут с ним, и слово его будет для них законом!..

Большой ханский совет начался совсем не так, как требовалось по закону. Когда сказаны были все положенные слова и хан Абильмамбет уже медленно поднял руку, чтобы предоставить слово наиболее почитаемому по старшинству и богатству бию Казыбеку — Гусиный Голос, молчаливый Богембай-батыр сложил вдруг свои огромные ладони вместе и вытянул их перед собой:

— О мой хан и все большие люди трех жузов... Разрешите нам сотворить молитву по Баян-батыру, нашему товарищу!..

И один из неродовитых батыров, полузакрыв глаза, нараспев начал произносить полузабытые с детства слова Корана. Мало кому из них приходилось молиться в последние двадцать пять лет. Но так или иначе, а пришлось сложить ладони и слушать молитву самому хану. С каменными лицами, изобразив на лице скорбь, сидели аксакалы, султаны, бии. Последним свел ладони вместе султан Аблай... Закончив чтение Корана, батыр провел ладонями по лицу:

— Аминь!

— Аминь! — наперебой повторяли остальные.

Помолившись, старый, поседевший в боях легендарный батыр Богембай — левая рука султана Аблая — бросил перед собой плеть и повернулся к Аблаю:

— О мой султан, почему не пришли мы на помощь нашим братьям из Большого жуза, которые истекают кровью на шуршутском аркане?

Долгое молчание наступило в двенадцатикрылой ханской юрте. Султан Аблай наконец разжал губы:

— Я не знал, что поднялись против шуршутов роды Кашгарии и Семиречья!..

Аблай обвел медленным взглядом своих батыров. Знает ли кто-нибудь из них, что он первым узнал о восстании казахских родов и уйгуров в Синьцзяне и Семиречье?

У батыров были хмурые лица.

На большом ханском совете решено было не воевать с Китаем. Султан Аблай молчал. Сам хан Абильмамбет поставил в известность представителей трех жузов, что прибыли официальные китайские послы переговоров. Однако все присутствующие знали: то, что говорит Абильмамбет, думает Аблай. Именно по его настоянию, несмо-

тря на договор с шуршутами, решено было с будущей весны увеличить постоянное войско и снова собрать ополчение.

— Это будет полезно для шуршутов,— сказал Аблай.— Ну, и кокандским владетелям не мешает знать, что наша конница готова выступить в любой день. Слишком уж много лашкаров собрали Ерден и Нарбота-бий под Ташкентом. Как говорится: «Когда мясо портится, можно подсыпать соли, но что делать, когда портится соль?!»

«Лучшие люди» трех жузов неохотно пошли на это предложение Аблая. Слишком хорошо понимали они, что такое большая армия в руках султана Аблая. Каждая лишняя сотня всадников в его войске приближала неистового Аблая к ханской кошме.

Большая часть ополчения уже разъехалась по кочевьям. Сам Аблай со своим личным отрядом и ополчением некоторых родов Среднего жуза собирался выезжать в Кокчетау. Но не успел он вздеть ногу в стремя, как послышался чей-то крик. Подскакавший гонец — шабарман свалился с коня, встал на одно колено перед провожавшим Аблая ханом Абильмамбетом:

— О мой хан!.. Десять тысяч юрт рода садыр собираются оставить свои кочевья на реке Лепсы и откочевать к родичам в Андижан!

— Какова причина?— резко спросил Аблай, и гонец повернулся к нему.

Аулы рода садыр обитали как раз на рубежах захваченной шуршутами Джунгарии.

— Про это я не знаю!

— Что же тебе известно, ертоул?!

— Мне только известно, что к ним приезжал человек от эмира Нарботы из Коканда, который говорил: «Уходите к нам. Если вас не уничтожат шуршуты, то наверняка вырежет Аблай!»

— Зачем же мне вырезать наших подданных?— громко спросил Аблай, понимая, что завтра его слова станут известны всей степи.— Неужто Тасболат-батыр, глава рода садыр, поверит этим бредням?! Или он думает, что, убежав в Андижан, он избавится от шуршутов? Они придут за ним и в Фергану!..

— Человек из Коканда говорил о старой вражде аргынов к роду садыр...

— Что же...— Аблай сжал побелевшей рукой камчу.— Что же, тогда придется...

— Не говори слова в гневе, Аблай!— спокойно сказал находившийся тут же Бухар-жырау.

— Но если мы дадим уйти роду садыр, за ним в панике бросятся все семиреченские найманы!

— Дай мне лишь десять джигитов сопровождения, мой султан, и они никуда не уйдут!

Аблай подумал, кивнул головой:

— Ладно, мой жырау. Но нам придется остаться здесь до твоего возвращения.

И Бухар-жырау поскакал... Нелегкое это было дело. Когда-то, во «времена великого бедствия», найманский род садыр искал прибежища у гор Аргынаты, и аргынские бии не выделили для него пастбищ. Произошли межродовые столкновения. Веками помнится такая обида в степи, а тут прошло совсем немного времени. В битвах с джунгарами погиб глава рода Жомарт-батыр с девятью сыновьями. Впоследствии этот большой род возглавил чудом сохранившийся десятый сын батыра Тасболат. Он-то, напуганный расправой китайских войск с синьцзянскими казахами, и решил откочевать со своими подданными в пределы Кокандского ханства, где уже проживало пятнадцать тысяч семейств садыровцев. Большой участок границы оказался бы оголенным. Да и другие найманские роды не преминули бы последовать примеру Тасболата. А шуршутам только подавай освободившуюся землю...

Когда Бухар-жырау со своими джигитами прискакал в главный аул садыровцев, там заканчивали уже грузить юрты на верблюдов.

— Где Тасболат-батыр?— спросил он у первого встречного.

— Вон та большая юрта, которая еще цела!— сказали ему.

И дрожащий от ярости жырау поскакал к этой юрте. Не слезая с коня, он ударил по струнам домбры и запел на всю степь:

Куда ты направился, род садыр,
Не к реке ли Сарысу?..
Но не уйти тебе от меня,
Быстрее ветра аргамак мщения!
Подобный снежной буре,
Дорогу тебе преграждаю...
За что ты обрушил дубину
На голову нашего Акмурзы?!

Да, не с приказом от хана вождю подвластного рода приехал жырау, а с требованием выкупа погибшего в межродовой стычке батыра Акмурзы. Это было давно. Отец Тасболата в одно сухое лето кочевал с табуном на пастбище аргынов в сторону горы Аргынаты. Аргыны требовали, чтобы батыр направился со своим табуном в горы Улытау. Во время стычки Жомарт убил аргынского батыра Акмурзу, а сам откочевал к реке Бурундай. С тех пор садыровцы враждовали с аргынами. Если бы султан Аблай покарал этот род только за желание переселиться к родичам, то взволновалась бы вся степь. Но речь пошла о справедливом суде за убийство, от которого якобы убегают садыровцы, и древнее степное право становилось в этом случае на сторону Аблая. Тасболат-батыру ничего не оставалось, как задержать переселение. Он самолично вышел из юрты и помог слезть с коня знаменитому жырау.

Полдня обговаривали они условия предстоящего суда, а люди рода садыр пока что разгрузили верблюдов. Некоторые начали снова ставить юрты. Никому ведь не хотелось покидать насиженное место.

— Да, а что это у тебя в ауле все юрты разобраны?— как бы между делом спросил Бухар-жырау.

— Да вот шуршуты пришли...— ответил Тасболат-батыр.— Уже бегут из Синьцзяня казахи!

— Есть Аблай с войском!

— Где же был он, когда шуршуты жгли наши аулы по ту сторону гор?!

— Не пришло еще время воевать с шуршутами,— возразил жырау.— Но и бежать от них не время!

— А что же делать?

— То, что сделал Баян-батыр!

Тасболат-батыр на минуту задумался, потом решительно кивнул головой:

— Ладно, останемся!

Какое-то облегчение послышалось в его голосе. Видно, нелегко было ему решиться на такое переселение. Не очень-то раздольное житье ожидало садыровцев в пределах Кокандского ханства.

— Ну, а если все же придут к нам шуршуты, поможет ли Аблай?— спросил, провожая Бухара-жырау, Тасболат-батыр.

— Баян-батыр пришел бы...— задумчиво ответил жырау.— Значит, Богембай придет, и Жабай-батыр придет, и Сары-батыр. Пока что вы остаетесь здесь ертоулами страны казахов...

Долго смотрел вслед старому жырау Тасболат-батыр. Он думал над его словами. Почему не ответил тот прямо на его вопрос об Аблае? Ведь до последнего времени Бухар-жырау считался в степи устами Аблая...

III

Хан Аблай был в превосходном настроении. Да, он стал великим ханом страны казахов. Собравшись, как положено, на берегу озера Теликоль, знатные люди трех жузов подняли его на белой кошме. Правда, отсутствовали представители многих родов из Младшего и Большого жузов, но теперь это не имело значения. Тех, кто не подчинится ему, он свернет в бараний рог!

А сейчас великий хан Аблай пожинает плоды своих трудов. Все клонится перед ним, когда во главе своей конницы проходит он по степи. Вот и теперь его джигиты привели к повиновению племя божбан из рода конрад, которое договорилось с кокандцами и выступило против него. И самая сладкая добыча досталась ему. Первую красавицу рода положили конрадские аксакалы к нему в постель, чтобы умерить его гнев и спасти от гибели своих знатных людей. Он лег с нею и с интересом наблюдает за ее стараниями понравиться ему. Ей всего пятнадцать лет, но все объяснили ей опытные тетушки, и она изо всех сил следует их поучениям, хоть ей делать это больно и страшно. Разве не так должен заставить настоящий властитель вести себя весь народ! Пусть всем им будет больно и страшно, но с тем большей покорностью примут люди его власть над ними.

И ни в чем нельзя уступать им... Откинувшись на спину, приятно уставший хан слушает приглушенные вопли и стоны за толстой кошомной стеной белой юрты. Пока он здесь забавляется с красавицей конрадкой, его палачи-туленгуты привязали к конским хвостам провинившихся перед ним вождей племени божбан и гонят лошадей в разные стороны, разрывая виновных на части. Так он будет поступать и впредь!..

Аблай слышит, как тихо всхлипывает и трясется от сдерживаемых рыданий девушка. Ничего, он подарит ей что-нибудь, и она позабудет свое горе. И братьев позабудет, которых сейчас волокут в пыли лошади, понукаемые туленгутами... Но что это за шум?

— Аттан... Аттан!..

При этом крике живо разбегаются зеваки, собравшиеся посмотреть на казнь виновных. И дети разбегаются, прячутся по юртам, забиваются под толстые ватные одеяла, как будто там можно укрыться от врага, внезапно налетевшего на аул...

Неспешно одевшись и прицепив саблю, хан выходит на свет. Цепочка всадников скачет с южной стороны. Судя по предупредительному крику, с которым проскакал по аулу посланный вперед джигит, вести не из добрых.

Рыжебородый всадник-шабарман в сопровождении полутора десятков джигитов доскакал до ханской юрты, спрыгнул с коня, встал на колено:

— О всемогущий хан, недоброе известие!

— Говори, шабарман!

— Узнав о роспуске ополчения, хан Коканда Алим в нарушение договора с вами сел на коня. Оседлали своих коней все андижанские, наманганские и маргеланские эмиры. А в Ташкентском вилайете восстали роды шаншаклы и канглы, забывшие ваши благодеяния!..

— Что говорят они?

— Они говорят, что путь их лежит в туркестанские города!

— И сколько же их вместе?

— По общим подсчетам — шестьдесят тысяч пик!

Аблай задумался. Он ждал этой вспышки вражды к нему, но не так скоро. Сразу после того, как провозгласили его ханом, Аблай отбросил войска кокандских эмиров и возвратил все захваченные ими в «годы великого бедствия» территории и города. Ташкент обязался платить налог хану Аблаю. Казахские роды Большого жуза дулат, джалаир, бестанбалы и суан, Среднего жуза — конрад снова возвратились в его подданство. Однако не всем в этих родах понравилась самовластная рука Аблая, и начались волнения. Одно из таких возмущений он только что подавил.

И вот теперь молодой кокандский хан Алим решился на новую войну. Его окрылила, по-видимому, весть о том, что при ханской ставке сейчас всего лишь тысячный отряд конницы, а те вспомогательные отряды, которые состоят из джигитов Большого жуза, вряд ли будут до конца верны хану Аблаю.

Дело в том, что в походе против кокандских эмиров участвовали

отборные отряды всех трех жузов. Когда, победив, Аблай приказал вернуться войскам Среднего и Младшего жузов к родным местам, а на месте оставил лишь ополченцев Большого жуза, то он рассуждал так: «С древних времен земли Семиречья и по среднему течению Сейхундарьи принадлежали родам Большого жуза и роду конрад. Эти роды всегда стойко защищали свои земли от внешних врагов. Особенной храбростью отличались дулаты, джалаиры, канглы, шаншаклы, албаны, бестанбалы и другие. Земля в степи всегда принадлежала тому роду, который ее защищал. И вот после того, как Семиречье и берега Сейхундарьи снова возвращены этим родам, пусть они сами станут ее хозяевами и защитниками. Это даст им возможность найти себя...» Поэтому Аблай и отвел джигитов Среднего и Младшего жузов...

И вдруг такое сообщение! Враги, словно вода, просачиваются туда, где найдут щель. Значит, кокандский эмир нашел эту щель! Где же она, эта щель?..

Если в конрадовцах и дулатовцах можно только сомневаться, то уж о чувствах казахских родов шаншаклы и канглы хан Аблай был хорошо осведомлен. Всю тяжесть его налога на Ташкент переложил хан Коканда на этих отщепенцев. Ташкентский кушбеги дерет сейчас с них по две шкуры, объясняя это претензиями Аблая. Ну, а ему все равно: шаншаклынцы и канглынцы заслужили такую участь. Она ждет всех, кто осмелится откочевать из-под его руки!..

— Где место сбора кокандцев? — спросил Аблай.

— На этом берегу Чирчика, у излучины.

— Ну, пока они доберутся до Туркестана, и мы соберемся с силами...— Аблай посмотрел на небо, перевел взгляд на гору Казыкурт, зевнул. Сначала подумал, не послать ли гонцов в ближайшие аулы Сарыарки с призывом о помощи, а потом передумал. «Бой должны вести сами роды Большого жуза и конрадцы. Так они скорее почувствуют свою роль в казахской орде...»

Хан поднял руку:

— Ладно, пошлите гонца к сиргалинцам, к самому Елчибек-батыру, отправьте также гонцов к дулатам, джалаирам, бестанбалы, суанам и албанам. Чтобы через сутки их отряды были у Казыкурта!..

Ханский порученец сделал знак рукой, и тут же взлетели на коней два десятка джигитов — шабарманов. Они всегда были готовы в путь, и каждый знал, куда ему скакать. Через минуту столбы пыли заклубились над степью, быстро удаляясь в разные стороны.

Губы хана Аблая презрительно скривились:

— Разрежь змею на три части — все равно одолеет ящерицу. Неужто я с третью своего войска не одолею кокандского молокососа?!

Он шагнул обратно в темноту юрты, но не стал больше раздеваться. Все же шесть десятков лет — не восемнадцать, надо и поберечь себя для судьбы. Сняв шапку и расстегнув пояс, хан Аблай откинулся спиной на сложенные горкой одеяла. В темноте беззвучно всхлипывала, давясь слезами, юная конрадка, и ему было приятно...

Он задумался... Пусть что угодно говорят его завистники. Же-

стоким и кровавым называют многие его, но никто не скажет, что при нем проиграла в чем-либо страна казахов. По-прежнему ловко скользит он меж львом и драконом, ощериваясь всякий раз в сторону Коканда. А что многим так плохо приходится, что готовы бежать куда придется, то на то он и хан, чтобы держать их в страхе. Разве страна казахов, цельность ханства не важнее всего на свете?..

Сразу после битвы при Алтын-Эмеле послал он своего брата Жолбарса к китайскому богдыхану. Он знал, что в Китае идет междоусобная война, и трудно было найти лучшее время для договора. Титул князя получил он от императора Хун Ли, а кроме того соболью шубу, шелковые ковры невиданной раскраски и многое другое. Даже личный императорский календарь был послан ему из Пекина, чтобы казахи знали о китайской культуре и отсчитывали время по шуршутскому счету.

А через два года, в 1758 году по российскому счету, подавив кашгарцев и казахов в Синьцзяне, китайские войска опять полезли в Казахскую степь. На этот раз они спустились с Тарбагатайских гор и опустошили всю степь до Голубого моря. Как в «годы великого бедствия», бежали от них все приграничные аулы. И так много было шуршутов, что не осталось ни травинки на земле. Наверно, не только лошади, но и сами шуршуты ели эту траву и глодали кору с деревьев...

Аблай выступил против них, и на Аягузе произошла большая битва. Снова, не желая перемалывать свое отборное войско, отступил он, а в прикрытие оставил батыра Малайсары, Погиб великий батыр Малайсары, как погиб Баян-батыр. И сейчас стоит там песчаная гора под названием Малайсары.

Но не добились от хана шуршуты, чтобы он порвал связи с Россией. Он стал отходить все дальше в степь, заманивая дракона туда, где словно львиные когти в мягких подушках стояли русские крепости. Однако дракон понюхал воздух и стал уползать обратно за горы...

Нет, в этой стороне нечего было делать дракону, и в том же году громадная стовосьмидесятитысячная китайская армия была собрана на синьцзянских рубежах. На этот раз шуршуты нацелились сразу на всю Среднюю Азию, благо российскому льву не было пока ни повода, ни возможности вмешаться в это дело. И сразу забыты были все неисчислимые вековые обиды. Хива, Коканд, Бухара и Афганистан при поддержке всего мусульманского мира стали готовиться к отпору. Словно горячий ветер, пронеслась весть о священной войне против шуршутов — газавате. По законам веры ни Аблай, ни хан Младшего жуза Нуралы не могли остаться в стороне от этого призыва.

Хан Нуралы сразу же сослался на прямую зависимость от России, которая не воевала с Китаем. До Младшего жуза далеко было шуршутам. Но и Аблай нашел себе оправдание, чтобы не присоединиться к газавату. Во-первых, он тоже зависим от России и не смеет без ее согласия вступать в большие войны. Во-вторых, только недавно целых тридцать аксакалов во главе с Одаршыбием от имени Аблая преподнесли в подарок китайскому императору тридцать белых ар-

гамаков, и тот признал Аблая «главой всех казахов», и теперь неудобно выступать против богдыхана, ибо это будет нарушением данного слова. На самом же деле хан Аблай, по примеру предков, не относился серьезно к любым договорам, тем более написанным на бумаге. Его глубоко беспокоил союз среднеазиатских ханств во главе с афганским воителем Ахмет-ханом. Семьдесят тысяч всадников собрал Ахмет-хан между Ташкентом и Самаркандом, и кто его знает, куда может двинуться это войско, если не произойдет стычки его с шуршутами. Что могли противопоставить такой армии обескровленные за десятилетия бедствий и непрерывных войн казахские кочевья! Ничего плохого не произойдет, если шуршуты потреплют сейчас претендующих на туркестанские города кокандских и прочих эмиров. Правда, и шуршутское соседство на юге нежелательно, но опять-таки выручит двойное подданство. Коль обнаглеют шуршуты, рыкнет российский лев. Русские крепости ведь не только в Казахской степи, а и дальше на восток, вдоль всей китайской границы, до самого Великого океана.

А пока что хан Аблай отправил очередное большое посольство в Петербург к царице Екатерине Второй во главе с сыном Тугумом с просьбой об утверждении его ханом трех жузов. Хоть и поднят он был аксакалами на белой кошме, и выкупали его по всем правилам в молоке белых кобылиц, но российская царица с достойной любого торе мудростью никак не хотела признавать его в этом значении. И дело было не только в том, что многие родовые вожди Младшего и Большого жузов противились единовластию Аблая, но прежде всего потому, что царскому правительству в преддверии дальнейших событий выгодно было иметь дело с ханами каждого жуза в отдельности. Строптивый и самовластный, Аблай, получи он полную власть в степи, явно стал бы выказывать неподчинение и ставить свои условия. Уже сейчас, хоть и не утвержден он был официально, не только все степные певцы-жырау, но и многие царские пограничные чиновники считали его главным ханом казахов.

Аблай спал крепко в эту ночь и встал рано. Все та же конрадка сидела на краю ложа у стены юрты, поджав ноги. Глаза ее стали еще больше. Распущенные волосы, длинные и густые, закрывали всю ее фигурку в белой рубахе. А лицо из-за этих волос и темных глаз казалось еще белее рубахи.

— Ты что-нибудь хочешь от меня?— спросил хан.

— У меня одна только просьба...

— Говори!

— Не убивайте моих братьев!..

— Что же, кто остался в живых, пусть живет...

— Они ошиблись, не послушались вас... Теперь они никогда больше не станут этого делать!

— Да, это так!— усмехнулся Аблай.

Откинув голову, он долго смотрел в светлеющее небо сквозь круглое отверстие в потолке... Вчера он жестоко наказал некоторых

строптивых конрадовцев, пытавшихся сбежать из-под его власти. А сейчас предстоит испытание: как поведут себя остальные конрадовцы, а вместе с ними уйсуни, джалаиры, дулаты, албаны, суаны и прочие племена и роды Большого жуза. Почувствовали ли они железо его руки и согласны ли считать его главным ханом. Подавляющее большинство их сейчас в его войске, которому предстоит сразиться с вечными врагами — кокандскими эмирами, которые всячески переманивали их на свою сторону. Что преобладает в них — чувство всеказахской общности или станут они, как вода, переливаться из одного кувшина в другой...

— Птицы никогда не бьют тех, кто возвращается в стаю...— тихо сказала конрадка, словно угадав его мысли.

— Это смотря какие птицы!..— глухо сказал Аблай.— Есть птицы — орлы, а есть вороны!

— Есть лебеди...

Аблай покосился на нее и, больше не сказав ни слова, встал и вышел из юрты. Остановившись на пороге, хан посмотрел в посветлевшее небо. «Давно что-то не видел я лебедей в степи!» — подумал он и решительным взмахом руки подозвал телохранителя.

— Есть ли новости от гонцов?

— Да, они начинают возвращаться!

Аблай посмотрел в сторону горы Казыкурт. Там, у подножия, видны были небольшие группы всадников, с разных сторон направляющихся к ханской ставке. На всем скаку ворвалась в аул чья-то сотня джигитов, и, когда осела пыль, Аблай радостно кивнул головой. Это были кипчакский батыр Мандай и кереец Жабай-батыр. Оказалось, что они еще не уехали на родину, а гостили у здешних родственников. Услышав «аттан», они примчались к Аблаю.

— За Бухаром-жырау послали?— спросил Аблай.

Телохранитель на миг замялся, и хан Аблай нахмурился. Все хуже и хуже становились отношения у него с некогда преданным ему душой и телом вещим жырау. Вчера в знак протеста против его расправы с конрадовцами жырау, не попрощавшись, уехал из ставки...

Опять заклубилась пыль на востоке. К ханской юрте подлетел очередной гонец, спрыгнул с коня, встал на колено:

— Мой повелитель-хан, лишь четыре или пять сотен рода джалаир готовы выступить...

— А остальные?

— Собирают свои юрты, чтобы уйти от кокандцев!

— Те же вести пришли и от других родов Большого жуза, мой хан!— сказал порученец.

— Куда же они собираются?

— В сторону Алакуля.

— Значит, под шуршутские мечи!...— в сердцах крикнул Аблай.

Однако к полудню стало ясно, что не все обстоит уж так плохо. Как ни были обижены на Аблая многие роды, кокандцы и шуршуты все равно были страшнее. Вскоре доложили, что аксакалы родов

албан и суан дали обещание к полудню привести все свое ополчение под белое знамя Аблая. Потом прискакал гонец от рода дулат с известием, что пять тысяч воинов этого рода уже на марше в сторону ставки, и ведут их батыры Бокей и Садыр. В верности Елчибек-батыра хан Аблай не сомневался.

— Сколько осталось виновных из племени божбан?— спросил повеселевший хан.

— Пятерых зачинщиков ухода из-под твоей руки мы бросили меж лошадьми, мой повелитель-хан. Еще двенадцать ждут твоего решения, сидя в колодках...

— Отпусти их!

Через несколько минут отпущенные джигиты — божбановцы, потирая натертые колодками руки, побежали к своим юртам.

— О великодушный хан!.. О сама справедливость!— хором запели поодаль аксакалы племени божбан.

«Это они славят меня, потому что предварительно я привязал к конским хвостам пятерых,— подумал Аблай.— А если бы отпустил их всех, не пролив крови, они бы проклинали меня!»

Вдруг он услышал негромкий зов: «Джаныбек!.. Каныбек!..» Это, выйдя по ту сторону юрты, звала своих уцелевших братьев красавица конрадка. Два освобожденных джигита задержались, несмело подошли к ней, о чем-то спросили. Потом заторопились...

«Ох, кажется, напрасно отпускаю я этих...»— подумалось Аблаю, но он тут же забыл об этом. Вспомнить ему пришлось через неделю, когда он убедился, что жестокость лишь загоняет ненависть внутрь и плодит таких врагов, которые сами не рождаются...

А пока что нужно было браться за дело. Воспользовавшись тем, что Аблай не присоединился к газавату, кокандские эмиры захотели покончить с ним раз и навсегда. Право теперь было на их стороне. Никто из мусульман под угрозой вечного проклятия и смерти не вправе теперь помогать ему, хану Аблаю. Но в Казахской степи всегда были свои древние законы, которые оказывались сильнее приказов наставников веры. Вот и сейчас большинство родов Большого жуза скачет со всех сторон под его знамя, несмотря на истошные призывы со всех минаретов Коканда, Бухары и Самарканда.

— Эй, Турумтай-шабарман!— крикнул Аблай.

К нему подлетел самый расторопный его гонец со светлыми глазами и ярко-рыжими бровями:

— Слушаю, мой повелитель-хан!

— Снова скачи в аулы родов джалаир и поторопи их. Скажи, что как бы после кокандских эмиров не пришла пора биев-джалаировцев!..

— А если будут молчать?

— Вот моя плеть... Брось им ее тогда и скачи назад!

Гонец ускакал.

Все оживленней становилась степь. Отсюда, с возвышенности перед горами Казыкурт, она была видна на добрых сто верст вокруг. Уже несколько раз поворачивал хан Аблай голову к северу, явно с

нетерпением ожидая кого-то. И все окружающие знали, в чем дело. Аблай ждал Бухара-жырау...

Хоть и был престарелый жырау сыном некогда прославленного батыра Калкамана, но за всю его жизнь не было у него никакого добра. Ему не раз дарили богатые шубы, но старик тут же передавал их соседям, а сам упорно ходил в старом халате. Зимой это была такая же старая шуба, в какой обычно ездили самые бедные табунщики. Не имеющий ни кола ни двора, он всю жизнь проездил от кочевья к кочевью, радостно встречаемый всеми людьми от мала до велика. Уже много лет он во всем поддерживал Аблая, не стесняясь говорить ему правду при всем народе. Однако последние годы прославленный жырау все чаще и чаще говорил о жестокости и несправедливости многих ханских решений. Все реже являлся он к ханской ставке, и это заботило Аблая больше всего. Он понимал, что голос старого жырау — это голос импрама, безликой массы, которая тем не менее все хорошо понимала и высказывалась песней жырау.

Когда-то жырау корил хана за союз с Россией. Потом, поняв, что этот союз уже много лет спасает казахские кочевья от шуршутской угрозы, старый жырау еще больше привязался к Аблаю, считая его новым ханом-объединителем. Но для достижения своих целей Аблай начал лить все больше крови, и Бухар-жырау теперь чуждался хана. Вчера Аблай пошел на крайность. Пятеро джигитов, пожелавших уйти из-под ханской руки, были разорваны лошадьми на части. Бухар-жырау не мог не знать об этом. Накануне, чтобы задобрить певца, Аблай приказал отогнать к нему один косяк своих лучших белых коней. Он знал, что хорошие кони были слабостью старого жырау. И вот сейчас этот взбалмошный и непослушный старик, от одной песни которого меняется настроение у всех трех жузов, приближался к его ставке во главе небольшой группы всадников...

Еще за версту приметил Аблай, что Бухар-жырау едет на старом своем гнедом коне. Это было великое пренебрежение ханским подарком, которое говорило о многом. Обычно жырау еще издали трогал струны домбры и запевал что-нибудь задорное. Но тут он подъехал при всеобщем молчании, тяжело слез с коня, подошел и поклонился:

— Здравствуйте, хан Аблай!

— Здоров ли, мой жырау?.. Какова была твоя дорога ко мне?

— Ее мне застилали слезы, повелитель-хан!

— Тебе не нравится, что я наказал строптивых?

— Скоро вся степь покажется тебе строптивой, хан Аблай!

— Что же бы сделал ты на моем месте, мудрый старик?!

— Хотя бы расспросил людей, почему они захотели оставить родные края... Помни, Аблай, что одной кровью не склеишь ханства. Слишком недолговечен этот клей!

— Ты, кажется, учишь меня управлять людьми!

— Нет, не ради этого я приехал, но помочь тебе кое в чем смогу...

— В чем же?

— Помогу удержать людей на родине. Слишком тяжелые тучи собрались сейчас над ней!

— Что же, приму и на этот раз твою помощь, мой жырау!..

К вечеру в двенадцатикрылой ханской юрте собрался военный совет. Все стало ясным к этому времени. Прискакали со своими донесениями многочисленные ертоулы, отправленные в сторону врага. Кокандские эмиры давно уже вели переговоры с китайскими военачальниками, а пока что свою основную часть общего среднеазиатского войска направили в сторону степи. Это было только на руку шуршутам, и они всячески подталкивали молодого кокандского хана в этом направлении.

Кокандское войско по численности было в несколько раз больше того, что мог сейчас выставить Аблай, но оно было разнородно и явно уступало казахской коннице в боевой подготовке. К тому же в кокандских отрядах было немало казахов, которые с явной неохотой выступали против своих братьев. Решено было, что основные силы казахского ополчения из Большого жуза во главе с батырами Бокеем, Сагиром и Джабаем завяжут бой с кокандцами на реках Арыси и Бадаме, заманивая их подальше в степь. А хан Аблай тем временем со своим войском, усиленным отрядом Елчибек-батыра, зайдет им в тыл и вступит в Ташкент. Здесь наиболее серьезное сопротивление могли оказать воинственные казахские роды шаншаклы и канглы, некогда перешедшие в Ташкентский вилайет. Чтобы не произошло этого, к ним был направлен для переговоров всеми почитаемый Бухар-жырау с группой стариков-аксакалов...

Возвратившись к себе в юрту, Аблай вдруг замер на пороге. Вчера он так и не успел разглядеть как следует девушку-конрадку. Только теперь, при свете дня, увидел он, как она ослепительно хороша. Невозможно было оторвать глаза от сияющего красотой лица.

— Сурша-кыз...— тихо сказал Аблай.— Смуглянка... Ты не была с кем-нибудь помолвлена?

Она взмахнула необычно длинными ресницами:

— Нет... Но разве хан не может... не может...

— Может все, что захочет!— Аблай вытянул перед собой руку.— Станешь моей двенадцатой женой!..

Сурша-кыз остро, как красивый зверек, посмотрела на него и сразу вдруг поняла свою власть над ним. В продолговатых, как миндаль, глазах вспыхнули яркие огоньки.

— Рабыней я буду вашей, мой хан!..

В голосе ее прозвучало торжество, и где-то в ночи навсегда затерялась испуганная, дрожащая от боли девочка. Это была уже будущая токал — самая младшая и любимая жена, с которой опасно ссориться кому бы то ни было. Теперь-то она отомстит остальному миру за эту страшную ночь боли и поругания. Многоопытный, никому не веривший в жизни хан Аблай смотрел на нее с обожанием, как слепой на солнце...

Она вышла вслед за ним и сделала то, что позволялось только жене: помогла сесть на знаменитого ханского коня Жалын-куйрыка. Все изумились этому, но промолчали. И лишь один не слишком умный нукер охраны, проводив глазами поскакавшего хана, сказал ей не очень ласковым голосом:

— Эй, забирай свои вещи отсюда, раз хан уехал!

Сурша-кыз даже не посмотрела в его сторону, а только сделала знак начальнику стражи:

— Этому дать сто палок и держать в колодках до приезда хана, который прикажет вырвать ему язык!..

Начальник ханской стражи Жамантай-батыр тут же приказал забить нукера в колодки. А Сурша-кыз уже вызвала главу ханских телохранителей.

— Приготовьте мне белого иноходца, и чтобы все на нем было украшено серебром. На нем я буду встречать хана Аблая!..

Через три дня восточнее города Туркестана завязалось сражение между ополчением Большого жуза и основным кокандским войском. Горячий и нетерпеливый, Алим-хан легко попался на удочку опытных казахских батыров. Следуя древней тактике кочевников, они все дальше и дальше увлекали в степь кокандское войско. Зная, что казахское ополчение уступает в численности, Алим-хан стремился догнать всякий раз ускользавшие от него отряды степной конницы. И хоть отговаривал его от дальнейшего наступления более опытный эмир Ерден, кокандский хан устремился к Туркестану...

А в это самое время четыре тысячи отборнейших воинов под руководством самого Аблая уже появились в виду Ташкента. Испуганные горожане и небольшой гарнизон не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления грозной казахской коннице.

Основное кокандское войско, большая часть которого была призвана по закону газавата и состояла из людей, никогда не державших в руках оружие, застряло под стенами Туркестана. Предпринята была атака, но, в несколько раз превосходя численностью защитников Туркестана, кокандцы так и не смогли ворваться в город. Едва они сосредоточивались в одном месте для штурма, как, будто возникнув из-под земли, налетали из степи казахские сотни, а навстречу им выходили из ворот города отряды латников с копьями. Зажатые с двух сторон, кокандские солдаты терялись и приходили в замешательство. Так длилось три дня. А на четвертый день утром страшная весть пронеслась среди осаждающих: «Аблай в Ташкенте!»

И тут же началась паника. Появились новые слухи о том, что вещий Бухар-жырау уговорил живущих под Ташкентом казахов из рода канглы поддержать Аблая, что из Сарыарки движется огромное казахское войско. Примкнувшие к Алим-хану разнородные отряды мелких владетелей стали разбегаться в разные стороны. Тогда опытные кокандские везири послали своих представителей к Аблаю, и, ссылаясь на законы веры в период газавата, предложили считать

начавшуюся между правоверными войну недоразумением. Аблай тут же согласился на это, выторговав для себя ряд уступок.

Что может быть радостнее возвращения войска в родную степь с победой, да еще легко одержанной, без излишних жертв! Резво рысили крепконогие казахские кони, шум и смех раздавались тут и там. Оживились даже хмурые и неразговорчивые старики. И только одно лицо словно закрыла туча. Рослый и смуглый батыр, едущий впереди отряда конрад, был темнее ночи, а налитые кровью глаза все косились на едущего под белым знаменем хана Аблая. Это был Каныбек, один из оставшихся в живых после расправы, учиненной Аблаем над родичами маленькой Сурши-кыз, Смуглянки.

Вместе с братом своим Джаныбеком он отличился при защите Туркестана, взяв в плен одного из кокандских военачальников. Раненный в самом начале осады, Джаныбек был в первый же день отправлен в свой аул, а Каныбек сражался до конца. Но глаза его неотступно искали на поле боя Аблая, потому что он не знал, что хан ушел к Ташкенту. В ушах у него стояли, заглушая шум и вопли сражающихся, слова маленькой Кундуз, как звали на самом деле оставленную ханом в юрте Суршу-кыз.

— Я выручила тебя, Каныбек!— сказала она, подозвав его с братом, когда им сбили с ног тюремные колодки.

— Тогда бежим вместе!— сказал он, не понимая, каким образом могла его выручить девочка, с которой они еще детьми условились быть всегда вместе.

— Нет, Каныбек, я буду ханской женой!— сказала она каким-то чужим голосом и отвернулась...

А вдобавок под Туркестаном, проходя мимо одного из костров, вокруг которого сидели конрадовцы другой ветви, он услышал свое имя. «Ну да, коль судьба батыра Каныбека зависит от сладости заветного места красавицы Кундуз...» И общий смех резанул по сердцу батыра.

«Смерть Кундуз, купившей мне такой ценой жизнь!.. Смерть мне самому, оставшемуся в живых благодаря бесчестию!.. Смерть и тебе, хан Аблай!..» Так трижды прошептал про себя Каныбек-батыр. Он уже несколько раз выезжал из общего строя войска, выбирая, откуда пустить стрелу в хана, но всякий раз кто-нибудь заслонял его цель.

Впереди показалось огромное скопище юрт и походных шатров — ханская ставка. Большой отряд всадников отделился от аула, поскакал навстречу победителям. Впереди на снежно-белом коне, вся в шелке и серебре, ехала неслыханная красавица. Вот она вырвалась вперед, подскакала к самому хану, легко спрыгнула на землю и низко склонилась перед ним, как положено жене. Протянув обе руки, она уже коснулась его золотого стремени и вдруг замерла. Постояв так, словно в забытьи, Сурша-кыз пошатнулась и упала, как скошенный белый бутон, на песок пустыни...

Аблай недоуменно наклонился. В сердце у маленькой конрадки торчала длинная бронебойная стрела.

— Кто это сделал?— тихо спросил хан Аблай, обводя взглядом ряды своего войска.

— Это твоя судьба, проклятый Аблай!

Тяжелый хивинский лук был натянут в сильных руках Каныбека. Но в тот же миг сам конрадский батыр чуть слышно охнул и начал валиться на спину. Он разжал правую руку — и вторая стрела, предназначенная хану, улетела в синее небо. А на другом крыле ханского войска знаменитый на всю степь старый стрелок Капан спокойно забросил за спину свой простой березовый лук...

Все это случилось так быстро, что никто ничего поначалу не понял.

— Кто это?— спросил Аблай, подъехав к мертвому Каныбеку.

— Это ее родич, помилованный тобой!— ответил начальник ханской охраны.

Затем хан подъехал к стрелку Капану:

— Почему ты стрелял в него?

— Он отвернул лук в твою сторону, Аблай!

И только потом Аблай сошел с коня и подошел к лежавшей на песке Сурше-кыз. На белый бутон была по-прежнему похожа она, и лишь маленькое красное пятнышко расплывалось по шелку как раз напротив сердца.

Хан Аблай долго смотрел на нее. Потом поднял голову.

— Лишь в возрасте пророка дал мне бог познать счастье и тут же отнял его...— тихо промолвил Аблай.— Наверно, для того, чтобы показать пустоту и ничтожество этого мира!..

Все вдруг увидели, что знаменитый хан стар и сед... Но вот глаза его сверкнули совсем по-молодому.

— Эй, вы, там!— вскричал он громко, на всю степь.— Похороните их вместе, ибо он заслужил это право!

Так их и похоронили вместе, красавицу конрадку Кундуз и убившего ее молодого батыра Каныбека. До сих пор сохранился в степи под Туркестаном холмик, где лежат они...

Большим пиром ознаменовалась победа, и все главные роды Большого жуза приняли в нем участие. Как будто ничего не произошло, передавал хан Аблай личную чашу с кумысом Джаныбек-батыру из племени божбан — родному брату батыра Каныбека и родичу тех пятерых, которых на этом самом месте каких-нибудь две недели назад привязали к конским хвостам и разорвали на части.

При этом он повернулся к не утратившему чуткости в свои девяносто с лишним лет Бухару-жырау и тихо сказал:

— Видишь, мой жырау, каковы люди... Надеяться на их любовь можно, лишь проливая их кровь и исторгая у них слезы.

— Скоро тебе станут сниться нехорошие сны, хан Аблай!— ответил жырау.

Это был старый спор между ними...

Они ехали на север, в родные степи у гор Кокчетау,— старый хан и его певец. Давно уже не ездили они вот так вместе. С каждым годом все более жестоким становился Аблай, и не хотел уже разделять с ним застолье Бухар-жырау. Было время, когда хан прислушивался к словам певца, но уже много лет он словно делал все наперекор ему. Вера жырау в доброе слово злила Аблая, и тем более жестоко поступал он с людьми.

— Да, люди таковы...— сказал Аблай, словно бы продолжая начатый разговор.— Отобрать на рубль, а потом бросить им копейку, и не будет для них добрее тебя властителя!..

Бухар-жырау покосился на хана:

— Ты просто очень постарел, Аблай!..

— Ты намного старше меня, жырау!

— Я не о твоих годах говорю, хан... Люди добры и доверчивы, и нельзя смеяться над этим!

— Это ты постарел и пустил слюни.

— Я стал мудрее, мой Аблай...

— И я тоже, мой жырау!..

Бухар-жырау оглянулся. Всего только несколько сотен воинов ехали с ними. Остальные отделились и направились в свои кочевья во главе со своими аксакалами и батырами. Личная охрана хана отстала и держалась на почтительном расстоянии.

— Нас никто не слышит, Аблай... Почему ты так поступил с божбановцами? Ведь я-то знаю, что их уговаривали, но они еще не собирались уходить к кокандцам. Подумали только и решили послать несколько человек к Алим-хану для переговоров. Вместо того чтобы отговорить, твои люди ждали их в камышах. А потом стали обвинять всех божбановцев в измене.

— Откуда ты знаешь про это, мый жырау?

— Я просто уже полвека знаю тебя, мой хан!..

— Если знаешь. Так ты сам же сказал, что «они только подумали». Сегодня подумают, а завтра решатся. Я это сделал, чтобы им был урок.

— Это не урок, а горе... От горя народ стареет... Горе его согнет.

Они долго ехали молча. И вдруг Аблай резко повернулся к певцу. Глаза его горели совсем по-молодому, и голос был звонок и высок:

— Скажи, жырау, люди считают меня ханом трех жузов, хоть и не утвердила меня хитрая баба-царица?!

— Да, тебя считают ага-ханом казахов, Аблай!— ответил жырау, не понимая, куда это клонит хан Аблай.

— А для чего я старался быть этим ханом?

— Это уж скажи сам!

— Если ты считаешь, что я стал ханом только для личного возвеличивания, только ради властвования над людьми, то, значит, ты меня еще не узнал. Нет, не для того лишь я стал ханом и не для того столько крови проливал...— Вдруг Аблай устало махнул рукою.— Ну ладно, я тебе расскажу об этом как-нибудь в другой раз!..

Бухар-жырау молча тронул коня. Аблай снова заговорил:

— Я вижу, что ты на старости лет вдруг испугался, мой верный жырау. Не каешься ли в том, что тебе всю жизнь довелось помогать мне? Не грусти и ответь мне лучше на следующий вопрос... Пошло ли на пользу казахам, что после великих бедствий, когда и половины их не осталось на земле, после всех войн и вражеских набегов, у них все же есть хан, которого боятся и слушаются все казахские племена и роды? Могли ли выжить в эти тяжелые времена казахи, не будь такого человека, каким был я?! Отвечай, мой жырау!

Бухар-жырау был уже совершенно спокоен. Он даже не повернул головы к хану, а сказал куда-то в пространство:

— Да, если бы это было не так, меня бы не видели рядом с тобой, Аблай! Я действительно пел тебе славу, мой хан. Но не об этом речь, и ты это хорошо знаешь...

— Говори, жырау!

— Пока ты бился с джунгарами, с шуршутами, отбивал кокандских эмиров, тебе не приходилось ежечасно ссорить и убивать людей. Вспомни, Аблай, как люди простили тебе даже смерть погибшего по твоей вине в яме-могиле Ботахана. Ты был только султаном, а пять тысяч джигитов пришли, чтобы убить тебя за беззаконие. Но не потому, что ты расставил котлы с пищей и чаши с кумысом, не тронули тогда тебя люди. Они видели, что первым ты идешь на контайчи. Твою тогдашнюю правду видели все. Им, людям, необходим был вождь, способный собрать их вместе для отпора врагу...

— Что же стало потом?— бесстрастно спросил Аблай.

— А потом... потом погиб Баян-батыр...

— Что ты хочешь сказать, жырау?

— Он не мог дальше жить не потому, что убил любимого брата.— Бухар-жырау говорил, глядя куда-то в степь.— Баян до конца верил тебе, а когда всем стало ясно, что ты уходишь из Алтын-Эмеля, бросив на произвол судьбы восставших в Синьцзяне братьев из Большого жуза, он не смог дальше жить. Властители обычно думают, что в таких случаях никто ничего не знает...

— Но я не мог пойти на войну с Китаем!

— Да, но ты мог хотя бы увести восставшие роды от истребления!

— Но разве не ты, жырау, подбадривал тогда песнями отступавших?— хитро прищурился Аблай.

— Да, я многое в своей жизни делал не так...

— Что же, говори, жырау!

— Из Алтын-Эмеля ты ушел только в угоду своему желанию сделаться ханом. Там разошлись твои пути с людьми и с будущим, хан!..

— «Будущее»...— Аблай задумчиво покачал головой.— Что это такое?.. И что такое «люди»?.. Этих слов не знал мой предок Чингисхан и завоевал мир!

— Где этот завоеванный им мир, Аблай? Лишь наше отчаяние осталось от него... Вот тебе ответ на вопрос, что значит слово «будущее». Ну, а «люди»... «люди» никогда ничего не забывают... Тебе только кажется, хан Аблай, что ты обманул их!

— Почему же я обманул их?

— Вот тогда, под Алтын-Эмелем... Все чаще случалось это с тобой, потому что ты уже не просто созидал свое ханство. Разве не стали собранные тобой отряды уже не защищаться, а нападать то на каракалпаков, то на башкир, то на киргизов и все чаще на собственные непокорные роды...

— Но разве не вело это к величию страны казахов?..

— Нет, хан, это мнимое величие... Вспомни Жаильское побоище!..

Оба замолчали, вспоминая горы трупов. Один на одном лежали там в ущелье вперемешку казахские и киргизские джигиты, и три дня была красной вода в горной речке. Сославшись на частые набеги и барымту, творимые киргизскими манапами, Аблай со своей конницей неожиданно перешел через перевал Шату и обрушился на аилы киргизского рода солты, стоявшие на берегу реки Туро. Застигнутые врасплох киргизы бежали в Чуйскую долину, и там на берегах Кзылсу и Шамси и произошло знаменитое побоище. Говорят, что от рода солты, насчитывавшего сорок тысяч семейств, осталось сорок человек. Это была настоящая резня, а оставшихся в живых из других соседних киргизских родов Аблай переселил в Сарыарку в качестве рабов. До сих пор там встречаются аулы под названием Бай-киргиз и Жана-киргиз...

— Долго после этого не тревожили нас киргизские барымтачи...— заметил Аблай.— Разве не о спокойствии границ я думал, когда шел по льду через перевал Шату?!

— Будь проклят этот день!— вскричал старый жырау, потрясая сухим кулаком.

— Почему?

— Потому что ненависть посеяна в этом ущелье!

— Но разве не нападали манапы на наши кочевья?

— Да, они посылали своих джигитов в набеги на нас, а ты повел свое войско на них. Казахский хан и киргизские манапы добывали себе славу, скот и рабов. Но огонь и шашки обрушивались на ни в чем не повинных людей. И убивали их тоже простые, ни в чем не повинные джигиты. Вы хотели, чтобы яд ненависти двух народов проник в плоть и кровь. Не дай бог оставлять в памяти другого народа такие побоища. Ханам и султанам выгодно было, чтобы из поколения в поколение передавался этот яд. Самые близкие нам братья — киргизы, но между нами уже оставленное тобой побоище...

— Что же, так никогда и не забудут о нем?

— Я думаю, что быстро забудут, когда...

— Говори, жырау!

— Когда не останется на земле ни ханов, ни манапов!— твердо сказал жырау.

Хан Аблай усмехнулся:

— Что же, вещему жырау позволено говорить не только были, но и небылицы!

— О, ты знаешь, Аблай, что это голая правда, которая касается не одних киргизов!..

— В чем еще я, по-твоему, виноват?

— Неужели ты думаешь, что конрадский род божбан забудет, как его батыров привязывали к конским хвостам и разрывали на части верные тебе джигиты из моего славного рода атыгай-караул?

— Но я пока жив!

— Ты вовсе не вечен, Аблай. Не успеет остыть твое тело, как расползется по швам склеенное кровью ханство. Вот что я имел в виду, когда говорил о будущем. Рано или поздно, но все равно проступает пролитая кровь. Зло легче посеять, чем искоренить. А вы все сеете его: ты, хан Аблай, хан Нуралы из Младшего жуза, кокандские эмиры, киргизские манапы, цари и богдыханы!

— Так всегда было!

— Но будет ли так всегда?!

— Значит, все твои песни в мою честь были ложью, жырау?

— Я пел их, когда верил в твою правоту. И долго верил, дольше других. Этого мне тоже не простят потомки, ибо жырау должен видеть лучше других!

Опять они долго ехали молча. Когда красные полосы зари испещрили все небо на северо-востоке, Аблай придержал коня и указал рукой на поляну у степного озера, где предстояла ночевка. Потом он неслышно подошел к наблюдающему за установкой походного шатра Бухару-жырау.

— А я все не об этом думаю,— заговорил он, как всегда, короткими отрывистыми фразами.— Добро, зло... Это не ханская забота. А вот то, что ханство мое рассыплется, то это твоя правда. И знаю я ее лучше тебя. Но не потому это, что на крови замешан тот клей, которым соединял я вместе роды и племена...

— А почему, хан Аблай?

— Ты знаешь, жырау, что я бывал в Омске, в других русских городах...— Голос у хана стал совсем другим, приглушенным, задумчивым.— И всякий раз, приезжая туда, я уезжал от охраны и целыми днями ходил, смотрел. Это совсем не такие города, как Самарканд или Бухара. Нет, они пока еще намного меньше, но там совсем ровные улицы, и дом от дома находится на одинаковом расстоянии...

— Ну и что?— удивился жырау.— Если в Бухаре или Кашгаре запутанные улицы...

— Знаешь, чем сильно было войско моего пращура Чингисхана? Тем, что оно было разбито на тумены — по десять тысяч всадников. И в каждом тумене каждый всадник знал свое место. Оно и передвигалось так, в полном порядке, и каждый головой отвечал за соседа. Но все равно оно двигалось и двигалось по жизни, а когда умер Чингисхан, стали перепутываться тумены, мешать друг другу...

— Ну и что?

— Теперь все те народы, которые сеяли хлеб и боялись наших

туменов, сами выстраивают так свою жизнь. Но они оседлы, и в этом их страшная сила, их... как ты это называешь... «будущее». Видишь, они даже селятся в полном порядке, словно выстраиваются туменами. У русских это называется «кварталами». Я считал: в каждом квартале двенадцать домов... И не могут они уйти от них, ускакать. На земле они садят деревья и сеют хлеб. И под землю они лезут. Я смотрел в Усть-Камне и на Жаике. Они выкапывают руду и делают пушки и плуги. А мы носимся по степи и радуемся, что она большая. Но со всех сторон уже стискивает нас другая жизнь. И мы исчезнем, если... если сами не научимся строить такие кварталы, сажать деревья и добывать руду...

— Когда-то все это уже было в стране казахов,— заметил Бухар-жырау.— Потом пришли тумены твоего пращура, и, как пыль на дорогах мира, смешались и потянулись мы за ними...

— Может быть, мне, его потомку, предстоит воссоздать то, что было разрушено...

— Вот почему ты давно уже смотришь на русские города!

Во взгляде, брошенном старым жырау на хана, были удивление и тревога.

В день прибытия в урочище Кокчетау самолюбивый хан Аблай узнал, что по приказу омского генерал-губернатора без согласования с ним началось строительство двух новых укреплений на личных ханских джайляу — при озере Зеренды и в Сандыктау. Как раз в это время распространились слухи о неурядицах в Российской империи: якобы объявился русский царь Петр Третий, который от берегов Жаика пошел войной на Петербург. И хан решил воспользоваться положением. По его призыву стало вновь собираться распущенное было недавно ополчение. С ним он решил напасть и уничтожить шеститысячный русский гарнизон Кокчетау и соседних укреплений, отвоевав себе новые города. В свою очередь, генерал-губернатор начал подтягивать войска к границам степи. Во всех крепостях пушки были выкачены на валы, но смотрели они в двух направлениях: в сторону степи и в противоположную сторону, откуда со дня на день могли появиться разъезды Пугачева. Стало известно, что, за исключением Оренбурга, восставшими взяты почти все крепости по Жаику, а башкирские туленгуты целыми аулами присоединяются к самозванцу.

Да, это был самый удобный момент, чтобы одним ударом вернуть все свои земли да еще захватить порядочную добычу. Вряд ли устояли бы малочисленные русские гарнизоны перед закаленной в непрерывных войнах конницей Аблая. К тому же в этих гарнизонах солдаты открыто поносили царицу. С каждым днем все больше их дезертировало и уходило к Пугачеву. Аблай уже готовился созвать большой ханский совет и начать военные действия. В качестве первой цели, которую он поставил перед собой, было требование признать его главным ханом трех жузов.

Но вдруг все переменилось... Началось с того, что хану донесли о некоем туленгуте, привезшем письмо с Жаика от каких-то казахских батыров. В письме казахские джигиты призывались нападать на российские укрепления, захватывать их, после чего объединяться в отряды и идти на Жаик, к новому царю, который обещает волю всем: русским, башкирам, казахам, кто бы они ни были — крепостные или ханские туленгуты. Ханские телохранители так и не нашли письма, но мятежного туленгута привели к самому хану.

— Кто ты?— спросил Аблай, всматриваясь в обезображенное лицо туленгута.

Даже не склонив головы, туленгут мрачно смотрел в лицо хану Аблаю. Ноздри у него были вырваны, а на лбу багровела выжженная русская буква «В», означающая слово «вор». Такие клейма ставили на царских рудниках тем, кто нарушил порядок или пытался бежать.

— Не узнаешь меня, хан?!

И голос показался знакомым Аблаю.

— Где письмо, которое ты привез от самозваных батыров?!

— Батырское звание получают на поле боя, а не в придачу к отцовским табунам!— ответил туленгут и обнажил в усмешке крепкие белые зубы.

И тут хан узнал его. Это был Керей — внук кузнеца Науана и потомок батыров из рабов Кияка и Туяка, о которых любил рассказывать Бухар-жырау. На стенах Саурана погиб его дед. За неуплату долга попал он в туленгуты к одному султану. Хозяин его захотел взять к себе в постель его малолетнюю дочку, и туленгут Керей ударил его кинжалом. Аблай рассудил тогда их, передав убийцу царским властям. А царский суд присудил его к каторге на рудниках...

— Я узнал тебя, табунщик Керей!— сказал хан Аблай.— Что же это за новый орысский царь, которому служат убийцы?!

Табунщик Керей усмехнулся:

— Убить султана — это сбросить с себя половину грехов перед богом!

— А как сбросить все грехи?

— Для этого нужно убить хана!— спокойно ответил Керей.

Как ни пытали его, он не сказал, кому передал письмо от пугачевских батыров. На следующее утро его привязали к хвостам лошадей и разорвали на части. Но в то же утро полторы сотни джигитов из ханского туленгутского аула ушли к самозванцу. Когда сам хан с полутысячей верных телохранителей догнал через два дня их у небольшой степной речки, со стороны бежавших раздались ружейные выстрелы. Оказалось, что вместе с бежавшими казахскими туленгутами уходит к Пугачеву, перебив своих офицеров, рота русских солдат из небольшого укрепления недалеко от Кокчетау.

Пришлось отступить. А когда хан Аблай возвратился в свою ставку, то узнал, что из приграничных аулов рода караул не явилось по его призыву и половины ополчения. Бии сказали ему, что наиболее бедные джигиты —«черная кость»,— почти все туленгуты из

этих аулов ушли к русским бунтовщикам. Эти бии и приехавшие с ними богатые аксакалы не хотели возвращаться обратно в свои аулы. Что ни день бежали по одному, по двое, а то и целыми сотнями джигиты из самого Кокчетау, где собиралось ополчение. Паника охватила всех знатных людей в степи. Многие баи уходили со своими семьями в русские крепости...

Целую неделю не выходил из своей двенадцатикрылой юрты хан Аблай. А потом в сопровождении сотни джигитов поскакали его гонцы: один к сибирскому генерал-губернатору, другой — в осажденный Пугачевым Оренбург, а третий — к его заклятому врагу, хану Нуралы. Через три недели в небольшой крепости на Тоболе произошла встреча ханов Аблая и Нуралы, на которой присутствовали царские офицеры из Омска и Оренбурга.

Сразу после этой встречи летучие отряды ханов Нуралы и Аблая перекрыли всю степь. Они вылавливали бегущих к Пугачеву джигитов и русских солдат. Своих беглецов казнили на месте, а солдат передавали царским карателям. Совместными усилиями оба хана предприняли жестокий рейд против бунтующих башкир, и в придачу к их коннице были выделены верные правительству казаки и уланы.

Вот тогда почти столетний Бухар-жырау и спел хану Аблаю свою знаменитую песню:

О Аблай, не задохнись от ярости,
Услышав слово правды;
Достиг ты вершины славы,
Но не уживутся в одном караване
Лопающиеся от жира баи
И умирающие от голода простолюдины!..

Эту песню вещего жырау слушали на джайляу и у походных костров. Оторванные от работы ополченцы, увидев, что никакой враг не угрожает с этой стороны, а их сделали карателями, роптали все громче. Все чаще и чаще оставляли они ханскую ставку и уезжали домой. И больше их бежало за Жаик, к ушедшим под знамена Пугачева безвестным батырам. Высокие, видные за много верст виселицы стояли по всей границе. Каждый день степь орошалась кровью пойманных джигитов. Но это не помогало. По всей степи горели ночами костры и неслись в их неясном свете всадники в ту сторону, где бушевало пламя Пугачевского восстания...

Больше полувека знал старый Бухар-жырау этого человека. Он помнил совсем юного султана, отличавшегося отчаянной храбростью в стычках с джунгарами, потом зрелого мужа, вторично пережившего плен; затем гордого и надменного старца, могущего спокойно переехать через реку, в которой текла вода пополам с человеческой кровью. И вот, дожив до ста лет, жырау увидел растерянного Аблая.

Да, глаза старого хана перебегали с предмета на предмет, а рука нетерпеливо сжимала камчу:

— Скорей... скорей!..

Верные телохранители и туленгуты собирали многочисленные белые юрты. Со всех ханских джайляу гнали к югу, собирая воедино, бесконечные ханские табуны. День и ночь скакали в разных направлениях гонцы, торопя и подхлестывая отстающих. Хан Аблай со всеми своими аулами, родственниками и домочадцами собирался переезжать в Туркестан — древнюю столицу страны. Но дело теперь было не в древности той или иной столицы....

— О, ты приехал наконец, мой жырау!— воскликнул Аблай, увидев певца.— Гладкой ли была твоя дорога к нам?!

— Много людей сейчас на степных дорогах...— неопределенно ответил Бухар-жырау.

— Да, много, очень много!— быстро заговорил хан.— Совсем испортились люди!

— К старости все кажется хуже!

— Нет, не в том дело!— Аблай даже замахал рукой, чего никогда не случалось с ним раньше.— Это все орысы, все от них пошло!..

И он с ненавистью посмотрел на северо-запад, туда, где находилась ближайшая русская крепость.

— Ну вот же, при твоей юрте орысы!— сказал жырау, указывая на русских офицеров, наблюдавших за сборами ханского аула.— Разве гонят они тебя?

— Они приехали уговорить меня остаться здесь. Они обещают мне все: золото, награды, даже...— Аблай приблизился к самому уху жырау.— Даже ханом трех жузов обещают сделать!

— Почему же ты не хочешь, Аблай?

Теперь Аблай не просто оглянулся. Он даже привстал на носки, чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь за ближайшим холмиком. Только после этого он прошептал:

— Если наши аулы останутся здесь, то нас не останется в живых, мой жырау!

И тогда Бухар-жырау все понял.

— Но ты же хотел строить города, как орысы, мой хан!

— Будь прокляты эти города!— гневно сказал Аблай.— Я думал, что там губернатор, генералы, офицеры. В главном их городе хитрая баба-царица. С ними бы я договорился, рано или поздно. Но там, в этих «кварталах», у них одни бунтовщики. Каждый город, каждая шахта под землей, каждое село — это новые бунтовщики на нашей земле. Вот почему я хочу увести подальше от них наши аулы. Словно джут, идет по всей степи от них зараза, и заболевают табунщики, туленгуты, рабы. Кровью наливаются у них глаза, когда они смотрят на наши табуны и стада. Не было этого раньше, когда не построены были у нас орысские города. Уж лучше бухарские закоулки!..

— Да, теперь ты говоришь правду, хан Аблай!— сказал жырау.

— А почему ты один, мой жырау?— спросил хан.— Где твои сопровождающие? Ведь мы сейчас уже выступаем!

— Я остаюсь, Аблай!..

Все выше поднималось солнце над степью. Догорали и дымились брошеные костры. Столетний вещий певец Бухар-жырау стоял на холме и смотрел на юг. Там, в горячем мареве, оседала пыль и таяло в светлом от зноя небе белое знамя Аблая.

* * *

Они все же встретились перед смертью, грозный хан Аблай и вещий певец Бухар-жырау. Произошло это в году дракона, или в 1781 году по нашему исчислению. Самый тяжелый был этот год в степи. С весны не выпадало ни единой капли дождя, день и ночь дул убивающий все живое суховей. Земля трескалась от беспощадного зноя, и мелкий белый песок висел в небе, застилая солнце...

Аблай умирал. Семьдесят один год прожил он на свете, и теперь ему казалось, что сама природа карает его за грехи, ибо не было дня в его жизни, чтобы не лилась потоком человеческая кровь. Старый хан хватал пересохшим ртом горячий туркестанский воздух, и ни единого стона не слышали окружающие. Тело его скрючилось, сердце рвалось из груди, легкие пронизывала острая боль, но голову он держал прямо. С каждым днем все серее становилось его лицо. Так сереет пепел, прикрывающий догорающие угли...

Это началось у него с того дня, когда приехавший Умбетай-жырау привез ему печальную весть о Богембай-батыре. В тот день он сидел, как обычно, в своей походной юрте, поставленной рядом с дворцом, и мрачно поглаживал длинный свисающий ус. Думать ему было о чем. Уже восемь лет прошло с тех пор, как представители трех казахских жузов провозгласили его ханом Большой Орды. И вот недавно он отправил посольство в Петербург во главе со своим сыном Тугумом с просьбой утвердить его от имени Российского государства в этой должности. Разумеется, он не доверял женщине-царице, и его сомнения оправдались. Екатерина Вторая вела свою политику и утвердила его лишь ханом Среднего жуза. И вот, когда он думал над тем, как ему вести себя дальше, из Баян-аула нагрянула группа аксакалов в сапогах с широкими голенищами, в лисьих малахаях, опоясанных широкими серебряными поясами. Уже на пороге престарелый Умбетай-жырау хриплым голосом запел длинную скорбную песню, извещающую о смерти,— жоктау:

Эй, Аблай, Аблай!..
Хан Аблай, что творится в этом преходящем мире?..
Но не закрывай ушей,
Боясь услышать неизбежное.
Разве мало радостных или печальных н...
Услышал ты за свою долгую жизнь?

Аблай, как принято хану, сидел с каменным лицом, только синяя старческая жилка у виска забилась чуть сильнее. «Кто же очередной из моих сподвижников покинул этот мир?» — думал он. Но нельзя было старому опытному жырау сразу ответить на немой вопрос хана. Он начал издалека: подробно перечислил, когда и какие батыры воевали рука об руку с Аблаем, кто из них и чем прославился. Песня

призывала вспомнить о том, что недаром прожили свой век эти люди, и поэтому пусть не будет столь тягостной скорби по ним. Но вдруг голос певца упал, словно подстреленный лебедь с головокружительной высоты, и слова забились, заклекотали в горле:

Эй, Аблай, Аблай,
Дослушай мои слова:
Тот из твоих соратников, кто был постарше тебя,
Тот, чья голова была помудрее нашей,
Тот, кого уважал ты в юные годы,
Тот, кто сравнялся с тобой в годах,
Потому что после шестидесяти шести — все сверстники,
Но кому тем не менее перевалило за восемьдесят,
Умер наш батыр,
Умер Богембай!..

И тогда у хана Аблая вдруг закололо в сердце. Как живой, встал перед ним могучий народный батыр Богембай. Никогда не боялся сказать он то, что думал. О чем говорил ему когда-то Богембай?.. О необходимости быть мудрым... И что одними войнами не добьешься благоденствия в своем ханстве. О том, чтобы опереться на русские крепости и противостоять кровавым ветрам, из века в век дующим из Джунгарских ворот... И еще за то, что не щадит людской крови, упрекал его батыр, который лучше всех понимал его, знал все его достоинства и слабости. И вот теперь, когда его не стало, Аблай понял, что не было никого у него ближе батыра Богембая. Боль в груди была такой сильной, что словно сквозь сон слышал он голос продолжавшего петь Умбетая-жырау:

Да будут счастливы все те,
Кто был близок нашему Богембай-батыру!..
Да наделит нас создатель стойкостью в скорби!..
Да попадет душа праведного в эдем,
Чтобы сиять там во веки веков!

Хоть и в Баян-ауле умер Богембай-батыр, пышные поминки устроил по нему в Туркестане хан Аблай. С этого дня начало сереть лицо хана. Припадки страшной боли повторялись лишь весной и осенью, но после них он долго не мог оправиться.

На этот раз Аблай уже три месяца не вставал с постели. От невыносимых страданий он надолго терял сознание, однако, как человек, привыкший держаться всю жизнь в седле, по-прежнему не опускал головы. Когда же он пришел в себя, то увидел у своего изголовья Бухара-жырау. Аблай лишь кивнул головой, словно знал, что перед смертью обязательно увидит своего старого сподвижника.

— О Бухар-еке, я просил бога забрать меня к себе только лишь на поле боя...— Аблай говорил чуть слышно и словно торопился высказать все перед смертью.— Не по-моему вышло. Столько лет ни одна пуля не попала мне прямо в сердце, ни одна стрела не вонзилась в мою грудь, и умираю я от какой-то жалкой внутренней болезни. Почему же бог не исполнил этой моей маленькой просьбы, если исполнял всю жизнь многие другие мои желания?!

Бухар-жырау с глубоким сожалением смотрел на умирающего хана. В неестественно больших, пронизывающих человека насквозь глазах Аблая он увидел последние искорки жизни. Вещий певец знал, что умирающий не из тех людей, которые нуждаются в утешениях даже перед смертью.

— Да, Аблай...— сказал он, начиная издалека.— Пятьдесят лет пробыл ты на коне. Реки крови пролиты, чтобы сесть на ханский престол! А впереди... впереди только каменная могила...

И вдруг он увидел, что умирающий улыбается. Или это только показалось ему? Аблай сделал едва заметное движение рукой.

— Я знал, что ты скажешь...— Теперь он говорил спокойней, и даже какая-то умиротворенность появилась на лице этого страшного человека.— Да, крови и слез пролил я немало. Больше или меньше других властителей, разве это имеет значение? И ханом хотел стать с самых молодых лет. Очень хотел стать. Кто из людей не хотел бы этого... А теперь скажи мне, жырау, человек — божье создание?

Бухар-жырау с удивлением посмотрел на него:

— Все в божьих руках.

— Так почему ты поверил, что даже такой человек, как я, хотел лишь одного — власти над людьми? Ведь это так мало!..

— Чего же еще хотел ты, мой хан?..

— О славе мечтал я. Звезда славы светилась мне в ночи жизни. Думал я всегда, что казахи — малый народ и должны быть как волки. Посмотри, травят волков, уничтожают кому не лень, ставят капканы на всех тропах, а они никак не исчезнут с лица земли!... Но наступают новые времена, и вижу перед смертью, что не все понимал в жизни. Шел я всегда к своей цели одним — кровавым — путем. А теперь вижу, что есть и другие пути. Но пусть их находят те, кто придет уже после меня...

— Да, ты не смог быть другим, мой хан,— тихо сказал Бухар-жырау.— Вскормленный кровью беркут разве станет пить что-нибудь другое? Так и хан не обойдется без насилия. Черным беркутом с железными когтями был ты, Аблай. Да и не лебедю противостоять дракону...

— Ведь силы, могущества хотел я для потомков.— Аблаю казалось, что он кричит, но лишь хриплый шепот вырывался из его ослабевшей старческой груди.— Простят ли меня за мои тяжкие грехи... за кровь?!

— Не мне судить об этом...

— Зачем же ты приехал?

— Каждый, кто правил степью, оставлял завещание.

— Да... да...— Аблай собрал последние силы и поднял правую руку.— Слушай, вещий жырау. У порога смерти два совета хочу дать потомкам, своим внукам и правнукам. Чтобы легче им было управлять народом, пусть сплавят его в единый брусок. Без пощады пусть карают ослушников, каким бы путем ни пошли!.. Единство завещаю я им. За это единство Белой Орды воевал я всю жизнь.

— Ну, а второй твой совет?

— Полвека воевал я, не давая приблизиться к своему горлу ки-

тайскому дракону. И все я делал для того, чтобы сблизиться с русскими царями. Они — наша опора, и пусть султаны всегда помнят об этом!.. Ты знаешь, был у меня в Кокчетау русский советник Тимофей Егоров. Он помог мне привести из России мужиков в Шортанды и Зеренды, чтобы те научили моих тулепгутов сеять хлеб. И крепости разрешил я строить в степи. Эти крепости, города и дороги, этот хлеб помогли нам выстоять в годы отчаяния. Но вместе с этим хлебом завезены в нашу степь и зерна смуты. Тем ближе должны быть к царям султаны. Правда, царица не раз обижала меня. Так и не утвердила она меня ханом всех трех жузов, но, как говорится, «обижаясь на вшей, не бросают шубу в огонь». Когда взбунтовались мужики и тулепгуты, уходя к Пугачеву, я понял, что никого нам нет ближе царицы...

— Другого ты и не можешь сказать, Аблай! — сурово ответил Бухар-жырау.— Даже перед смертью беркут не запоет лебедем... Но каково твое последнее пожелание, хан Аблай?

— Разве исполнимо оно, мой жырау?...— Губы Аблая уже начали светлеть.— Жить я хочу... Ну, да что говорить об этом. Хорошо бы, если бы люди не пугали детей моим именем.

Да, никогда не боялся он этого. Тихо было в ханской юрте. Жырау показалось, что Аблай заснул, как вдруг умирающий открыл глаза и сказал ясным, спокойным голосом:

— В свой первый бой вступил я здесь,— здесь, в Туркестане, рядом с предками, и похороните меня!

— Это пожелание будет выполнено, мой хан...

Аблай кивнул головой в знак того, что услышал слова жырау, но вдруг лицо его исказилось в страшной муке, и он опять заговорил быстро, глотая слова, как в бреду. Бухар-жырау наклонился к самому лицу умирающего, пытаясь уловить смысл. Но это были отрывочные, не связанные друг с другом фразы:

— О, вот они все собрались здесь, молодые и старые, кому я снес голову в бою... и не в бою.. И раб Ораз здесь, помнишь... Тот самый, который вывез меня из Хивы... Виновные и невиновные — все они тянут ко мне руки!.. Ну что это? Ангел смерти Мункир-Анкир со своей палицей... Неужели он будет бить меня ею по голове, как великого грешника перед людьми и богом?! О Бухар-еке, но ты-то лучше бога и всех его ангелов знаешь меня. Скажи всю правду, чтобы успокоить душу!

Бухар-жырау не успел ответить.

Ни на один день не задержался в Туркестане вещий певец. На следующее утро после похорон Аблая он сел на коня. Как и в молодости, никто не сопровождал его, ибо родная степь — дом жырау. Столетний старец сидел в седле, как всегда, прямо...

Растаяли за спиной очертания древнего мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави, рядом с которым упокоился прах хана Аблая. Бухар-жырау так ни разу и не оглянулся. Он ехал на север, туда, где собирались в вольные отряды ушедшие в степь.

СОДЕРЖАНИЕ

Ильяс Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

Историческая трилогия

КНИГА 2

ОТЧАЯНИЕ

Редактор *В. Полевская*
Художник *К. Утебаев*
Художественный редактор *Л. Тетенко*
Технический редактор *А. Мулкебаева*
Корректоры *Г. Руднева, Т. Сажина*

ИБ № 3981

Сдано в набор 14.02.86. Подписано в печать 25.03.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книж.-журн. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. п. л. 14,0. Усл. кр.-отт. 14,3. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 400 000 экз. (1-й завод 1 — 150 000 экз.). Заказ № 346. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

1 р. 10 к.

2

И. Есенберлин • КОЧЕВНИКИ